АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

Georg Christoph Lichtenberg

Aphorismen

Георг Кристоф Лихтенберг

Афоризмы

Издание подготовил
Г. С. Слободкин

Издательство «Наука»
Москва 1964 г.

Редакционная коллегия серии
«Литературные памятники»

Академики: *В. П. Волгин,* *Н. И. Конрад* (председатель), *М. П. Алексеев,* *В. В. Виноградов, С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров;* член-корреспонденты АН СССР: *И. И. Анисимов, Д. Д. Благой, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев;* член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. Брагинский;* доктора филологических наук: *А. А. Елистратова, Ю. Г. Оксман;* доктора исторических наук: *А. М. Самсонов, С. Л. Утченко;* кандидат филологических наук *Н. И. Балашов,* кандидат исторических наук *Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь)

Ответственный редактор
Б. И. ПУРИШЕВ

Lichtenberg.

Политика

Все зло мира часто объясняется неразумным почитанием старых законов, старых обычаев, старой религии.

D 366

Всеобщее мерило, которое определяло бы степень чьих-либо заслуг или важность какого-либо исполненного долга и указывало бы всем сословиям значение совершенного дела, явилось бы открытием в морали, достойным Ньютона. Например: муштровать роту перед домом коменданта, безусловно, не так трудно, как подбить пару подметок... И я утверждаю, что скроить платье наверняка трудней, чем быть придворным кавалером. Такую табель о рангах, которая имеется в уме каждого честного человека, я желал бы видеть напечатанной. Но она несомненно стоила бы головы и автору и издателю...

A 75

Спор о понятиях «означать» и «быть», причинивший в религии столько бед, был бы, возможно, благотворней, если бы его вели в других областях; ибо всеобщий источник нашего несчастья в том, что мы верим, будто вещи действительно являются тем, чем мы их считаем.

A 105

Дурак, воображающий себя князем, отличается от настоящего князя только тем, что первый — князь со знаком минус, а последний — дурак со знаком минус. Если их рассматривать без знаков, то они равны друг другу.

A 108

Никакие княжеские милости не определяют достоинства человека. Это вывод, основанный не на единичном факте; ведь правители большей частью дурные люди... — Как может быть в мире сносно? И чему

могут помочь всякие руководства по торговому делу, arts de s'enricher par l'agriculture *, какой толк от отцов семейства, если глупец является господином всего и ничего не признает кроме своих глупостей, капризов, шлюх и камердинеров? О, если бы мир однажды проснулся! И пусть даже три миллиона человек кончили бы жизнь на виселице, зато может быть 50—80 миллионов благодаря этому обрели бы счастье! Так рассуждал однажды какой-то парикмахер на постоялом дворе в Ландау [1]. Его сочли (и справедливо) помешанным, схватили, и еще до заключения в тюрьму какой-то унтер-офицер убил его ударом палки. Унтер поплатился головой.

A 110

Я разделяю наше население следующим образом: люди без всякого заработка или дохода — бедняки; люди с заработком меньше 500 талеров [2] или с твердым доходом; люди, имеющие свыше 500 талеров; люди, чей доход исчисляется тысячами или люди «видные». Таков естественный порядок четырех классов общества, причем четвертый самый важный. Я заявляю торжественно, что в своих сочинениях никогда ничего не говорил и не замышлял ни против четвертого класса, ни даже против третьего и никогда не скажу и не помыслю ничего такого, что могло бы прийтись не по вкусу этому почтенному классу. Второй класс, как сотоварищей, я заверяю в своей дружбе. Но вот первый класс! Взгляните, это ведь необозримое поле для немецкого сатирика. Бедняков хватает повсюду и они, по-видимому, будут, пока свет стоит.

B 133

Что у вас тут? Компас для путешествия по всему свету. Как, в кошельке? Да, здесь пятьдесят луидоров [3] наличными и вексель еще на две-три тысячи.

B 181

Он был одет в ливрею голода и нищеты.

B 194

У юристов тоже есть своя библия — Corpus juris [4], которая, однако, все еще существует по-латыни: доктор Лютер, как видно, не имел времени перевести ее на немецкий, а евреи — на древнееврейский, потому что она, пожалуй, вдвое толще немецкой библии и напечатана так убористо, особенно примечания, что ее почти невозможно читать без очков. Переплет у нее не черный, а белый, иногда из свиной кожи с медными уголками, так как юристы весьма основательно ее треплют. Лучшие ее издания — те, в которых на титульном листе изображены молитвенно сложенные руки (что это означает, я точно

* Искусство обогащения с помощью сельского хозяйства.

не знаю, но мне кажется, что это должно изображать Справедливость, отправляющую правосудие; или же то, как она молится, потому что вместить туда всю справедливость было невозможно из-за недостатка места). Но помимо этого есть и другое издание (я его видел), на первом листе которого стоит во весь рост Карл VI [5], одетый почти как проректор; почему это так, я понимаю хорошо: так как император после господа бога высшая персона, то ему полагается занимать место перед библией...

B 197

Когда вечером 3 июня 1769 г. Венера должна была пройти через солнечный диск, то после предварительных приготовлений ее увидели в положенное время. Когда же 8 июня прусская принцесса должна была проследовать через Геттинген, то ее напрасно ожидали до 12 часов ночи, она появилась лишь 9-го в 10 часов утра.

B 234

В мире не все благополучно, потому что людьми еще управляют при помощи мошенничества.

B 381

Sa majesté trés Voltairienne [6], король Пруссии.

B 387

...Мы не создали даже общенационального проклятия [7] или ругательства. Каждая провинция ругается и проклинает по-своему, или связывает с проклятием и бранью различные понятия, тогда как парижское ругательство вполне понятно не только во Франции, но даже и в Германии... Все, что появляется у нас в настоящее время на подмостках, тоже провинциально; и Вена в столь же малой степени задает тон всей нации, как и Берлин и Лейпциг.

C 73

Кулачное право наших предков было далеко не такой страшной вещью, как это стремится представить досужий ум: не исследовав дела, он верит на слово своему предшественнику и списывает у него. Ведь предки наши были при этом связаны законами, которые соблюдались во время земского мира [8]. По их мнению, война была божьим судом или высшим решением для противников, не желавших подчиниться никакому иному судье... И им казалось более разумным, справедливым и христианским, чтобы божьего приговора добивались мечом или копьем отдельные рыцари, нежели чтобы 100 000 человек молили творца стать на сторону того, кто убьет наибольшее число врагов.

C 74

Самые низшие унтер-офицеры — самые кичливые.

C 184

Он кушал столь основательно, что еда его могла бы стать «хлебом насущным» для сотен людей [9].

C 203

Два всадника, сидя на одном коне, дерутся друг с другом — прекрасная аллегория государственного устройства!

C 227

Наши предки вполне обоснованно завели определенный порядок, а мы столь же обоснованно упраздняем его.

C 232

Разве нет никакой разницы между справедливостью и живодерней?

C 247

Они совершают подвиги, а мы переводим рассказы об этом на немецкий язык.

C 341

Если бы когда-нибудь в мире начали совершать только необходимые дела, то миллионы умерли бы с голода.

C 368

...Я полагаю, что было бы не вредно, если бы каждый крестьянин поучился по меньшей мере с полгода...

D 194

Все зло мира часто объясняется неразумным почитанием старых законов, старых обычаев, старой религии.

D 366

Если немец изобретет машину, разве кто-нибудь его за это наградит? Уже хорошо, если милостивый камердинер пообещает всеподданейше показать князю ее модель, которая впоследствии разделит судьбу рождественской игрушки для детей камердинера. Книги расходятся еще довольно хорошо, но продукты нашей технической мысли мы пока не в состоянии выгодно вывозить за границу.

D 399

Если бы когда-нибудь рот захотел есть больше, чем могут заработать голова и руки, то я бы его заткнул, и на веки.

D 490

Я убежден из многолетнего опыта, что важнейшие и самые трудные дела в мире, приносящие больше всего пользы обществу, дела, благо-

даря которым оно живет и существует, совершаются людьми, зарабатывающими от 300 до 800 или 1000 талеров. Для большинства же должностей, дающих от 20 до 100 или от 2000 до 5000, можно было бы вполне успешно после полугодового обучения приспособить любого уличного мальчишку. И, если опыт не удастся, то причину следует искать не в недостатке его знаний, а в неумении скрывать этот недостаток за подобающей миной.

D 567

Вот уже двенадцать пасхальных ярмарок я наблюдал молча твое озорство, сластолюбивая, избалованная, неблагодарная родина и не говорил ни слова! Часто, когда справедливое негодование стучало у меня в том месте, где находится у мужчин pointhonneur *, я приглушал его, а ведь оно жаждало говорить или писать, чтобы излить свое неистовство против тебя в разоблачениях и брани, и быть может, тем самым сделать меня бессмертным.

И когда оно все же стремилось вырваться наружу, я пинал свою собаку, раздавал подзатыльники своим ученикам или же опрокидывал вещи и кромсал все то, чему угрожала виселица [10]. Это я делал целых двенадцать лет, но отныне — ни секунды больше. Весь мир должен теперь знать о твоем гнусном, злорадном отношении к нам, бедным писакам. Я хочу обнародовать это пером и чернилом, и если ты откажешь мне даже в этом материале, я нацарапаю это на стене щипцами для снятия свечного нагара [11].

...В тот день, когда история закроет свои книги, я хотел бы, пожалуй, заглянуть в них на часок, чтобы узнать, есть ли, кроме Германии, еще какая-нибудь страна, так дурно обходившаяся со своими писателями. Думается, едва ли. В Европе, по крайней мере, нет. Тогда мне следовало бы с этим поторопиться, потому что в будущем, когда нас всех отшлифуют до состояния китайцев, это уже, конечно, будет невозможно. После нынешней борьбы из отдельных частей часового механизма возникнут единые политические часы, и полицейские, приходя еженедельно в дом, будут отмеривать чернила наперстком.

Единственный народ, от которого можно ожидать чего-либо подобного, это, пожалуй, новозеландцы и именно потому, что мы в Германии рисуем такие же вертикальные линии, как и они, и потому, что они также «горды, мужественны и верны», как и мы, немцы [12], и наконец, потому, что они уже сейчас (поскольку совершенное отсутствие перьев и чернил не позволяет им ничего иного) пожирают своих противников на ученых и прочих диспутах.

D 647

---

* Особо уязвимый пункт, затронуть который нельзя, не оскорбляя чести (*франц.*).

Следует признать, что этот человек прав, но не по тем законам, которым решили повиноваться во всем мире.

E 33

...Прошение должно обычно прорвать четыре линии заграждений, прежде чем проситель достигнет желаемой цели. Оно должно *быть принято, прочитано, рассмотрено и удовлетворено.* Эти линии, согласно правилам истинного фортификационного искусства, должны быть тем неприступней, чем ближе они к конечной цели...

E 57

Будьте уверены, я не сегодня утром пришел к этой проблеме... После многократных наблюдений я убедился, наконец, что служба у господ является барщиной, и так называемое сдирание шкуры с крестьян мелкими князьями в Германии опирается в конечном итоге на метафизические хитросплетения [13]... Я поэтому тысячи раз желал, чтобы вместо постепенно выходящих из моды предписаний христианства (которые и без того приносят мало практической пользы), крестьянину лучше бы разъяснялись истинные философские понятия о свободе, и он научился бы понимать: то, что он называет потом, кровью и слезами, вытекает большей частью из ложных умозаключений. На беднягу за его ошибки не следует ныне обижаться, ибо как может тот, кто никогда не видит никаких часов, ни солнечных, ни дорогих механических, знать, идут ли его часы точно. Все жалобы крестьян, опрошенных мною, были основаны на софизме, будто то, что они платят князю, есть часть их собственности, тогда как каждый знает, что любой человек,— исключая больших господ,— за пределами своего тела не владеет ничем. А может быть крестьяне в действительности вовсе не имели того, что имеют? Может быть то, что они отдают, уже принадлежало князю, прежде чем они это отдали, quod probe notandum *, и они лишь чистые плательщики долга? А то, что они называют своей собственностью, есть милостиво пожалованные деньги для расплаты, которые в иных местах Германии достигают совершенно незаконным образом пятидесяти процентов.

E 130

Быть свободным? Каким образом? Вне закона, вероятно?

E 152

...У нас в Германии есть общепринятые молитвы, но ни одного общепризнанного проклятия или ругательства и ни одной виселицы, известной повсюду...

---

* Что следует заметить, запомнить (*лат.*).

Тогда как в Тайберне [14] вешают все, что в густонаселенном Миддлсексе [15] созрело для виселицы, в Германии есть свои виселицы не только почти в каждой деревне, но и для бюргерства в больших городах, и для каждого сословия — своя собственная. Боюсь, как бы наши крепкие словечки не утратили свою силу для всей страны, так как изобретут семейные ругательства и семейные виселицы.

E 207

Заставить папу римского отрастить бороду, разве это значит провести реформу?

E 212

Мне хотелось бы только на один день стать королем Пруссии, чтобы задать хорошую трепку берлинцам.

E 303

Скажите, есть ли на свете страна, кроме Германии, где задирать нос научаются раньше, чем его прочищать?

E 313

У больших господ руки длинные, а у их камердинеров — короткие. Большие господа своими длинными руками причинили ему меньше вреда, чем камердинеры своими короткими.

E 346

Мы живем в мире, где один дурак создает много дураков, а один мудрый — очень мало мудрых.

E 351

Не все благородия почили благородно и являются в царстве мертвых высокоблагородными усопшими.

E 369

Дороги становятся тем шире и красивей, чем ближе подъезжаешь к этому аду (Лондону).

F 205

Варварский педантизм, скулящее смирение.

F 271

Я полагаю, что источник большинства человеческих бед заключается в пассивности и мягкотелости. Нация, наиболее способная к напряжению сил, являлась всегда и самой свободной и самой счастливой. Пассивность не в состоянии мстить. Она позволяет лишь платить себе за свой позор и величайший гнет.

F 362

Обычно говорят, что человек обеспечивает должность, тогда как на самом деле должность обеспечивает человека.

F 423

Не подлежит сомнению, что наше современное благополучие, поскольку оно зависит от достоинств политического устройства, не соответствует прогрессу наших знаний. В чем причина этого? В воспитании индивидов? Безусловно, не только в этом.

F 473

Как издеваются над маврами [16], торгующими людьми! Но что более жестоко — продавать их или покупать?

F 584

Я не требую пощады, но и того, кто меня несправедливо затронет, не пощажу, кем бы он ни был. Свобода мыслить и писать безнаказанно во имя истины — это преимущество места, где правит Георг [17] и которое благословил Мюнхгаузен [18]. Здесь можно утверждать во всеуслышание: глупец есть глупец, безразлично, влачит ли он цепи, или ему поклоняются.

F 710

Вряд ли в Германии найдется какой-нибудь сапожник, который не судил бы об исходе американской войны верней, чем лорд Джордж Жермен [19].

F 788

Можно было бы сочинить превосходную колыбельную для эмбриона негра! Спи, маленький негритенок! Здесь, в спирту, с тебя не сможет сдирать шкуру торговец сахаром (следуют размышления о матери, умершей, вероятно, мой маленький Цезарь, до твоего полного развития). Какое было бы счастье, если бы здесь, подобно тебе, покоился неразвившимся угнетатель твоего отца и твоих братьев. Сколько гнусных дел погибло бы в зародыше!

F 1031

Мы, правда, уже не сжигаем ведьм, но зато сжигаем каждое письмо, в котором содержится голая правда.

F 1134

Даже ударение делают у нас не на одном и том же слоге: один говорит Йоганн, а другой — Иоганн.

F 1153

...Мы обладаем такими же дарованиями, как и прочие европейцы. Но мы более тщательно интересуемся чинами и жизнью нашего начальства, чем человеческой природой вообще.

F 1160

Свобода англичан отличается от нашей, ганноверской, тем, что там она гарантируется законами, а здесь зависит от доброты короля. Следовательно там ее можно подорвать только подкупом членов парламента, что, кажется, сейчас и происходит. Война в колониях [20] ведется против воли народа. Как было бы хорошо, если бы голоса можно было взвешивать, вместо того, чтобы их подсчитывать!

RA 4

Немцы так же свободны, как и англичане: только злоупотребления сильных мира сего превращают подданных и тут, и там в рабов. Они должны бы, по примеру вюртембержцев, подать на них жалобу [21].

RA 26

Так же как высшее право [22] есть высшая несправедливость, так и наоборот, высшая несправедливость есть нередко высшее право.

Schr. I, 104 (G, H)

Проветривание нации, по моему мнению, безусловно, необходимо для ее просвещения. Что такое люди, как не старое платье? Их надо проветривать. Каждый может представлять себе это дело, как угодно. Но я представляю себе каждое государство в виде платяного шкафа, а людей — как платье в шкафу. Правители это те господа, которые его носят, иногда чистят и выбивают, а когда платье износилось и галуны выгорели — его выбрасывают. Но его не проветривают; а, по-моему, его надо бы развесить на чердаке...

Schr. I, 225 (G, H)

Если бы путешественник встретил на каком-нибудь отдаленном острове народ, вокруг домов которого стояли бы заряженные орудия, а ночью постоянно ходили бы часовые, он подумал бы, что на острове живут одни разбойники. А разве в европейских государствах дело обстоит иначе? Отсюда видно, как мало влияния имеет религия на людей, не признающих никаких законов, или, по меньшей мере, как мы далеки еще от истинной религии! То, что сама религия была даже источником войн — отвратительно! И создателям религиозных систем безусловно придется за это поплатиться. Если бы сильные мира сего и их министры придерживались истинной религии, а подданные имели разумные законы и разумное государственное устройство, это пошло бы всем на пользу.

Schr. I, 225—226 (G, H)

...Не разрушайте слишком поспешно здание, в чем-то неудобное, чтобы не подвергнуться новым неудобствам! Вводите улучшения понемногу!

Schr. I, 226 (G, H)

Человеческая кожа — почва, на которой растут волосы. Меня удивляет, что еще не нашли до сих пор средства сеять на ней шерсть, чтобы стричь людей.

Schr. II, 72 (G, H)

Если и случается иногда похоронить живого, то сотни других, в сущности, мертвых, продолжают цепляться за землю.

Schr. II, 74 (G, H)

Кулачное право сегодня исчезло — за исключением права для каждого показывать кулак в кармане.

Schr. II, 83 (G, H)

Американец, первым открывший Колумба, сделал скверное открытие.

Schr. II, 84 (G, H)

Он всегда так много занимался духовными лицами, что в конце концов его делами занялись светские лица и выдворили его из города.

Schr. II, 87 (G, H)

Характер немцев в двух словах: patriam fugimus *.

Schr. II 119 (G, H)

Если нужно поднять знания трудящегося класса, то, разумеется, необходимо и высшему классу пойти гораздо дальше, чтобы он мог тянуть за собой низший. Но это «гораздо дальше» весьма относительно. Если наши ученые будут продолжать действовать в том же направлении, как до сих пор, то они еще больше удалятся от низшего класса, а их усилия поднять его до себя будут возрастать одновременно с презрением, с которым они смотрят на этот класс...

J 33

Эдикт о цензуре [23]. Уже раньше предсказывали, что этим жалким паллиативом попытаются себе помочь. Все слабые правительства держатся на том, что более умной части нации они замазывают рот или вешают на него замок...

J 41

Пожалуй, можно бы изложить биографию прусского короля в ироническом тоне, чтобы избежать возникновения басен в истории [24].

J 77

* Мы бежим от родины (*лат.*) — Вергилий. Эклоги I, 4.

В Геттингене мы живем на кострах, снабженных окнами и дверями.

J 168

Я где-то читал, что размышлять о государствах легче, если представлять их себе как живых людей. Они, следовательно, бывают и детьми, и пока они в этом возрасте, монархическая форма правления для них лучше всего. Но когда дети становятся взрослыми, они уже не позволяют так обращаться с собой, потому что нередко бывают умней отцов.

J 212

Каким путем люди дошли до понятия о свободе? Эта была великая мысль.

J 261

Если бы существовало животное, превосходящее людей силой, которому иногда доставляло бы удовольствие играть с ними, как играют дети с майскими жуками, или накалывать их на булавки для коллекции, как бабочек, то такое животное было бы, вероятно, в конце концов, истреблено, особенно в том случае, если бы оно не было много выше человека по своим духовным возможностям; оно не смогло бы устоять против человека или, во всяком случае, не должно было бы помешать ему хоть сколько-нибудь проявить свои силы. Таким животным поистине является деспотизм, а между тем он все еще держится во многих местах. Но, описывая это животное, следует, разумеется, учитывать, что оно не может обойтись без человека.

J 342

Если бы собаки, осы, пчелы и шершни были одарены человеческим разумом, то они, возможно, овладели бы всем миром.

J 343

Руссо, Вольтер, Мерсье [25] и Рейналь [26] предсказали французскую революцию.

J 349

Французская революция — продукт философии, но что за скачок от cogito ergo sum [27] до первых возгласов в Palais Royal: «à la Bastille!» [28]
Это глас трубы страшного суда для Бастилии.

J 363

Нередко упрекают корпорации лондонского Сити [29] в том, что они состоят из людей, которые, как индивиды, большей частью являются

весьма почтенными людьми, но in corpore * обычно поступают весьма неумно. Точь в точь как наши богословы.

J 407

Поистине не знаешь, не сидишь ли ты теперь в сумасшедшем доме?

J 501

Как ловко проводятся маневры мнений в Ганновере: в чем убежден фланговый, то же думают и все прочие. Во всем городе слышишь одно и то же, исключая лишь некоторые интимные круги.

J 519

Уметь соединить pro rege с pro grege [30].

J 659

О первых двух людях [31] сочинено уже достаточно; кто-то должен теперь попробовать сочинить что-нибудь и о двух последних [32].

J 677

Не совершаем ли мы, колесуя убийцу, ошибку ребенка, который бьет тот стул, на который наткнулся?

J 686

А: Воздухом жить невозможно.
Б: Но и без воздуха тоже. Это неплохо, когда порой тебе приходится туговато.

J 823

Да помилует бог всех, кто поставлен «Божьей милостью»!..

J 835

Кроме *времени* есть еще одно средство вызывать великие перемены, и это — *насилие*. Если первое действие слишком медленно, то второе зачастую берется за дело слишком поспешно.

J 858

Во избежание худшего, немецкие деспоты станут слегка содействовать прогрессу. Вряд ли такое могло бы произойти прежде.

J 893

С тех пор как он получил пощечину [33], он думал, что каждое слово, которое начинается на «п», например «правительство», означает пощечину.

J 903

---

* В совокупности, в полном составе (*лат*).

[Апрель 1792] В свободной Франции, где можно свободно вздернуть каждого, кого пожелаешь.

J 912

Странные дела происходят у нас, обитателей земли!

J 931

Я хотел бы предложить для обозначения просвещения известный знак огня — Δ. Огонь приносит свет и тепло и необходим для роста и развития всего живого, но — при неосторожном обращении он также обжигает и разрушает.

J 948

Может ли народ изменять свое государственное устройство, если захочет? По этому вопросу высказано много хорошего и плохого. Вот лучший, как я полагаю, ответ на этот вопрос: кто может помешать ему сделать это, если он решился? Вполне естественно действовать в соответствии с принципами, ставшими всеобщими. Попытка может оказаться неудачной. Но в настоящее время ведь дело дошло до попыток...

J 949

[Октябрь 1792] Противники французской республики постоянно говорят о том, что она — дело нескольких мятежных голов. Позволительно спросить: когда же большие события были делом одновременно многих? Часто это было делом одного единственного человека. А чем же являлись войны наших государей, как не делом немногих, короля и министра? Это — неубедительные рассуждения.
Большое количество умов само по себе препятствует развитию событий. Когда должно совершиться нечто великое, то здесь могут и обязаны быть лишь немногие. Прочих же, массу, нужно всегда перетягивать на свою сторону, называйте это как хотите — убеждением или обольщением — все равно. С большим презрением высказываются также о пивоварах, парфюмерах, которые играют сегодня выдающиеся роли. Но ведь для этого ничего не требуется, кроме искреннего, подлинно человеческого чувства, мужества и честолюбия...

J 1070

Прекрасно говорит Гердер [34], и это можно признать за аксиому истории: угнетают лишь тот народ, который позволяет себя угнетать.

J 1104

Наши времена — самые подходящие для Сервантеса. Времена Сервантеса наступили, но Сервантеса пока нет. Шуты уже есть, не хватает бича.

J 1108

Когда кто-нибудь в Кохинхине [35] говорит: doii (я голоден), то люди бегут, как на пожар, чтобы дать ему поесть. В иных провинциях голодающий мог бы сказать по-немецки — «я голоден», и это помогло бы ему ровно столько же, как если бы он сказал doii.

J 1122

[Январь 1793]. Изобразить происхождение французского древа свободы по Линнею — вышла бы неплохая сатира!

J 1123

Я хотел бы узнать, что произойдет, если бы когда-нибудь пришла с неба весть, что господь бог в ближайшее время направит на землю комиссию из полномочных ангелов, и они, по примеру судей в Англии, начнут объезжать Европу и выносить решения по крупным процессам, в которых обычно нет иного судьи, кроме права сильного.

Что сталось бы тогда с некоторыми королями и министрами? Иные из них, пожалуй, предпочли бы поскорей начать ходатайствовать о всемилостивейшем отпуске, для того чтобы познакомиться с ловлей китов или подышать чистым воздухом у мыса Горн, лишь бы не оставаться на своих местах.

J 1126

Думаете ли вы, что старые злоупотребления в обществе так легко устранить? Французская революция (что бы там ни было!) оставит после себя много хорошего, оно без нее не появилось бы в мире. Бастилия уничтожена, и подлое насекомое, описанное господином Борном [36] в его «Монахологии», тоже отчасти выкурено.

J 1147

Что за животное солдат, ясно видно из современной войны: он позволяет себя использовать для установления свободы, для ее подавления, для свержения королей и для укрепления тронов. Против Франции, за Францию и против Польши! [37]

J 1157

В присоединенных странах французы обещали любовь к братьям; в конечном счете они ограничились лишь любовью к сестрам.

J 1167

Этому городу была постоянно присуща некая счастливая тупость.

J 1173

К числу недоразумений или неверных представлений о французской революции относится и то, что полагают, будто народом руководит

кучка злодеев. А может быть скорее эти злодеи использовали настроение нации?

J 1178

Во «Всеобщей литературной газете»[38] (1793, № 78) имеется замечание о том, что в Париже следовало бы надежно спрятать статуи и тем самым предотвратить разрушение их варварами. И в другом месте — (№ 85) так же: «Многое в революции могло бы произойти не столь насильственным образом». Словно природа может предоставить осуществление своих планов метафизике! Было бы, разумеется, хорошо, если бы города в Калабрии[39] находились в безопасности до тех пор, пока природа не укрепит пещеры, созданные ею под этими городами. Но, думается, что если, несмотря на ремонт и подпорки, здание все же рушится, то никаким ремонтом улучшить его состояние было бы невозможно...

J 1197

О, будьте снисходительны в суждении об исполнителях подобных предприятий и оценивайте их достоинство не тем мерилом, с каким вы подходите к другу, опекуну или компаньону. Для разыгрывания великой национальной драмы требуется нередко исполнение таких ролей, которые, правда, честный человек поостерегся бы играть, и если не для утверждения закона, то для его подготовки часто требуются люди, которых спустя пятьдесят лет повесили бы в силу этого же закона. Ведь так всегда и было: история изображает нам лишь здания, а грязные строительные леса она убирает.

Göttingischer Taschenkalender für das Jahr 1791, S. 212

Порядок ведет ко всем добродетелям! Но что ведет к порядку?

J 1204

Они чувствовали давление правительства столь же мало, как и давление воздуха.

J 1217

Я прочитал прекрасное замечание в одной из статей «Шлезвигского журнала»[40]: чернь, санкюлоты и великие мира сего, т. е. два противоположных друг другу класса, являются именно теми людьми, которые более всего чужды истине и добродетели и совершили самые гнусные дела...

J 1224

Если внимательно приглядеться, то у немцев можно повсюду найти подражание, разумеется, более или менее скрытое. Даже наши оплачиваемые сражения — подражание защите отечества. Действи-

тельную защиту своего очага, своей жены и детей нельзя сравнивать со службой солдата, хотя это все-таки делают очень часто. Это вещи совершенно различные и отличаются они друг от друга, как истинная дружба от подхалимства.

Schr. I, 236 (K)

По поводу современной анархии во Франции и разногласий в национальном Конвенте [41] позволительно спросить: сколько же принадлежит в этом деле эмигрантам? И сколько — влиянию иностранных дворов? Безусловно, они воюют не только посредством армий.

Schr. I, 237 (K)

Ни одна борьба [42], происходившая на моей памяти, не извращала так сильно понятия свободы и равенства, как современная. «Поезжайте в Париж, там вы увидите до чего доводит равенство!» — кричит одна партия. И печально видеть, что даже известные писатели присоединяют к этому свой голос. Точно так же я мог бы воскликнуть: вы, что находите такое уж великое счастье в общении с другим полом и в любви к нему, взгляните на больницы, где содержатся больные с провалившимися носами! Или вы, кто разглагольствует о сладости дружбы за кружкой вина, взгляните на пьяниц в когтях чахотки, медленно умирающих, окруженных голодными детьми! О, глупцы, готов я сказать, поймите же нас! Я думаю, вы понимаете нас слишком хорошо, но вы рассуждаете так лишь потому, что боитесь, как бы нас не понял свет. Равенство, которого мы требуем, это наиболее сносная степень неравенства. Разнообразных видов равенства, в том числе и ужасных, существует столько же, сколько и различных степеней неравенства, и некоторые из них так же ужасны. С обеих сторон грозит гибель. Я поэтому убежден, что разумные представители обеих партий не так далеки друг от друга, как это полагают, и равенство для одной партии и неравенство для другой, пожалуй, в конце концов, одно и то же понятие, лишь различно называемое. Но чем здесь поможет философствование? Спор этот может быть решен только битвой, и, если одна партия добьется преобладания, особенно, когда противная партия показала себя очень уж необузданной, то положение может еще более ухудшиться.

Однако следует опасаться, как бы эта средняя ступень равенства или неравенства (как угодно) не оказалась одинаково ненавистной для обеих партий. Тогда, пожалуй, ее нужно будет установить силой. В этом случае нечего удивляться, что тот, кто ее установит, прибегнет, пожалуй, к весьма сильным мерам. В этом коренится общая причина, почему среднее состояние столь непрочно и встречается так редко.

Schr. I, 237—238 (K)

Если состояние золотой середины должно быть достигнуто борьбой между сторонниками обеих крайностей, то это весьма опасное дело. Только полная утрата сил обеими партиями сможет их склонить к этому, а в таком случае власть над ними легко захватит третий.

Schr. I, 238—239 (K)

Дело вовсе не в том, чтобы солнце в какой-либо монархии никогда не заходило, чем прежде так гордилась Испания [43]. Важно, что́ видит солнце во время своего движения над этим государством.

Schr. I, 240 (K)

...Высшая степень политической свободы непосредственно примыкает к деспотизму. Как прекрасно, что в английской конституции республиканская свобода уже ранее слилась с монархией, чтобы предотвратить полное превращение демократии в чистую монархию или деспотизм.

Schr. I, 240 (K)

Много говорят о хороших королях, которые в сущности менее всего были хорошими королями, а просто хорошими людьми. Это в высшей степени нелепое смешение понятий...

Schr. I, 240—241 (K)

Если бы явился величайший учитель человечества и основал бы школу для воспитания совершенных людей, а все школьные наставники, из боязни потерять клиентов, сговорившись, начали бы жаловаться на него, пытались бы совратить его детей, усердно посылали ему отвратительных типов и среди них даже переодетых женщин с венерическими болезнями, приказывали бы доставлять им водку, вкусные яды и т. д.,— как могло бы существовать подобное заведение? И если бы действительно там пошло все вкривь и вкось, какое право имели бы тогда завистливые наставники писать на весь мир: quid dignum tanto tulit hic promissor hiatu? *
Виноват не его план, а они, наставники, со своими кознями.

Schr. I, 241 (K)

Утвердить равенство и свободу так, как это мыслят сегодня многие, означало бы дать одиннадцатую заповедь, благодаря которой были бы отменены прежние десять.

Schr. I, 241 (K)

Прежде при обращении в новую веру пытались искоренить мнение, не затрагивая головы. Во Франции поступают теперь проще: мнение отсекают вместе с головой.

Schr. I, 242 (K)

* Что достойного вещает хвастун своей большой пастью? (*лат*).

В настоящее время гробом господним французской монархии[44] стремятся овладеть немцы, англичане, французы, пьемонтцы, испанцы, португальцы, неаполитанцы и голландцы. Удастся ли им это?

Schr. I, 242 (K)

Еще вопрос, благодаря чему свершено в мире больше дел — благодаря сказанному основательно или сказанному только красиво. Сказать что-либо очень основательно и в то же время очень красиво — дело трудное; по крайней мере в тот момент, когда ощущаешь красоту, не всегда улавливаешь основательность. Порицают плоскую болтовню, которая печатается сегодня по политическим вопросам во Франции. Я думаю, что эти упреки сами несколько плоски и показывают, что пером этих критиков водит только догматизм, а не знание человеческой природы. Ибо эти книги пишутся не для человечества вообще и не для абстрактного разума, а для конкретного человека, принадлежащего к определенной партии; и *своей цели* они безусловно достигают лучше, чем произведения, рассчитанные на абстрактного человека, которого никогда не было и никогда не будет.

Schr. I, 242—243 (K)

Что при всем неравенстве сословий люди могут быть одинаково счастливы, это, как мне кажется, и не проблема. Стоит только попытаться сделать каждого настолько счастливым, насколько это возможно.

Schr. I, 243 (K)

Было бы превосходно, если бы можно было изобрести руководство, как превращать людей «третьего сословия» в нечто, напоминающее бобра. На всем белом свете я не знаю лучшего животного: он кусается только тогда, когда его поймают, но трудолюбив, полон семейных добродетелей, искусен в постройках и дает превосходную шкуру.

Schr. I, 246 (K)

Я отдал бы многое, чтобы точно узнать, для кого собственно были свершены подвиги, о которых официально говорят, что они де свершены «на благо отечества»?

Schr. I, 246 (K)

Я, конечно, не могу сказать, будет ли лучше, если все будет по-иному, но вот что я могу утверждать: все должно быть по-иному, если все должно стать лучше.

Schr. I, 246 (K)

В словах vox populi, vox dei * содержится больше мудрости, чем обычно влагают сегодня в четыре слова.

Schr. I 252 (K)

Те, что желают муштровать подданных, хотят заставить вращаться вокруг земли неподвижные звезды только для того, чтобы земля находилась в покое.

Schr. I, 252

Если бы браки могли способствовать установлению мира, то великим мира сего следовало бы разрешить многоженство.

Schr. I, 252

Построить республику из материала свергнутой монархии, конечно, трудная проблема. Дело не пойдет до тех пор, пока каждый камень не будет вытесан по-иному, а для этого требуется время.

Schr. I, 253 (K)

Люди ожидают теперь так много от Америки [45] и ее политического состояния, что желания всех просвещенных европейцев, по крайней мере тайные, имеют, можно сказать, западное отклонение, подобно магнитным стрелкам наших компасов.

Schr. II, 76 (K)

Мы, божьей немилостью, поденщики, крепостные, негры, барщинники и прочая и прочая.

Schr. II, 105

Титул: королевский придворный громоотвод.

Schr. II, 106

Более острый сократический метод,— я имею в виду пытку.

Schr. II, 108

Человечество можно было бы разделить на три класса [46].

1. Neque ora neque labora;
2. Ora et non labora;
3. Ora et labora.

Schr. II, 144 (K)

Все, что говорится о пользе и вреде просвещения, можно бы очень хорошо представить себе на примере огня. Он является душой неорганической природы, умеренное пользование им делает жизнь приятной, он согревает нас зимой и освещает наши ночи. Но для этого необходимы светильники и факелы. Освещение же улиц путем поджога

* Глас народа, глас божий (*лат.*).

домов весьма скверное освещение. Да и детям не следует разрешать играть с ним.

Schr. II, 145 (K)

Декарт говорит в одном письме к Бальцелю, что уединение нужно искать в больших городах, и для этой цели он рекомендует Амстердам, из которого послано письмо. Действительно, я не понимаю, почему гул биржи не может быть столь же приятен, как шум дубового леса, особенно для философа, который не занимается коммерческими делами, и может разгуливать среди купцов, как среди дубов: ведь и купцы, со своей стороны, в суматохе и делах столь же мало обращают внимания на досужего странника, как дубы на поэта.

Schr. II, 179—180 (K)

С момента изобретения письма просьбы много потеряли в своей силе, а приказы, напротив, выиграли. Это плохой баланс. Письменные просьбы легче отклонять, а письменные приказы легче отдавать, чем устные. И для того, и для другого надо иметь смелость, а когда это приходится делать *устно,* ее часто не хватает.

Schr. II, 180 (K)

Великих мира сего часто упрекают, что они не сделали всего того хорошего, что могли бы сделать. Они могут возразить: подумайте-ка о всем том зле, которое мы могли бы причинить и не причинили.

L 9

В системе зоологии вслед за человеком идет обезьяна, отделенная от него огромной пропастью. Если бы когда-либо какой-нибудь Линней расположил животных в соответствии с их счастьем, довольством своим положением и прочим, то, видимо, некоторые люди оказались бы позади ослов и охотничьих собак. Превосходные примеры этого можно найти в книге Меркеля [47]. «История латышей». Лейпциг, 1797 г.

L 17

Французская революция благодаря всеобщему языку, возникшему в эту эпоху, распространила среди людей определенные понятия, которые не легко будет вновь искоренить. Кто знает, не вынуждены ли будут сильные мира сего снова ввести варварство...

L 25

Сегодня (20 октября 1796 года) читал книгу «Политический зодиак, или Знамения времени» Гуэргельмера [48] (Страсбург, у Георга Кенига). Написана хорошо и содержит лучшее из того, что можно высказать сегодня против монархов и господ. Частично это принадлежит автору, частично же взято им из других произведений. Кое-что, вероятно,

даже и неоспоримо. Но допустим, что когда-нибудь начнут повсюду функционировать народные правительства. Тогда, вероятно, возникнут другие обстоятельства, одобрить которые разум может столь же мало, как и современные. Ибо республиканская система, свободная от всяких пороков,— утопия, чистая идея. Что же произойдет, если это случится? Я полагаю, что из-за революций люди постоянно будут *бросаться* от одной общественной системы к другой, и продолжительность каждой из них будет зависеть от преходящих достоинств отдельных людей. Ссылаться на пример Америки пока трудно, потому что она очень далеко расположена от стран, в которых мыслят иначе, а те, кто по ту сторону океана мыслит иначе, не имеет уже достаточной поддержки. Ограниченная монархия является, по-видимому, в конце концов, асимптотой. Но и здесь постоянно все будет зависеть от личных достоинств отдельных людей и sic in infinitum *.

L 34

Великие завоеватели всегда будут вызывать удивление, а всеобщая история определять по ним периоды. Это печально, но это заложено в человеческой натуре. По сравнению с громадным и сильным телом дурака слабое тело величайшего мыслителя, а следовательно, тем самым, и его великий ум будут казаться достойными презрения, по меньшей мере для большинства, и это будет до тех пор, пока люди останутся людьми. Предпочесть великий ум в слабом теле — это требует размышления, а до него могут подняться лишь немногие. На скотном рынке глаза всех постоянно устремлены на самого крупного и упитанного быка.

L 37

В некоей стране государь и его советники были обязаны во время войны спать на бочке с порохом. И притом, в отдельных покоях замка, куда каждый мог заглянуть, чтобы удостовериться, горит ли там всегда ночной свет. Бочка была не только опечатана печатью народных представителей, но и прикреплена к полу ремнями, также опечатанными надлежащим образом. Каждое утро и вечер печати осматривались. Говорят, что с той поры войны в этой стране совершенно прекратились.

L 58

Для Вены было бы неплохо, если бы французы вошли туда осенью 1796 г. Я говорю не о варварах, а об обаятельных, умных офицерах. Может быть они несколько улучшили бы местную породу. Ведь если австрийские овцы должны давать лучшую шерсть, то им следует

* Так до бесконечности (*лат.*).

допустить к себе французских баранов, в противном случае они останутся глупыми.

L 65

Окна просвещения, по крайней мере в Германии, обложены тяжелым налогом [49].

L 88

Так как теперь столько говорят в газетах о «верхушке армии», о «чести короны», то истинный патриот и друг человечества желал бы знать: где собственно находится эта «верхушка армии», впереди, позади, по сторонам или в центре? Или может быть армии, выступающие против врага, и не имеют при себе «верхушки», а оставляют ее, как святыню, под охраной сильного эскорта?
В чем собственно заключается истинная «честь короны»? В том ли, чтобы ее подданные при умеренном достатке и здоровом теле были счастливы, или в том, чтобы убивать сотни тысяч людей или делать их калеками, обогащая пару лавочников, и из отходов этого изобилия покупать драгоценности для короны?

L 100

Современная война распространила повсюду некоторые определенные понятия. Нельзя утверждать, что нечто подобное и раньше часто случалось,— нет! Это никогда не происходило так, как теперь, после изобретения книгопечатания, реформации, основания такого количества газет и журналов, публичных библиотек и при возникшей жажде чтения, которая прежде, безусловно, не была столь всеобщей. Здесь взаимодействует много явлений, которых в прошлом одновременно никогда не было, да и быть не могло. И это делает наше время самым примечательным из всех, какие когда-либо были.

L 152

Когда-то крестили колокола [50], а теперь следовало бы крестить печатные станки.

L 177

Великолепное замечание имеется в книге Эмануэля Фодере [51] «О зобе и кретинизме. Для врачей и философов». Кретины (низшая их разновидность) весьма обжорливы, сластолюбивы, большие интриганы; помимо этого, они бесхарактерны, ленивы, боязливы и угодливы. Самое изысканное их занятие состоит в изучении гербов, дворянских грамот, так как каждый из них претендует на свою принадлежность ко всему этому.

L 220

Не удивительно ли, что высшие почетные должности (например, королевская) достаются без экзамена, который требуется от любого городского врача?

L 259

Так как при наступлении мира запевают te deum laudamus *, то было бы совершенно естественно запевать в начале войны te diabolum damnamus **. Разве было бы не достойно поэта сочинить Te diabolum, а композитора — написать музыку?

L 280

Военный гений наций — *патриотизм,* любовь к отечеству. Нации, сражающиеся без патриотизма, являются механизмами, муштрованными вояками, лишенными подлинного гения...

L 281

Экспериментальная политика: французская революция.

L 320

Природа создает генералов так же, как поэтов и художников. Однако первыми стремятся делать исключительно принцев. Почему же в таком случае их не делать также поэтами и художниками?

L 323

[Март 1798]. Посмотрим, что выйдет из французской республики, когда законы выспятся.

L 417

Там, где все люди хотят прийти по возможности раньше, там большинство их непременно должно прийти слишком поздно.

L 430

Германия отнеслась к нехристианской Франции [52] истинно по-христиански. После того, как она получила от нее пощечину по одной ланите, она подставила ей и другую.

L 437

Француз сражается, эмигрант идет сражаться [53].

L 451

Много говорят о просвещении и желают побольше света. Но, боже мой, какой толк от этого, если у людей либо нет глаз, либо те, у кого они есть, нарочно зажмуриваются?

L 469

---

* Тебе, бога, хвалим *(лат.)* — начальные слова молитвы *(церк.-сл.)*.
** Тебя, дьявола, проклинаем *(лат.)*.

[Июнь 1798]. Чего только не встретишь сейчас! Изображения девы Марии с трехцветными кокардами, вместо мартовского пива — жерминальское [54], и вместо мартовских зайцев — жерминальские. Может быть еще появятся флореальские котята [55] вместо майских?

L 477

В настоящее время имеется много постановлений, запрещающих допускать к должности проповедника кандидатов, не изучавших основных восточных языков. Боже милостивый, а ведь ежедневно разрешают занимать троны и посты в министерствах людям, которые при своей профессии не владеют даже «азами» своего дела.

L 482

Свобода прессы и кофейных мельниц [56]

L 495

Полицейские учреждения некоего города можно сравнить с трещотками на вишневых деревьях: они спокойны, когда треск особенно необходим, и подымают ужасный шум, когда из-за сильного ветра не видно ни одного воробья.

L 502

Бонапарт превратил Ломбардию в ломбард [57].

L 518

По случаю этого некоторые тома in quarto [58] были возведены в достоинство фолиантов и им было высочайше дозволено иметь титульные листы in folio, которые, однако, должно было носить обернутыми в бумагу.

L 527

Прежде всего кое-что против современного способа изложения астрономии: поистине, дело заходит слишком далеко! Спрашивается, так ли уже важно, если какой-то пункт на карте определен на четверть мили неверно? Боже правый! А на сколько градусов отклоняются от истины наши государственные учреждения? И сколько следует еще исправить в тех городах, географическое положение которых на карте давно исправлено? Как дорого обходятся обсерватории! А насколько больше пользы принесла бы при тех же расходах школа!

L 601

Ça ira, ça-ira, Каир [59].

L 676

Утверждают, что во всей стране за последние 500 лет никто не умер от радости.

L 646

Кто желает увидеть красавцев-разбойников, вылощенных обманщиков, очаровательных притеснителей сирот, вовсе не должен искать их на большой дороге и в деревенских тюрьмах. Пусть пойдет туда, где едят на серебре.

Schr. IV, 38

Чтобы поступать справедливо, нужно знать очень немного, но чтобы с полным основанием творить несправедливость, нужно основательно изучить право.

Ged. S. 48

Я хотел бы когда-нибудь написать историю человеческой живодерни. Я полагаю, что мало искусств в мире столь рано достигли полного совершенства, как именно это, и ни одно из них не является столь распространенным.

Ged. S. 81

Философия. Наука

...Будь внимательным, не воспринимай ничего бесплодно, соизмеряй и сравнивай — в этом основной закон философии.

А 121

Искусная уловка принимать незначительные отклонения от истины за самую истину (что является сутью дифференциального исчисления) лежит также в основе и наших остроумных мыслей: ведь целое рухнуло бы, если бы мы подошли к этим отклонениям с философской строгостью.

А 1

Величайшие дела в мире совершаются через другие, которые мы считаем ничтожными, через малые причины, не замечаемые нами, но в конце концов накапливающиеся.

А 19

Что это за неведомые законы и пути, благодаря которым природа изменяет инстинкты в одном и том же животном и заставляет его забывать о прежних? Цыпленок забирается под наседку. В конце концов он сам становится наседкой и уже никуда не забирается, а укрывает других. У всех животных внешнее состояние их тела и изменение их органов чувств всегда является функцией их действий и способа существования. Это относится также и к человеку; но в то время, как одна из переменных величин возрастает, другая может убывать и наоборот.

А 24

Довод против материалистов, выдвинутый господином Унцером[1] во «Враче» (т. VI, стр. 148), взят из области изменений нашего тела и действительно не лишен значения.

Ясно, что составные части нашего тела, изменяясь с возрастом, это уже не *мы,* как могла бы выразиться, передавая свое состояние, унаследованная нами новая душа. Можно, конечно, возразить, что эти изменения происходят постепенно, и ведь существуют и сегодня, благодаря преемственности, те же вещи, которые возникли еще в начале мира, хотя каждые 80 лет он становился иным. Так мог бы ответить Ламетри. Другой довод, который считает весьма важным Фонтенель [2], достоин такого же внимания: поразительное воздействие мысли на тело необъяснимо, если предполагать, что мысль действует только по законам механики. Действительно, человек, которому я тихо говорю на ухо, что он будет арестован, если моментально не исчезнет, и впрямь исчезает, и бежит, охваченный страхом, много миль. Но следует помнить, что действие вещи или явления нельзя определять по звуку слова, приводящего человека в волнение, так же как и Crimen laesae majestatis * не определяется шумом, который он вызывает. Таково всегда действие мысли, и оно, по-видимому, подобно воздействию искры на порох.

A 53

Умы, не признающие мира вне нас, должно быть, странные существа; и так как обоснование любой мысли, по их мнению, находится в них самих, то самые необычайные связи идей для них всегда истинны. Мы называем людей безумными, если система их представлений не определяется последовательностью явлений и порядком окружающего нас мира. Поэтому тщательное наблюдение природы, а также и математика — вернейшие средства против безумия. Природа является, так сказать, поводьями, которые ведут наши мысли, чтобы они не отклонялись в сторону.

A 102

Для исследователей природы, по крайней мере для определенной группы их, небытие предмета равносильно невозможности воспринимать его путем ощущений.

A 118

...Внимательное наблюдение предметов внешнего мира легко ведет к исходной точке наблюдения, к нам самим. И наоборот, кто однажды понял природу своего сознания, тот приходит к наблюдению вещей вне нас. Будь внимательным, не воспринимай ничего бесплодно, соизмеряй и сравнивай — в этом основной закон философии.

A 121

---

* Оскорбление величества *(лат.)*.

Человеческой философией вообще называется философия отдельного, определенного человека, проверенная философией других людей, даже глупцов, согласно разумной оценке степени вероятности. Положения, принятые всеми людьми, являются истинными, а если они не истинны, то и истины не существует. Считать истинными другие положения часто заставляют нас заверения людей, авторитетных в данном деле, и каждый поверил бы в эти положения, окажись он в подобных же обстоятельствах. Коль скоро этих условий нет, возникает особая философия, а не та, что создана в «совете человечества»; даже суеверия являются *местной* философией, и они тоже подают свой голос.

A 127

Становиться мудрей — значит все более познавать возможные ошибки того инструмента, с помощью которого мы чувствует и судим. Осмотрительность в суждениях — вот что следует рекомендовать сегодня всем и каждому.

Если бы каждые десять лет мы получали от каждого писателя-философа хотя бы по *одной* бесспорной истине, то наш урожай был бы всегда достаточно обильным.

A 128

...История века слагается из истории его отдельных лет. Однако нельзя определить дух века, механически суммируя дух отдельных лет. Тем не менее тому, кто стремится обрисовать общую картину века, всегда полезно знать и каждый год, новые опорные точки которого дают возможность проследить постоянную тенденцию столетия.

B 18

Каждому человеку следовало бы изучить философию и «изящные» науки, по крайней мере настолько, чтобы сделать для себя наслаждение еще приятней...

B 41

Среди животных ближе всего к обезьяне человек.

B 103

Насколько далеко друг от друга находятся в физическом отношении голова и ноги, настолько же они близки морально и психологически. В области носа, расположенном всего в каких-нибудь трех дюймах от души, радость и печаль обнаруживаются не так быстро, как в ногах; я замечаю это ежедневно из своего окна и отчетливо угадываю по ногам студентов, идут ли они на занятия или с занятий. В первом случае — по плоско падающей подошве, что выдает голод души, всем управляющей; второе — по вялому шагу, когда пятка и носок медлен-

ней, чем обычно, приподнимаются друг за другом,— что является признаком недавнего насыщения,
От студентов, у которых я ничего подобного не замечал, я почти всегда узнавал потом, что они выходили с одних занятий и шли тотчас же на другие.
Как рассказывают латинские писатели, у Катилины [3] это было так заметно, что некоторые люди задолго до того, как Цицерон раскрыл знаменитый заговор в его голове, утверждали, что они обнаруживали его уже в ногах Катилины, а именно: он шел иногда по улице обычным образом, затем замедлял шаг, возвращался, словно забыл носовой платок, потом останавливался и вдруг принимался бежать, пока новый проект в его голове не пересекал ему дорогу и не заставлял его останавливаться вновь...

B 121

Для мудреца не существует ничего великого и ничего малого, в особенности, когда он философствует, и можно предположить, что он не испытывает ни голода, ни жажды и не забыл свою табакерку, если нюхает табак. Тогда он в состоянии, кажется, писать трактаты о замочных скважинах, которые могли бы быть столь же важны и поучительны, как jus naturae *.

Как известно немногим сведущим людям, незначительные, повседневные, грошовые явления содержат в себе так же, как и явления значительные,— всеобщее моральное начало. В дождевой капле заключено столько блага и искусства, что вряд ли можно было бы продать это в аптеке меньше чем за полгульдена [4]...

B 190

Часто некоторые люди становятся учеными, так же как другие — солдатами, только потому, что они больше ни к какому делу не пригодны. Правая рука должна им добывать пропитание, вот они и залегают, можно сказать, как медведи, на зиму и сосут лапу.

B 219

Если какой-нибудь ангел захотел бы когда-нибудь порассказать нам кое-что из своей философии, то некоторые положения, я полагаю, звучали бы как $2 \times 2 = 13$.

B 238

Гипотезы некоторых новаторов еще не противоречат опыту. Но я опасаюсь, что опыт когда-нибудь будет им противоречить.

B 276

---

* Естественное право (*лат*).

Еще вопрос, что трудней: думать или не думать. Человек думает инстинктивно, а ведь известно, как трудно подавить в себе инстинкт. Поэтому незначительные умы поистине не заслуживают того презрения, которое питают к ним во всех странах.

B 303

Нет ничего удивительного в том, что франт так охотно смотрится в зеркало: он видит там всего себя. Если бы философ имел зеркало, в котором он мог бы видеть всего себя целиком, он бы, подобно франту, никогда от него не отходил.

B 304

Простые люди используют то, что бог дал им в руки, безусловно более целесообразно, чем мы, люди благородного происхождения. Я имею в виду не тот скудный достаток, который дарует им бог и который важные господа своими длинными руками отнимают у них прежде, чем они им достаточно воспользуются,— я имею в виду тело и душу. Ученому в своей сфере следовало бы мыслить так же, как простому человеку; он мыслит, и не думает о том, что совершает нечто важное. Ученые же рекомендуют это как верное лекарство против ошибок и заблуждений; однако у большинства это вызывает отвращение, как горькое питье. То дело, которое является их долгом, ученые превращают в ремесло и воображают, что если они размышляют над тем, что делают, то они уже тем самым заслужили награду на небесах, тогда как это не более похвально, чем спать со своей женой.

B 327

Professor philosophiae extraordinariae [5].

B 380

Он провел два часа в поисках хорошей мысли о китайской стене и в конце концов продумал это дело с точки зрения физической, моральной и философской.

B 405

Изучай все не из тщеславия, а ради практической пользы.

KA 6

Общепризнанные мнения и то, что каждый считает делом давно решенным, чаще всего заслуживают исследования...

KA 16

То, что движется с быстротой молнии или света от одного края песчинки к другому, будет казаться нам неподвижным.

C 31

Наши ученые впадают в ошибку лавочников маленьких городов. Они покупают товар не там, где он вырабатывается, а охотней следуют сначала указаниям англичан и французов...

С 65

Делать разные выводы, исходя из мудрости бога, едва ли лучше, чем делать это по собственному разумению.

С 101

Мать говорит это [6], отец в это верит, а глупец отвергает.

С 121

Разумеется, не малая трудность обучать философии с пользой; ребенок, подросток, юноша и муж — каждый имеет свою собственную философию. Какое было бы счастье, если бы каждый возраст, каждый год работали бы на пользу другому; если бы один изготовил колесики, другой — пружинки, третий — циферблат, то четвертый, пожалуй, завершил бы и изготовление часов в целом. Если бы каждый человек жил на своей собственной планете, что было бы тогда с философией?
На вопрос: следует ли самому философствовать? Нужно, мне кажется, отвечать так же, как и на вопрос: следует ли бриться самому? Если бы меня кто-нибудь спросил, я бы ответил: умеешь это делать как следует — превосходно. Я всегда был убежден, что этому нужно выучиться самому, но ни в коем случае не делать первых опытов на собственном горле. Поступай так, как поступали до тебя мудрейшие люди и не начинай своих философских упражнений с таких вопросов, где каждое твое заблуждение может отдать тебя в руки палачу...

С 140

...Человек может быть великим государственным деятелем, солдатом, богословом, но у него может отсутствовать способность мужественно противодействовать предрассудкам и суевериям при изучении материального мира. Судить об этом может лишь тот, кто изучил историю человеческих заблуждений, тот, кто знает, как иногда человек непреднамеренно обманывает себя и других и как часто мудрейшие люди должны затыкать себе рот, объясняя явления природы...

С 176

...Будущее должно быть заложено в настоящем [7]. Это называется планом. Без него ничто в мире не может быть хорошим.

С 193

...Быстрое накопление знаний, приобретаемых при слишком малом самостоятельном участии, не очень плодотворно. Ученость также может родить лишь листья, не давая плодов.

Часто встречаются весьма неглубокие люди, удивительно много знающие. Напротив, то, до чего человек должен дойти своим умом, оставляет в его рассудке след, по которому он может идти и при других обстоятельствах.

С 194

В чем заключается легкая воспламеняемость гения? В способности подвергать холодному исследованию правила надуманной логики. Бесспорно, подобные умы могли бы достичь многого, если бы только они научились находить в познании множества частей какой-либо вещи ту радость, которую они находят в познании множества вещей.

С 225

Человек, внимательно и вдумчиво занимающийся какой-нибудь одной узкой областью, будет, безусловно, так же хорошо судить и там, где дело касается не вкуса, а рассудка, если ему только должным образом представят дело; тогда как другой, знающий много, нигде не чувствует себя дома. Если бы в настоящее время самые многообразные знания нельзя было приобрести столь легко из книг без напряжения и, притом, исключительно с помощью памяти, то, пожалуй, такой энциклопедизм можно было бы одобрить. Но так как именно это случается постоянно, то я уже по этой причине предпочитаю небольшие, но четкие знания.

С 231

Если бы на свете существовали только репа и картофель, то, пожалуй, кто-нибудь сказал бы: как жалко, что растения стоят вниз головой!

С 270

Ньютон сумел разложить цвета. Как будут звать того психолога, который нам скажет, из чего слагаются причины наших поступков? Большинство вещей, когда они становятся заметными, уже слишком велики. Рассматриваю ли я зародыш жолудя под микроскопом или же вековое дерево невооруженным глазом, я одинаково далек от их начала. Микроскоп служит только для того, чтобы все больше смущать нас. Насколько могут доставать наши подзорные трубы, мы видим светила, вокруг которых, возможно, вращаются планеты. Что нечто подобное происходит и в недрах земли, в этом убеждает нас магнитная стрелка. А если это простирается дальше? Если в мельчайшей песчинке также вращаются пылинки вокруг пылинок, кажущиеся нам столь же неподвижными, как неподвижные звезды? Можно было бы представить существо, которому наше видимое мироздание показалось бы кучей раскаленного песка...

С 301

Так как справедливость нашего суждения основана не столько на знакомстве с мнениями других людей, сколько на опыте или познании фактов, то возникает вопрос, что может вернее всего привести нас к этому богатству фактов, которые служат как бы отправными точками нашего суждения. Является ли таким средством изучение истории, или это уже результат нашего хотя бы малого общения с миром?

D 15

...Нам следовало бы стремиться познавать факты, а не мнения, и, напротив, находить место этим фактам в системе наших мнений...

D 19

Свою обувь, я, правда, не могу себе сам изготовить. Но свою философию, господа, я не позволю себе навязать. Обувь я, пожалуй, и закажу, ее я сам не могу сделать.

D 67

Сколько же открытий совершится в будущем!
О, если бы наши современники рассуждали так мудро о некоторых вещах, как Сенека о кометах [8]!

D 111

Прослеживать все до последнего предела, чтобы не оставалось ни малейшей смутной идеи, стремиться обнаружить недостатки, исправлять их или вообще указывать на что-то более совершенное в данном направлении — единственное средство приобрести так называемый здравый смысл, что должно являться конечной целью наших усилий. Без этого нет истинной добродетели. Только это создает великого писателя: scribendi recte sapere est et principium et fons *.
Необходимо лишь желать, гласит основной принцип Гельвеция.

D 131

Для него, как и для философа-болтуна, важна не истина, а словесный трезвон.

D 151

При исследованиях доверяй себе, обладай благородной гордостью и помни, что другие, избежавшие твоих ошибок, не лучше, чем ты, избежавший ошибок, совершенных ими.

D 174

---

* В здравом смысле исток работы творческой, верной (*лат*). Г о р а ц и й. Послание к Писонам, 309.

Гении прокладывают дороги в науках, а люди, обладающие умом и вкусом, разравнивают и украшают их. Улучшение дорог следует рекомендовать для того, чтобы лучше переходить с одной на другую.

D 218

Заключать об упадке наук из современного состояния учености, когда польза, основательность и крохоборство относятся как 1 : 3 : 5 — значит проявлять большую близорукость. Ведь эти зигзаги — лишь часть непрерывного пути, и рано судить, приведет ли он к подъему или упадку. Пятьдесят лет педантизма и крохоборства — явление, конечно, печальное для современной эпохи, в сущности же это незаметные искривления большой линии и только вблизи кажется, что она возвращается вспять.

Если народ, уже выйдя однажды из состояния благородаой простоты, оказался ослеплен мишурным блеском, то дорога обратно, к простоте, идет, как мне кажется, через еще бо́льшую аффектацию, которая приводит к отвращению.

D 227

Что проистекает от причин, а что от случая?

D 229

О превращении воды в вино [9] посредством циркуля и линейки.

D 239

Профессора в университетах, как хозяева трактиров, должны бы иметь вывески.

D 245

Едва ли можно говорить о философах. В Европе их с трудом наберется около дюжины, прочие же — магистры, доктора и профессора философии. Конечно, древние превосходили нас: 1. Потому что они не подражали постоянно. 2. Не знали догматизма. 3. Изучали больше вещи, чем слова. 4. Были свободней. 5. Не писали, чтобы заработать на кусок хлеба. 6. Больше наблюдали природу...

D 261

...Первый умственный взгляд, которым я окидываю вещи, очень важен. Наш ум смутно охватывает их со всех сторон, и это часто более ценно, чем ясное представление об одной их единственной стороне.

D 271

Поистине, говорит Даламбер, даже сносные учебники логики полезны лишь для тех, кто может обойтись и без них. Благодаря знанию перспективы слепые не станут зрячими.

D 298

Там, где движется любое тело, имеется пространство и время; поэтому простейшее в этом мире существо, обладающее ощущениями, можно было бы назвать существом, измеряющим углы и промежутки времени. Наш слух, возможно, также и наше зрение, состоят именно в этом подсчете колебаний.

D 312

Все это высижено при бодрствующей учености и спящем здравом рассудке.

D 322

Готтентоты называют мышление бичом жизни. Que de Hottentotes parmi nous! *,— восклицает Гельвеций. Прекрасный девиз.

D 400

Мир, должно быть еще не очень стар, потому что люди еще не могут летать.

D 404

...Человек находится не внутри земного шара, на котором он живет, а на его поверхности, если не считать воздушного слоя; подобным же образом и внутренняя сущность вещей не доступна человеку, он познает только их поверхность, если не считать той незначительной глубины, на которой еще может дышать философский водолаз.

D 429

Так осмеют нас еще, пожалуй, и наши родичи — и ангел, и обезьяна [10].

D 432

Я, пожалуй, охотней изобрел бы слово «сверхумник», чем какое-либо иное. Оно, несомненно, делает честь его создателю. Ведь существуют люди, привыкшие обо всем изрекать глубокомысленные суждения и не потому, что эти суждения естественно приходят им в голову, скорей, напротив, эти идеи искусственны и ни на какого черта не нужны философии. Это, так сказать, чудеса в мире идей, на которые нельзя рассчитывать. Так как подобные люди постоянно приводят причины (потому ли, что считают это своим долгом, или прекрасным), они почти всякий раз упускают из виду естественное объяснение; все тяжеловесное, притянутое за волосы, льстит их гордости больше, чем естественное, ведь именно она побуждает их поступать так. И в этом также кроется причина, почему великие открытия кажутся нам такими легкими, когда они уже сделаны...

D 441

---

* Сколько готтентотов среди нас! (*франц.*).

Искать, в чем родственны две вещи [11], как соотносятся они при ослаблении или усилении их общих свойств.

D 442

Он создал некую систему, имевшую такое влияние на способ его мышления, что публика замечала, как его суждение постоянно на два-три шага опережало его ощущение; хотя он сам в это время полагал, что оно лишь следует за ощущением.

D 481

О, как забудутся когда-нибудь наши имена, уступив место именам изобретателей воздухоплавания и прочего!

D 521

Я совершенно не понимаю, что нам от того, что мы при каждом удобном случае превозносим древних...
Поистине, большая честь для нас, старых студентов, что две тысячи лет тому назад существовали люди поумнее нас. Вы думаете, что мы еще, вероятно, живем в те времена, когда самая большая мудрость заключалась в сознании, что ты ничего не знаешь [12]? За подобный капитал сегодня не дают взаймы звание магистра, так же как за богатство, состоящее в бедности, не получишь и гроша. Нет, нет, друзья, эти времена мы проспали. В настоящее время эти принципы — прекрасные гнезда давно улетевших истин. Для философских кунсткамер они еще годятся, но для домашнего обихода они не стоят выеденного яйца. Велика честь в наше время — уверенность в том, что ты ничего не знаешь! Отсюда уже ясно, что это положение не имеет иного смысла, кроме прямого, или ваши жалобы на современность еще в одном отношении нелепы. Вы не можете отрицать, что в настоящее время у нас больше людей, ничего не знающих, чем в древности, и в этом можно убедить их в кратчайший срок.

D 610

Изобретение можно всегда рассматривать как потерю: что-то, так сказать, потерялось в голове человека. Кто ничего не терял в своей голове, ничего и не обретет.

D 634

Совсем небезразлично, какой путь избирают в познании определенных вещей. Если в юности начинают с метафизики и религии, то посредством умозаключений легко приходят к бессмертию души. Не каждый путь ведет к этому, по крайней мере, не всякий так легко. Если и можно иметь о каждом слове в отдельности ясное понятие, то в очень сложном выводе невозможно представлять себе все эти понятия одинаково ясно: в применении они часто связываются друг с дру-

гом таким образом, который был для нас привычным и легким с юности.

E 30

В философии труднее всего изучать любую вещь заново, в ее первоисточнике, и при суждении о ней не пользоваться уже приобретенными познаниями; например, пытаться думать о бессмертии души, не имея заранее идеи конечной цели... И не представляется ли нам мышление в своей материальной субстанции таким необычайным потому, что это собственно мы сами?

Чем ближе подходим мы к предметам природы, тем они непонятней. Песчинка, безусловно, не то, за что я ее принимаю. Столь же мало понимаю я, каким образом в состоянии мыслить сложное существо и как простое может быть связано со сложным. Если бы мы располагали системой анализа подобных проблем и могли бы приводить их к одной формуле, то мы бы увидели, что эти обе проблемы одно и то же, и что непонятное лишь отодвигается дальше, но не снимается вообще. Я не понимаю, например, как далеко отстоят друг от друга в моем мозгу два утверждения: дважды два — четыре и Генрих IV, король Франции, был убит Равальяком. Или каждое из них, так сказать, заполняет всякий раз весь мозг? А если оно занимает только отдельные малые его доли, то одинаковы ли они у всех людей [13]?

E 31

Важнейшие вещи делаются посредством трубок. Примеры — органы плодородия, перья для письма и наши ружья. Да и что такое человек, как не беспорядочный пучок трубок.

E 35

Их мошенников мы знаем лучше [14], чем они наших ученых.

E 42

Существует большое различие между: продолжать еще верить во что-нибудь и вновь поверить в то же самое. Продолжать верить в то, что луна влияет на растения — глупость и предрассудок, но вновь поверить в это — свидетельствует о философском размышлении.

E 52

Что? Разбираться в деле, о котором споришь? Я утверждаю, напротив, что для спора необходимо, чтобы по крайней мере одна из сторон ничего не понимала в этом деле, и в так называемом оживленном споре, в момент его высшего проявления, обе стороны ничего не должны понимать в нем и даже не ведать, что они говорят.

E 71

Мы воспитываем наши умы в оранжереях.

E 99

...Что такое немецкий ученый? Ничто; это желтый, тощий футляр души; на его жилете больше складок, чем у иных людей на плаще, это марионетка, которую можно разрисовывать и дергать, как угодно. Что будут говорить о некоторых из них пять-шесть столетий спустя, это нас сейчас не касается.

E 114

Тот факт, что это истина, не важен; но в это верят люди — вот в чем дело, черт побери!

E 245

Глупцы, пожалуй, лучше наших тончайших философов, потому что они все же верят в то, что видят и чувствуют; напротив, некоторые английские философы поворачиваются спиной к природе и верят в то, чего не ощущают [15]. Я далек от того, чтобы смеяться над этим, более того, я считаю отрицание ими ощущения за орлиный взлет разума, по сравнению с которым человеческая речь, самоубийство и безумие только блошиные прыжки.
Вот это я называю свободой! Столь предприимчивые души должны были бы ради еды и питья и вовсе не возвращаться на землю в свои лачуги, чтобы поесть и попить. Им следовало бы навсегда удалиться от бога и жить в одиночестве, подобно дьяволу.

E 279

Если они находят истину в природе, то они вновь швыряют ее в книгу, где ей приходится еще хуже.

E 304

После того, как мы теперь «вполне знаем» природу, то и ребенку ясно, что опыт не более как комплимент, который еще делают природе. Это пустая церемония; мы уже заранее знаем ее ответ и обращаемся к ней за ее санкцией, как государи — к сословиям.

E 329

О прогрессе доброго и целесообразного. Если в соответствии с потребностями человеческой природы суждено, чтобы, например, христианская религия в свою очередь когда-нибудь погибла, то это произойдет, несмотря ни на что. Движение назад и задержка на короткое время — лишь бесконечно малый изгиб линии. Но жаль, что именно мы должны быть свидетелями этого, а не другое поколение... Я всегда думаю, что на этой планете мы служим цели, достижению которой не мог бы помешать даже всеобщий заговор человеческого рода...

E 384

Не следует чрезмерно расчленять, слишком абстрагировать. Самые рафинированные люди, полагаю я, сделали меньше всего открытий. Пре-

имущество человеческого мыслительного механизма как раз в том и состоит, что он способен к обобщениям.

E 407

Люди, слишком вникающие в тонкости, редко бывают великими людьми, и их исследования большей частью настолько же бесполезны, насколько и тонки. Они все более удаляются от практической жизни, к которой должны были бы подходить как можно ближе. Как танцмейстер и учитель фехтования никогда не начинают с изучения анатомии рук и ног, так и здоровая, полезная философия должна брать свое начало из чего-то высшего, чем эти отвлеченные умствования. Ногу надо ставить именно так, иначе упадешь; в это надо верить, потому что нелепо было бы не верить в это, и это очень хорошая основа... Вот причины, по которым философия Битти [16] заслуживает внимания. Это не совсем новая философия, но она исходит из более высоких положений. Это философия не профессорская, а человеческая.

E 415

Если я только правильно разбираюсь в генеалогии госпожи науки, то невежество является ее старшей сестрой. И разве уж так противоестественно жениться на старшей, если и младшая тоже к его услугам? От тех, кто знал их обеих, я слышал, что старшая имеет свои особые прелести, что она — толстая добрая девушка, из которой выйдет прекрасная супруга именно потому, что она больше спит, чем бодрствует.

E 417

Наши философы мало прислушиваются к голосу ощущений или, скорей, они редко обладают достаточно тонкими чувствами, так что при каждом жизненном явлении они всегда говорят о том, что́ они знают, а не о том, что́ они при этом ощущают. Но все это ничего не сто́ит и ни на шаг не приближает нас к действительной философии. Разве то, что человек может знать, и есть именно то, что он должен знать?

E 420

Действительные и титулярные философы.

E 422

Необходимо следовать своему чувству и полагаться на первое впечатление, которое произвела на нас вещь. И не потому, что я советую таким образом обнаруживать истину, а потому что это непосредственный голос нашего опыта, результат наших лучших наблюдений. Ибо мы легко впадаем в трафаретное пустословие, как только начинаем раздумывать. В этом отношении я рекомендую следовать философии Битти.

E 450

Главное правило в философии заключается в том, чтобы не создавать никаких deus ex machina [17], не признавать никаких чувств и инстинктов там, где можно обойтись ассоциацией и механическими причинами [18].

E 456

Люди, очень много читавшие, редко делают большие открытия. Я говорю это не для оправдания лени, потому что открытие предполагает глубокое и самостоятельное созерцание вещей; следует больше видеть самому, чем повторять чужие слова.

E 463

Польза системы для мышления состоит не только в том, что о вещах начинают мыслить упорядоченно, по известному плану, но и в том, что о них вообще мыслят; последнее, бесспорно, важней первого, например, таково ассоциативное мышление.

E 493

Читать означает «брать в долг», а сделать на основе этого открытие — значит «уплатить долг».

F 7

Я убежден, что если бы бог когда-нибудь захотел создать такого человека, каким его представляют себе магистры и профессора философии, то этого человека пришлось бы в тот же день отправить в сумасшедший дом...

F 32

Те психологи, которые осведомлены в естествознании, рассуждают всегда убедительней тех, кто начинает с психологии. Чем больше я сравниваю учение Хартли с моим опытом, тем больше подтверждений я нахожу ему; очень уж хорошо оно согласуется со всем нашим прочим опытом...

F 33

Путем электрических цепей можно бы передавать сигналы, измерять расстояния между пунктами, не слишком удаленными друг от друга, и т. п. Может быть возможно для этого использовать токи, хотя бы на определенное расстояние.

F 39

Самые ярые защитники какой-либо науки, не выдерживающие и малейшего косого взгляда на нее, это обыкновенно такие люди, которые не далеко ушли в этой науке и тайно сознают свой недостаток.

F 49

Там знают лишь книжного человека, а в каждой вещи видят только то, что уже заранее известно.

F 112

Я уже указывал в другом месте, что в мире все претворяется во все и все находится во всем; я имею в виду, что все, что мы видим и чему даем название, существовало уже раньше, чем оно достигло такой стадии, на которой мы его увидели...

F 146

В наше время, когда насекомые коллекционируют насекомых, и бабочки болтают о бабочках.

F 155

Те ученые, у которых не хватает здравого смысла, обыкновенно изучают гораздо больше того, что им нужно, а разумные никогда не могут изучить достаточно много...

F 232

Изучение естественных наук дошло ныне в Германии до полного безумия. Разумеется, это все же лучше, чем изготовлять напыщенные свободолюбивые оды [19] или разбавлять взвинченным вдохновением в трехстопных или в шестистопных стихах дюжину идеек наших так называемых великих поэтов. И хотя перед богом насекомое и человек равноценны, для наших нервных узлов это не так.

О, милостивое небо, как много вещей нужно еще привести человеку в порядок, прежде чем приняться за птиц и бабочек! Изучи свое тело и все, что можешь узнать о своей душе, выработай в себе привычку к труду и сумей преодолеть стремление к покою, приучи свой разум к сомнению, а сердце к терпимости! Познай человека, найди в себе мужество говорить правду на пользу ближнего!.. Там, где в твоем мозгу помещается какая-нибудь история бабочки, быть может нашлось бы место для «Жизнеописаний» Плутарха, способных зажечь тебя на великие дела. Разве история искусств не нужней и не полезней? Я предпочел бы знать историю ремесел и искусств, чем все, что Линней когда-либо думал, писал, знает, знал и вновь забыл.

F 261

Возможно, собака перед сном или пьяный слон имеют идеи, которые были бы достойны магистра философии. Но для них они бесполезны и, благодаря их быстро возбудимым органам чувств, бесследно стираются.

F 263

Опыт — вот что важно, а не чтение и не слушание. Возникает ли идея в сознании через зрение или через слух — это огромная разница.

F 286

Principium indiscernibilium [20] можно толковать в расширенном смысле: ни одна вещь не остается неизменной даже две секунды, все изменяется в каждый момент.

F 305

...Все разрушается и находится в процессе разрушения.

F 307

Прежде, когда люди еще не научились понимать обычные явления материального мира, они объясняли это существованием духов. Теперь, когда связь этих явлений известна лучше, одно явление объясняется из другого, а духи, объяснить которых мы не в состоянии, становятся в конце концов богом и душой.

Душа, следовательно, и теперь еще остается каким-то привидением, ведущим свое призрачное существование в теле. Но не вытекает ли подобное рассуждение из ограниченности нашего ума? Разве то, что, по нашему мнению, не может возникнуть из вещей, нам известных, должно возникнуть из вещей иных, нам неизвестных?

Такое рассуждение не только ложно, но и плоско...

В философии, а тем более в психологии, нам, как нельзя больше, подобают скромность и осмотрительность. Что такое материя по понятию психолога? Ее, возможно, и нет в природе. Психолог сам убивает материю, а затем утверждает, что она мертва.

F 321

Если душа проста, к чему такая тонкая структура мозга? Организм — машина [21], и он должен, следовательно, состоять из такого же материала, как и машина. Это служит доказательством, что механическое простирается в нас очень далеко, ибо даже внутренние части мозга построены столь искусно, что мы, вероятно, не понимаем и сотой доли их.

F 346

Каждое мгновение мы делаем что-то бессознательно. Наши навыки все более возрастают и, в конце концов, вероятно, человек будет выполнять все, ничего не сознавая, и превратится в мыслящее животное. Разумность приближает нас к животному состоянию.

F 421

Наша психология, в конце концов, придет к утонченному материализму [22] по мере того, как мы все более будем, с одной стороны, по-

знавать материю, а с другой — преодолевать все возможные преграды в сознании.

F 422

С тех пор, как наукой угодно называть знание глупых чужих мнений, которые, вероятно, можно вывести из одной единственной формулы, следуя правилам совершенно механического искусства, с тех пор, как повсюду руководствуются модой, привычкой, авторитетом и выгодой, жизнь человеческая стала слишком короткой.

F 431

Когда людей станут учить не тому, что́ они должны думать, а тому, как они должны думать, то тогда исчезнут всякие недоразумения...

F 438

Сомнение должно быть не более, чем бдительностью, иначе оно может стать опасным.

F 443

Все тождественно самому себе, каждая часть представляет целое. Иногда я видел, как в одном часе отражалась вся моя жизнь.

F 474

Доктор танатологии [23].

F 479

Человек становится софистом и прибегает к ухищрениям там, где ему недостает основательных знаний. Следовательно, такими софистами становятся все, когда заходит речь о бессмертии души и загробной жизни. Здесь мы все рассуждаем беспочвенно. Материализм — это асимптота [24] психологии.

F 485

Весьма опасно, говорит Вольтер, быть правым в тех вопросах, в которых неправы великие мира сего.

F 505

Представления — это также и жизнь и мир.

F 537

Не ложь, а весьма тонкие неверные замечания — вот что задерживает процесс обнаружения истины.

F 547

Я не думаю, чтобы состояние, когда ходили на четвереньках [25], было для нас естественным; но что касается и нашей веры и нашего образа жизни, то я убежден, что мы находимся в настоящее время в состоянии

весьма неестественном. Из различных инстинктов человека можно было бы, как из шахматных фигур, скомбинировать лучшую жизнь.

F 578

Существует очень немного и притом весьма простых вещей, о которых можно судить путем чувства. Все остальное — предрассудки и угодничество.

F 579

Тот факт, что кому-нибудь (по крайней мере, мне) часто снится, что я говорю с умершим о нем самом, как уже об умершем, объясняется, по-видимому, сходством мозговых полушарий между собой, подобно тому, как раздваивается изображение, если нажать на глаз. Во сне мы теряем разум, и скипетр выпадает из наших рук; мне часто снилось, что я ел вареное человеческое мясо. С точки зрения природы души сновидения — явление, достойное внимания крупного психолога...

F 602

Non vitae, sed scholae discimus [26] — прекрасное выражение Сенеки, которое подходит для нашего времени.

F 666

Каждая вещь имеет свою будничную и воскресную сторону.

F 672

Возможность заряжена стремлением к осуществлению, это искра в мире-порохе.

F 718

Полибий [27] различает причину (cause), предлог (pretence) и начало (beginning) войн. Обычно известны лишь два последних обстоятельства. То же самое и в других вещах.

F 741

Уже между нашими чувствами происходит борьба: что неприятно одному из них, то в высшей степени приятно другому и часто полезно всему организму... Большинство наших лекарств людям не по вкусу.

F 783

Пока кто-либо устремляет взор в вечность и рассказывает мне о вещах, которых я там не вижу, я молчу, потому что ведь и он, в свою очередь, должен будет поверить моим прорицаниям. Но если мы обращаем взгляд на этот мир, то при различных мнениях прав кто-то один или же неправы оба. Мы все принесли клятву верности четырем силлогизмам [28] и обещали признавать верховную власть логики.

F 784

Можно не только превращать предметы материальные в потусторонние, но и предметы потусторонние сводить к материальным.

F 785

Тысячи людей видят нелепость какого-нибудь положения, не имея ни возможности, ни способности начисто опровергнуть его.

F 860

Новые взгляды сквозь старые щели.

F 871

Сочинение, похороненное в университетской церкви [29].

F 874

Дженет Маклеод — имя девушки, почти не евшей много лет подряд. Предложение: привить эту болезнь солдатам. Люди же, которые в течение десяти лет не принимали никакой духовной пищи, кроме нескольких газетных крошек, встречаются даже среди профессоров, и это вовсе уж не такая редкость.

F 959

Какой способностью к совершенствованию обладает человек и как необходимо обучение, видно уже из того, что ныне за шестьдесят лет жизни он овладевает культурой, для которой всему человеческому роду потребовалось пять тысяч лет...

F 1030

Сначала переживаешь пору, когда веришь во все без всякого основания, затем короткое время — не во все, затем не веришь ни во что, а потом вновь — во все. И притом находишь основания, почему веришь во все...

F 1033

Стремление человеческого рода к воссозданию себя способствовало созданию еще всякой всячины.

F 1070

Чрезмерное чтение привело нас к ученому варварству

F 1076

Возможность наблюдать огромные события, подобные сильной буре, должна давать, бесспорно, мышлению иное направление. В эти ситуации надо стараться попадать как можно чаще. Таким образом, накапливаешь знания, не замечая этого.

F 1100

Физический эксперимент со взрывом всегда более ценен, чем беззвучный. Поэтому нужно сильней умолять небо: если оно вдохновит кого-

либо на открытие, то пусть это открытие сопровождается взрывом. Его звук отдается в вечности.

F 1138

В слове «ученый» заключается только понятие о том, что его много учили, но это еще не значит, что он чему-нибудь научился...

F 1202

Усумнись во всем хотя бы однажды, пусть это даже будет утверждение, что $2 \times 2 = 4$.

Schr II, 136 (F)

Я думаю, что нет науки, в которой человек с наибольшей доступностью и занимательностью мог бы больше принести пользы и больше проявить себя, чем история. Конечно, для некоторых это может показаться странным, так как в немецком языке это слово почти совсем потеряло свое значение. Немцы, насколько мне известно, не имели ни одного исторического писателя и, вероятно, не так скоро он у них появится. У них нет возможности развить в себе свои духовные силы, как у людей, живущих в больших и богатых городах, где роскошь и великолепие поднимаются до высшей ступени. В большинстве случаев они развивают только одну какую-нибудь сторону ума, и флегма мудреца редко соединяется у них с остроумием и философией, необходимыми, чтобы все свести в одно целое и говорить потом хорошо и сильно. Далее, им свойственна какая-то торийская услужливость [30] перед сильными мира сего, поэтому они говорят в большинстве случаев с усыпляющей неумеренностью и беспримерной трусостью.

RA 16

Если бы душа могла находиться в мертвом теле и иметь идею, соответствующую состоянию его мозга, то я хотел бы знать, что это за идея. Или иначе, находился ли когда-нибудь мозг человека при его жизни в том состоянии, которое наступает после его смерти? Я говорю здесь только о положении его плотных частей, соответствующих этой идее.

RA 31

...Знание средств без применения их на деле и даже без способности и охоты применять их — вот то, что обыкновенно сегодня называют *ученостью*.

Schr. I, 72 (G, H)

Большая разница между верой во что-нибудь и неверием в нечто противоположное. Я могу весьма часто верить во что-то, не имея возможности доказать свою правоту, точно так же, как я в нечто не верю, не имея возможности это опровергнуть. На какую сторону я стану — это

определяется не строгим доказательством, а лишь известными преимуществами этой стороны.

Schr. I, 73 (G, H)

Я полагаю, что деистами чаще всего становятся люди (особенно умные и размышляющие), наблюдая неизменные законы природы. Чем ближе с ними знакомишься, тем становится вероятней, что мир никогда не был иным, чем теперь, и в нем никогда не совершалось никаких чудес, как и теперь. И то, что в прошлом целые поколения и особенно отдельные люди бывали обмануты, из самых разнообразных побуждений во что-то верили и что верить в нечто неисследованное даже могло доставлять им удовольствие — это вовсе не чудо, это мы видим ежедневно. Но затмение солнца и полнолуние [31] — вот что непонятно.

Schr. I, 73—74 (G, H)

Люди заблуждаются, когда полагают, что все новое объясняется модой. Нет, за этим скрывается нечто более основательное. Прогресс человечества нельзя отрицать.

Schr. I, 74 (G, H)

Большая разница между тем, чтобы «учить разуму» и «быть разумным». Есть люди, меньше всего обладающие здравым смыслом и, однако, превосходно размышляющие о правилах, которым они должны следовать, подобно физиологу, который может знать строение человеческого тела, будучи сам весьма больным. Великие исследователи, пытавшиеся анализировать деятельность человеческого ума, не всегда были практически разумными. Я имею в виду не мораль, а логику.

Schr. I, 75 (G, H)

Если мир будет еще существовать бесчисленное множество лет, то универсальной религией станет очищенный спинозизм [32]. Разум, предоставленный самому себе, неизбежно придет к этому, и для него невозможно прийти к чему-либо иному.

Schr. I, 78 (G, H)

О духе человека позаботились не меньше, чем о теле животного; что у последнего называется инстинктом и навыком, то у первого является здравым человеческим рассудком. Оба могут заглохнуть, но с той разницей, что у животного это может быть сделано лишь извне, а у человека также и изнутри. Животное является для самого себя только субъектом, человек для себя также и объектом.

Schr. I, 78 (G, H)

Что я такое? Что я должен делать? Во что должен верить и на что полагаться? К этому сводится вся философия. Желательно упростить

подобным образом побольше вещей; по крайней мере, стоило бы попытаться, нельзя ли все то, что намереваешься изложить в целом сочинении, с самого начала набросать кратко.

Schr. I, 81 (G, H)

Во всех науках полезно предполагать возможность таких случаев, которых, насколько мы знаем, в природе не существует, так же как математики допускают существование иных законов тяготения. Это, конечно, упражнение, и иногда оно может привести к новым наблюдениям.

Schr. I, 104 (G, H)

Там, где прежде были границы науки, там теперь ее центр.

Schr. I, 104 (G, H)

Я хотел бы отвыкнуть от всего и видеть по-новому, слышать по-новому, чувствовать по-новому. Нашу философию губит привычка.

Schr. I, 105 (G, H)

Самая опасная ложь — это истины, слегка извращенные.

Schr. I, 104 (G, H)

Он удивлялся тому, что у кошки прорезаны две дырочки в шкуре как раз на том месте, где у нее находятся глаза.

Schr. I, 168 (G, H)

Я уже не раз замечал, что знатоки дела часто не знают лучшего в своем деле.

Schr. I, 169 (G, H)

Великий гений редко делает открытия, следуя по чужому пути. Если он делает открытие, то он обычно открывает и пути, ведущие к нему.

Schr. I, 192 (G, H)

Удивительно, как далеко может забраться здравый человеческий ум. Здесь, как и в обычной жизни, простой человек идет пешком туда, куда человек знатный едет шестерней.

Schr. I, 192 (G, H)

Благодаря тому, что мы так начитаны, мы привыкаем не только считать существующими вещи, которые таковыми не являются, но и наши доказательства также приобретают форму, которую часто нам подсказывает не столько природа вещей, сколько наша незаметная любовь к моде. Мы доказываем ссылками на древних то, что мы можем основательно подкрепить цитатами из нашего отрывка: приводятся сентенции, ничего не доказывающие, и положения, из которых ничему новому не научаешься. Очень трудно взглянуть на вещь по-новому, не

глазами модного учения. Постоянно обращаются к авторитетам, где требуется обоснование, постоянно запугивают там, где следовало бы поучать, и призывают богов, где вполне хватило бы и людей.

Schr. I, 275 (G, H)

Я всегда находил, что чем меньше ученый может доказать в трудах по естествознанию свое собственное величие, тем больше склонен он постоянно доказывать величие божие...

Schr. I, 279 (G, H)

Как учит ежедневный опыт, можно при весьма малом напряжении сказать нечто, требующее достаточно большого напряжения, чтобы его понять. Напротив, только при исключительно крупном таланте можно изложить разумному человеку нечто новое и важное так легко, чтобы ему это новое знание принесло радость и стало стыдно за то, что он этого не заметил сам...

Schr. I, 306 (G, H)

Если куры желают переваривать, они глотают даже камни. Душе, кажется, тоже необходимо нечто подобное, чтобы переваривать мысли. Поэтому, как известно, в мозговой железе постоянно находят камни.

Schr. II, 74 (G, H)

Он поглотил много мудрости, но все это словно попало ему не в то горло.

Schr. II, 82 (G, H)

Он делал постоянно выписки, и все, что он читал, переходило из одной книги в другую, минуя голову.

Schr. II, 83 (G, H)

Так же как лейб-медиками быков являются люди, лейб-медиками людей часто оказывались быки.

Schr. II, 86 (G, H)

Он все еще был привязан к этому университету, как красивая люстра, не горевшая уже двадцать лет.

Schr. II, 88 (G, H)

Немецкий ученый слишком долго держит книги открытыми, англичанин же захлопывает их слишком рано. Однако то и другое приносит свою пользу.

Schr. II, 122 (G, H)

Склонность людей считать незначительные вещи значительными породила немало значительного.

Schr. II, 191 (G, H)

Мне кажется, что ученые, которые полагают, что умеют оценивать все, не научились, тем не менее, достаточно ценить каждого своего собрата. В развитии наук дело заключается, право, не в том, совершил ли кто-нибудь нечто, что принято называть «великим». Если б только каждый делал то, что может, разрабатывал бы ту часть своих знаний, в которой он силен и видит острей, чем тысячи других. В этом все дело!

J 17

Кантианская философия может создавать царства, какие ей угодно, но если она не хочет заниматься старыми общеизвестными пустяками, ей придется признать, что нашим представлениям соответствует нечто в окружающем мире [33].

J 23

Придворный лютеранин, придворный спинозист и собутыльник [34].

J 58

Стремление к открытиям можно сравнить с состязанием в стрельбе в чучело птицы. Кто попал в хохолок, должен помнить о выстрелах своих предшественников, которые содействовали тому, что и ему кое-что перепало — крылышко или даже, может быть, хохолок.

J 114

Почему бог вложил так много приятного в двойственность? Мужчина и женщина — эта двойственность заслуживает внимания. Может быть, с телом и душой дело обстоит так же?

J 138

Что ложную гипотезу следует иногда предпочесть истинной, видно из учения о свободе человека. Человек, конечно, не свободен, но необходимо глубоко постичь философию, чтобы это представление не направило нас на ложный путь...

J 263

Если бы мы были действительно свободными существами, как нас в этом уверяют, то наши мысли могли бы оказывать более сильное противодействие явлениям. Мы могли бы тогда, благодаря упорной воле, предотвращать гром и молнию; но ведь наш так называемый «дух» определяется обстоятельствами; он сам не в состоянии оказывать обратное влияние на явления, напротив, он действует на тело, сам будучи пассивен.

J 307

Вся эта теория пригодна лишь для дискуссии о ней.

J 361

Non cogitant, ergo non sunt [35].

J 362

...Благодаря усиленным изысканиям и размышлениям, можно, конечно, внести особый смысл в то, что недоступно ни нам, ни вообще никому. Так, на песке иногда видишь лица, ландшафты и пр., что, разумеется, не зависит от какого-то преднамеренного положения песчинок. Сюда же относится и симметрия, силуэты в чернильных пятнах, последовательная лестница в ряду живых творений и т. п. Все это, однако, существует не в вещах, а в нас. Вообще нельзя достаточно переоценить тот факт, что, наблюдая природу, мы всегда наблюдаем только себя, а вместе с тем вносим в нее свои принципы упорядочения явлений.

J 375

Главным вопросом философии Канта [36] остается все же вопрос о том, почему он убежден, что некоторые знания являются *априорными*? Например, принцип причинности, это ведь также результат опыта, ибо подобная объективная зависимость существует.

J 411

Мне кажется, что подобно тому, как сторонники Канта всегда упрекают своих противников в том, что те его не понимают, некоторые люди думают, напротив, что Кант прав только потому, что они его понимают... Я же полагаю, что большинство их, испытывая удовольствие от того, что им удалось понять весьма отвлеченную и смутно изложенную систему, уверили себя в том, что она уже доказана.

J 453

Нельзя требовать от ученого, чтобы он и в обществе всегда держался как ученый; но вся его манера должна выдавать мыслителя. У него следует постоянно учиться. Характер его суждений, даже в мельчайших вещах, должен быть таков, чтобы можно было судить, каков будет результат, когда он использует эту силу спокойно и сосредоточенно в научных целях.

J 478

Он научился разыгрывать пару пьесок на метафизике.

J 488

В конце концов все сводится к вопросу: возникает ли мысль из движения или движение из мысли. Это — основной принцип религии и в то же время ответ на вопрос, что является первичной реальностью, сила движения или сила мысли; здесь и проходит граница между верой и атеизмом.

J 512

Мне всегда больно, когда умирают талантливые люди, потому что мир нуждается в них больше, чем небо.

J 520

В предисловии ко второму и третьему изданиям «Критики» Канта [37] встречается немало удивительного, о чем я уже нередко раздумывал, но об этом не говорил. Мы не обнаруживаем никаких причин в вещах, а замечаем лишь то, как они отражаются в нас. Куда мы ни взглянем — мы видим лишь себя.

J 550

Я уже давно предполагал: философия еще сама себя сожрет. Метафизика уже частично это сделала [38].

J 600

Здоровый аппетит наших предков превратился теперь, как видно, в не очень здоровый аппетит к чтению, и подобно тому, как прежде испанцы сбегались поглядеть на то, как немцы едят, так сегодня иностранцы приезжают к нам, чтобы посмотреть, как мы штудируем книги.

J 670

...Мы мыслим о жизненных явлениях не столь различно, как рассуждаем.

J 672

Его сад никуда не годился. Так как он верил в существование души у растений, то мне казалось, что заботясь об их душе, он совершенно пренебрегал их телом. Они выглядели чахлыми и увядшими.

J 681

Каждая мысль,— если она самец, находит свою самку. Но идеи в его голове были, наверное, либо только самцами, либо только самками, ибо ни одна новая мысль у него никогда не рождалась.

J 718

В Германии много журналов, но, мне кажется, не хватает еще одного: «Элегантность и моды философии».

J 747

...Кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно.

J 838

...Просто невероятно, как сильно могут повредить правила, едва только наведешь во всем слишком строгий порядок.

J 853

Искусство делать людей недовольными своей судьбой в настоящее время широко распространено. О, если бы возвратились патриархальные

времена, когда козы паслись рядом с голодными львами, а Каин спокойно проводил свой век в нежных объятиях брата Авеля (нужно бы откопать побольше разных милых историй о содомии, обмане из-за права первородства [39]); или если бы жизнь пошла, как на счастливом Таити, где за железный гвоздь можно получить то, что в Ганновере и Берлине равняется стоимости золотых табакерок и часов и где при абсолютном равенстве людей каждый имеет право пожирать своих врагов и быть ими сожранными.

J 874

Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нем [40]. Это идея Канта.

J 876

Мир по ту сторошу шлифованных стекол [41] важней, чем по ту сторону океана, и, возможно, превзойден лишь миром по ту сторону могилы.

J 914

В половине 1791 года у меня зародилась мысль, которую я не могу еще хорошо передать. Здесь я укажу лишь немногое, а в дальнейшем буду вести наблюдение тщательней. Я испытываю крайнее недоверие ко всякому человеческому знанию, исключая математику, недоверие, почти переходящее в письменное «оскорбление действием».
И если меня еще что-то привязывает к физике, так это надежда открыть для человечества что-нибудь полезное. Мы обязаны искать объяснения и причины, потому что без этого стремления я не вижу иного средства действовать. Разумеется, кто-нибудь может охотиться неделями и ничего не подстрелить, но ясно также, что и дома он, безусловно, ничего не подстрелит, в то время, как в поле на его стороне вероятность, как бы мала она ни была. Мы должны, конечно, за что-то ухватиться. Но так ли обстоит дело, как ты себе представляешь? И вот я спрашиваю себя вновь: что называешь ты «*быть таким*», как ты представляешь себе? Твое убеждение, что нечто является именно таким, ведь уже что-то значит — а о прочем ты ничего не знаешь...

J 915

Не без основания смеются над попыткой того человека [42], который хотел отучить свою лошадь от корма. Она, к сожалению, околела именно в тот день, когда он уже твердо надеялся, что она, наконец, овладеет этим искусством. Когда стремишься поумнеть, подобное случается не только со швабами, но и со многими людьми.

J 1020

Имеется ведь слово божие, указывающее, как лучше мыслить и более уверенно исследовать природу [43]. Лучший комментарий к нему — Novum organum [44] Бэкона.

J 1044

Тот факт, что бог,— или что бы там ни было,— привлек человека к продолжению рода путем полового удовольствия, является с точки зрения высоких принципов Канта делом нравственно сомнительным [45].

J 1048

No popery *! Долой любого папу! Чтобы там ни было! Пап достаточно повсюду.

J 1062

Разве это уж такой редкий случай, когда философия лишает возможности философствовать?

J 1208

Ах, если бы сказать что-нибудь действительно парадоксальное, над чем еще ни один человек не задумывался даже вскользь!

J 1229

Почему я верю в это? Разве это достоверно?

J 1234

Да, обо всем высказывать свое собственное мнение и добавлять к нему возможно больше нового! Без этого ничего не выйдет...

J 1243

Следует стремиться увидеть в каждой вещи то, чего еще никто не видел, и над чем еще никто не думал.

J 1248

Когда ты изучаешь какую-либо вещь, и она станет хорошо известной тебе и знакомой во всех отношениях, следует пытаться сопоставить ее со всеми предметами, порой с самыми отдаленными, путем сравнений, аналогий, объяснений, а прочие вещи сопоставлять с ней.

J 1260

Странно, что только исключительные люди совершают открытия, кажущиеся нам впоследствии такими легкими и простыми. Это означает, что требуются очень глубокие знания, чтобы заметить простейшие, но подлинные отношения вещей между собой.

J 1271

---

* Долой папство! (*англ.*).

Человек — существо, ищущее причин; его можно было бы назвать искателем причин в системе разумных существ...

J 1279

Острый ум — изобретатель, а рассудок — наблюдатель.

J 1288

От моих старых принципов заставляют меня отказываться не мои индивидуальные успехи, а успехи самой науки.

J 1294

Стремиться все малое увеличивать и наблюдать, что́ возникает при усилении свойств; а большие вещи, напротив, уменьшать с той же целью. Это плодотворный источник новых идей. По крайней мере, с этим связаны великие открытия, однако, вряд ли к ним пришли таким путем.

J 1297

Стремиться находить в большом все то, что наблюдаешь в малом, и наоборот. Например, все, что говорит и делает ребенок, делает и взрослый человек в тех областях где он еще ребенок и остается ребенком потому, что ведь мы — взрослые дети.
Слова эти весьма банальны, но опытный человек проникнет в их глубокий смысл. Мы, правда, уже не бьем стол, о который стукнулись, но для других подобных же ударов мы изобрели слово «судьба», которую виним во всем.

J 1302

Чтобы *увидеть* новое, необходимо *сделать* нечто новое.

J 1310

Естествознание, по крайней мере для меня,— sinking fund[46] религии, когда дерзкий разум задолжал ей.

J 1317

Колумбов! Колумбов всюду!

J 1320

Во время занятий хорошим стимулирующим средством, по крайней мере для меня, является стремление настолько ясно представлять себе материал, чтобы можно было самому находить ему применение или даже делать свои дополнения. В конце концов начинаешь склоняться к мысли, что ты мог бы открыть это и сам, а это придает мужества. Больше всего отпугивает в книге чувство ее превосходства.

J 1322

В окружающем мире и в области истины нужно исследовать все свободно, чего бы это ни стоило, и не беспокоиться о том, принадлежит

ли данное утверждение к тем, из которых иные могут стать опасными. Сила, потребная для этого, может пригодиться нам и для чего-нибудь другого.

J 1324

Прежде всего расширение границ науки, без этого все — ничего не стоит.

J 1335

Философия — всегда искусство анализа, как бы к ней ни относились. Крестьянин пользуется всеми положениями самой абстрактной философии, но только не так явно, опосредствованно, скрытым, или, как выражаются физики и химики, латентным образом. Философ же дает нам абсолютно чистые положения.

J 1345

Если моя философия недостаточно сильна для того, чтобы сказать нечто новое, то в ней все-таки достаточно мужества для того, чтобы считать не вполне достоверным то, во что уже так давно верят.

Schr. I, 32 (K)

Если бы существовало сочинение примерно в десять фолиантов, в котором каждая глава, не очень большая, содержала бы нечто новое, особенно по философии, дающее пищу для ума, новые выводы и более широкие взгляды, то я, кажется, мог бы ползти за таким сочинением на коленях до Гамбурга, если б был уверен, что после этого у меня еще хватит здоровья и жизни, чтобы прочитать его на досуге.

Schr. I, 33 (K)

То, что кажется странным, редко остается необъясненным. Напротив, необъяснимое обычно уже не кажется странным и, возможно, никогда таковым не было.

Schr. I, 89 (K)

Рассудок хорошо усваивает теорию; способность суждения решает вопрос о ее применении. Этой способности не хватает очень многим людям и чаще и больше всего самым крупным ученым и теоретикам.

Schr. I, 89—90 (K)

Если смотришь на природу как на учительницу, а на бедных людей как на ее учеников, то бываешь склонен допустить весьма своеобразную идею о человеческом роде: все мы как будто сидим на уроке в школе и владеем основами, необходимыми, чтобы понять и усвоить этот урок, но все время прислушиваемся больше к болтовне наших товарищей, чем к объяснениям учительницы. А если наш сосед что-нибудь записывает, мы списываем у него, крадем то, что он сам может

быть не ясно расслышал, прибавляя к этому еще собственные орфографические и смысловые ошибки.

Schr. I, 90—91 (K)

На каждой стадии знания возникают такие ходячие положения, что не замечаешь, как они парят над всем непостижимым без всякой опоры, на одной только вере. Ими обладаешь, не ведая, откуда берется твердое убеждение в их достоверности. Философ имеет их столько же, сколько и человек, убежденный в том, что вода потому всегда течет с горы, что невозможно, чтобы она текла на гору.

Schr. I, 91 (K)

Существуют истины, настолько эффектно принаряженные, что их следовало бы считать за ложь, и тем не менее это чистые истины.

Schr. I, 107 (K)

Новые открытия в философии почти сплошь открытия новых заблуждений.

Schr. I, 108 (K)

Почему нельзя отвыкнуть от сна? Можно бы предположить, что поскольку важнейшие жизненные функции отправляются непрерывно и предназначенные для этого органы никогда не пребывают в покое и не засыпают, как, например, сердце, внутренности, лимфатические сосуды — то и вообще спать не обязательно. Следовательно, те органы, которые больше всего необходимы для функций души, прерывают свою деятельность. Меня интересует, рассматривал ли кто-нибудь сон в этом аспекте? Почему человек спит? Сон представляется мне скорее отдыхом для органов мышления... Что же такое человек во сне? Он — растение и ничего больше и, следовательно, «венец творения» должен иногда становиться растением, чтобы днем в течение нескольких часов выступать как венец творения. Рассматривал ли кто-нибудь сон как состояние, связывающее нас с растениями?
История содержит лишь рассказы о бодрствующем человеке, а разве история спящего человека менее важна? Разумеется, человек в этом состоянии действует меньше, но именно здесь больше всего мог бы действовать бодрствующий психолог... Вся наша история — исключительно история бодрствующего человека, а об истории спящего еще никто не думал...

Schr. I, 122—123 (K)

Даже невежество в некоторых вопросах бывает иногда полезным. Благодаря этому надежда получает для себя больше простора и

начинаешь всегда считать истинным то, что более всего соответствует нашему состоянию.

Schr. I. 132

Прозрения гения смелы и величественны и часто проникают глубоко, но необходимая для них сила иссякает рано; трезвый разум мыслит не так дерзко, но зато в нем больше выдержки. После 60-ти лет уже редко инстинктивно предвосхищаешь, но можно все еще оставаться сильным и изобретательным мыслителем. В эти годы редко родишь детей, но тем искусней воспитываешь уже рожденных, а воспитание есть особого рода рождение.

Schr. I, 198 (K)

Сначала мы *должны* верить, а потом верим.

Schr. I, 200 (K)

Что мне особенно не нравится в способе разрабатывать историю,— так это то, что во всех поступках видят намерения и все события выводят из намерений. На самом деле это совсем неверно. Величайшие события происходят совершенно непреднамеренно; случай исправляет ошибки и расширяет сферу действия умно задуманных предприятий. Величайшие события в мире не делаются, а происходят.

Schr. I, 283 (K)

Многие жрецы Минервы [47] помимо некоторого сходства с самой богиней, похожи также и на ее знаменитую птицу, а именно: в темноте они ловят мышей, а при дневном свете не замечают и церковной колокольни, прежде чем не разобьют об нее голову.

Schr. I, 283 (K)

Некоторое время тому назад была мода,— а может быть она существует еще и теперь,— на заголовке романов ставить: истинное происшествие. Это, конечно, маленький невинный обман; но когда на некоторых из новейших книг по истории опускают слово «роман», то это уже обман не столь невинный.

Schr. I, 312 (K)

Он был не столько собственником, сколько арендатором наук, которые преподавал, так как в них ему не принадлежало и клочка.

Schr. II, 95 (K)

Перечислим, наконец, так называемые *естественные вещи:* «естественные» дети, естественная религия, естественная добродетель [48]. Во всех этих видах естественной философии заключается много такого, о чем не позволяет себе грезить философия неестественная.

Schr. II, 145 (K)

Первый шаг мудрости — нападать на все, последний — переносить все.

L 2

Обитаема ли луна, астроном знает примерно с такой же степенью достоверности, с какой убежден в том, кто его отец, а не кто его мать.

L 31

Чистая философия все еще состоит (и не может отказаться от этого) в тайной любовной связи с нечистой. И так будет во все времена.

L 35

Проповедь в церкви не делает громоотвод на ней бесполезным.

L 67

Человек, который не может рассуждать экспромтом о проблемах своей специальности, а должен сначала заглянуть в свои выписки или в свою библиотеку, безусловно, ремесленник. Сегодня существует искусство стать знаменитостью, незнакомое древним. Они становились известными благодаря своему гению; большинство же новых ученых — поддельные драгоценности, а не подлинные брильянты. Но ведь и слава их также не будет долговечной. Их сочинения будут забыты, как поэзия Цицерона, которую даже его проза, пережившая века, не была в силах сохранить.

L 69

Все то, что мы, люди, *обязаны* признавать реальным, и становится для нас реальным. Ибо если ныне возбраняется судить о действительности, исходя из этого естественного побуждения, то уже нельзя себе представить никакого твердого принципа. Одно положение так же неопределенно, как и другие. Для кого бытие высшего существа вытекает из природы, тот пусть остается при своем мнении; точно так же и тот, кого убеждают в его существовании теоретические или моральные доказательства [49]. Даже те, что раздумывали над новыми доказательствами, руководствовались, возможно, непреодолимым стремлением, в котором они не вполне отдавали себе отчет. Вместо того, чтобы искать новые доказательства, лучше бы они раскрыли нам побудительные причины, заставившие их искать этих доказательств, если это не был голый страх перед консисториями [50] и правительствами.

L 251

В настоящее время я тоже полагаю, что вопрос, имеют ли вещи вне нас объективную реальность, лишен всякого разумного смысла. Мы по своей природе вынуждены утверждать, что определенные объекты

нашего ощущения существуют вне нас; мы не можем иначе. Этот вопрос почти столь же абсурден, как и вопрос, является ли синяя краска «действительно *синей*»? Мы не в состоянии выйти за пределы этого вопроса. Есть вещи, о которых я говорю, что «они вне нас»; поэтому я должен их так и рассматривать. Это бытие «*вне нас*» может, конечно, иметь какие-то свойства, но каковы они, об этом мы судить не можем...

L 275

Человек как продукт природы; как продукт своего рода (общества); как продукт самого себя — воспитанный, образованный, культурный, познающий человек.

L 294

Слово «несравненно» свидетельствует о том, что может стать на свете со словами [51].

L 286

Удар под ложечку лишает сознания и выводит из строя не только желудок, но даже и голову. Вообще слишком много говорят о голове и сердце и очень мало о желудке, по-видимому, потому, что он расположен в нижней части тела. Но древние разбирались в этом лучше. Персий [52], как известно, уже повысил его в чине и назвал его Magister artium [53], а за 1700 лет желудок, возможно, кое-чему подучился.

L 313

Небольшие эксперименты, которые мы ставим, и наши личные усилия, как бы ничтожны они зачастую ни были, способствуют образованию великой реки, которая впадает в бесконечное море, хотя в названии этой реки нет уже и помину о маленьких ручьях. Что было бы с Рейном, если бы маленькие ручьи лишили его своих вод?

L 363

Он открыл лавочку, где торговал мракобесием.

L 384

Каждый человек имеет свою особенную манеру ошибаться, тем более, что ошибки заключаются часто в неправильно понятой точности.

L 418

Тот факт, что многие ищут истину и не находят ее, объясняется, вероятно, тем, что пути к истине, подобно дорогам в ногайской степи, ведущим от одного места к другому, столь же широки, как и длинны.

L 536

Он так оттачивал свой ум, что тот в конце концов стал тупым, прежде чем сделаться острым.

L 556

Привычка во многих случаях — скверная штука; она повинна в том, что несправедливость считают справедливостью, заблуждение — истиной.

L 569

Человеческий разум становится все более единообразным по мере того, как он отрывается от материального мира. Чем он к нему ближе, тем чаще наблюдаются в нем отклонения, как у планет, о чем я уже говорил.

L 615

...Постоянно возникает вопрос: не приносит ли больше пользы в конечном итоге дух противоречия, чем дух единства?

L 619

Великим светочем этот человек не был, скорее большим удобным подсвечником. Он торговал мнениями других людей.

L 682

Философия Канта, изложенная без кантовских выражений в практических сочинениях, безусловно, имела бы успех [54].

L 685

Люди много пишут о сущности материи. Я хотел бы, чтобы материя когда-нибудь взялась писать о человеческой душе. Выяснилось бы, что мы до сих пор совершенно неправильно понимали друг друга.

L 732

Господину Канту принадлежит [55], безусловно, немалая заслуга в наведении порядка в физиологии нашего сознания, но это более близкое знакомство с мускулами и нервами не создает нам ни лучших пианистов, ни лучших танцоров. Мне также кажется, что успех, выпавший на долю его сочинения «Критика чистого разума», завел его впоследствии слишком далеко.

L 734

Фихте, по-видимому, забыл [56], что есть люди, которые не могут видеть вдаль без очков, слышать без слуховых трубок и ходить без костылей. Ему следовало бы еще научить нас есть сырое мясо, так как полевые звери не имеют кухни.

L 752

Он торговал чужими мнениями. Это был профессор философии.

Schr. II, 112 (L)

Я всегда извиняю теоретизирование: это инстинкт души, который может быть полезным, если мы уже имеем достаточный опыт. Поэтому возможно, что все наши сегодняшние теоретические нелепости являются инстинктами, которые найдут себе применение только в будущем.

Schr. I, 103

Всякую вещь, безусловно, лучше совершенно не изучать, чем изучить поверхностно, потому что здравый человеческий рассудок, желая высказать свое суждение о вещах, не совершает таких промахов, как полуученость.

Schr. I, 135

В настоящее время повсюду стремятся распространить знания, но кто знает, не появятся ли через два-три столетия университеты для того, чтобы восстановить былое невежество.

Schr. II, 99—100

В больших вещах задавай вопрос: а что это представляет собой в малых? А в малых: что это такое в больших? Где обнаруживается нечто подобное — в большом или малом? Хорошо так же все по возможности обобщать, постоянно исследовать сверху донизу весь ряд, каждый член которого представляет нечто. Любая вещь принадлежит к какому-нибудь такому ряду, крайние члены которого на первый взгляд кажутся даже вовсе не соотнесенными друг с другом.

Schr. II, 134—135

Еще вопрос, есть ли в науках и искусствах тот предел лучшего, через который наш рассудок не может переступить. Возможно, что эта точка бесконечно удалена, но тем не менее при каждом приближении к ней путь перед нами становится короче.

Ged. S. 45

Религия

Наш мир чего доброго станет когда-нибудь так хорош, что верить в бога будет так же смешно, как теперь — верить в привидения.

D 326

Мерило чудесного — мы сами: если бы мы старались найти одно общее мерило, то понятие чудесного отпало бы само собой, и все вещи стали бы одинаково значительными.

A 101

Если отречение — такая крестная мука, то легче штурмовать крепость, чем попасть на небо.

B 345

Господь, вероятно, очень уж любит нас, если он появляется к нам в такую дурную погоду [1].

B 354

Во время одной небольшой лихорадки мне казалось, что я, наконец, ясно убедился, что бутылку воды можно превратить в бутылку вина [2] тем же самым способом, каким одну личность превращают в три [3].

B 355

Да, монахини не только дали строгий обет целомудрия, но крепки и решетки на их окнах! «О, с обетами мы бы еще как-нибудь справились, если бы только справиться с решетками!»

C 35

...И тот, кто привлек нас к продолжению рода посредством величайшего чувственного наслаждения, способен свести жизнь до состояния лишь преходящего блага, наделив нас врожденным благочестием? Разве это не обман? Мне кажется это обманом...

C 89

Обращение в веру перед казнью можно сравнить со своеобразным откормом преступников: их делают в духовном отношении упитанными, а затем отсекают им головы, чтобы они не отреклись.

C 204

То, что наши предки придавали такое большое значение божьему суду и так ценили чудесные испытания невиновности, простительно им из-за их простодушия. Они в свое время были уже достаточно просвещенными, чтобы не придавать значения всяческим пророчествам, но не настолько, чтобы понять, что требование, предъявляемое ими к богу — охранить невинного человека от ожога при прикосновении к раскаленному железу — плохо вяжется с божественной мудростью. Разрешить такую задачу выпало на долю нашего времени. Сегодня некоторые философы начинают — правда, притворно — считать заблуждением веру в то, что бог вообще заботится о мире, так как это противоречит его мудрости и величию.

D 21

Душа не умирает: в это, конечно, сперва просто верили, и только потом стали доказывать. Верить в это не более странно, чем строить для одного человека дом, в котором могли бы поместиться сотни, или называть девушку богиней, а коронованную голову бессмертной. Человек не мудрее других созданий: он знает только, что он существует и из этого хочет объяснить себе все, и это свойство нашего духа мы с полным правом ценим выше всех других его свойств, потому что в мире только мы сами можем сделать этот вопрос для себя спорным.

D 197

Бог создал людей по своему подобию: это, по-видимому, означает, что человек создал бога по своему подобию.

D 198

Наш мир, чего доброго, станет когда-нибудь так хорош, что верить в бога будет так же смешно, как теперь — верить в привидения.

D 326

Так как они убедились, что не могут приставить ему католическую голову, то, по крайней мере, отрубили ему его протестантскую.

D 575

...И я благодарю бога тысячу раз за то, что он сделал меня атеистом.

E 249

Пьяницу-попа, у которого была необычайно красная физиономия, кто-то спросил [4], отчего это у него — ведь духовные лица должны вечно поститься и искупать грехи всего мира. «О,— ответил он,— мне так стыдно за грехи мира, что краска стыда пристала ко мне так же крепко, как пороки — к миру».

E 259

Подобно тому, как святым вокруг головы рисуют ноль [5].

F 166

Католики избрали себе нового Аписа [6] (папу).

F 191

Оракулы [7] не столько перестали вещать, сколько люди перестали к ним прислушиваться.

F 410

Богословам следует как можно осмотрительней ссылаться на судебные приговоры божественного откровения о вещах, о которых когда-нибудь свое решающее слово скажет разум. При современном состоянии наших знаний он говорит — и вполне правильно — языком сомнения, но всегда ли он будет так говорить? Разум ежедневно совершает завоевания в прошлом опыте и, черпая силу из этих завоеваний, извлекает пользу из настоящего. Возможно (я не надеюсь на это), что христианская религия в будущем много потеряет.

F 440

Ни по одному вопросу мне так не хотелось бы узнать список тайно поданных голосов мыслящих людей, как по вопросу о душе: явных, публично поданных голосов я не требую, их я уже знаю. Они, однако, относятся не столько к психологии, сколько к своду законов...

F 536

Обычно говорят еще слово — «душа», как говорят «талер» [8], хотя чеканных талеров уже давно нет.

F 570

В те времена, когда душа была еще бессмертной.

F 571

Надо исследовать и научить людей, в какой степени можно познать бога из окружающего мира. В очень малой степени: он мог бы оказаться жалким кропателем.

F 864

Если тонкие светские люди говорят: «Бог знает, почему!», то это всегда верный признак, что кроме бога им известен еще какой-нибудь важный человек, который это тоже знает.

F 931

Статую Изиды [9] погрузили на осла и, когда народ падал перед ней ниц, ослу казалось, что это преклоняются перед ним.

F 958

То, что мы называем «дерьмом дьявола» [10], персы называют «пищей богов».

F 1090

Пока различные религии представляют собой лишь различные религиозные «языки», все идет недурно, только бы их стремления и их внутренний смысл были одинаковыми и вели к добру. В конце концов так ли уж важно, что кто-нибудь преклоняет колена перед деревянным Христом, лишь бы этим путем он шел к добру?..

Schr. I, 76 (G, H)

Людям вообще труднее поверить в чудеса, чем в предания о чудесах, и иной турок, еврей и др., которые сейчас пошли бы за свои предания на смерть, при совершении чуда остались бы, вероятно, хладнокровными. Ибо в момент, когда чудо происходит, оно не имеет никакого иного значения, кроме того, что оно есть на самом деле. Стремиться объяснять его физически — это еще не вольнодумство, как и считать его за обман — вовсе не богохульство. Вообще отрицать какой-либо факт — явление само по себе невинное. Оно становится опасным лишь тогда, когда тем самым противоречишь другим людям, защищающим его неопровержимость. Некоторые вещи, сами по себе неважные, становятся важными потому, что защищать их берутся важные люди, а почему этих людей считают важными — никому не известно. На чудеса следует смотреть издали, если хочешь признавать их за истинные, как и на облака, если хочешь считать их за твердые тела.

Schr. I, 76—77 (G, H)

Одно из самых тонких ухищрений человеческого ума несомненно состоит в том, что исполнение надежд человеческих отнесено к тому времени, о котором (по крайней мере, с геометрической достоверностью) ничего решающего сказать нельзя,— ни «за», ни «против», однако неясное чувство, которое трудно выразить, говорит нам — и даже слишком ясно — что все — ничто.

Schr. I, 79 (G, H)

Нельзя в достаточной степени осознать то обстоятельство, что *существование бога, бессмертие души* и т. п. только *мыслимые,* а не *познаваемые* вещи. Это только сочетание мыслей, их игра, которой может не соответствовать ничего объективного и вовсе не обязательно, чтобы ей соответствовало нечто объективное.

Schr. I, 81 (G, H)

Сделать человека таким, как этого хочет религия, равноценно попыткам стоиков [11]. Это лишь иная степень невозможного.

Schr. I, 167 (G, H)

Когда духовные лица замечают человека свободомыслящего, они поднимают такой шум, как наседки, которые видят среди своих цыплят утенка, спускающегося на воду. Они не понимают, что такие люди чувствуют себя в этой стихии так же уверенно, как они на суше.

Schr. I, 192 (G, H)

Нет ни одного вида учености и ни одного рода литературных занятий, которых нельзя было бы сравнить с ремеслом или с любым видом ручной работы. В ученом царстве есть исправители дорог — весьма полезное занятие, приносящее мало дохода; рабы, в кровавом поту прессующие и варящие сахар, которым лакомятся другие; люди, расплавляющие греческие монеты, чтобы отлить из них современные вещицы; метельщики, надзиратели за нищими, глашатаи, банщики, выдающие себя за хирургов, и прочие. Но мне никогда не приходилось встречаться с наукой, служители которой имели бы так много общего с бродячими лудильщиками и подобно им, будто бы занимаясь делом, странствовали, чтобы обманывать и обирать людей [12].

Schr. I, 279 (G, H)

В пророчествах истолкователь часто более важная персона, чем сам пророк.

Schr. II, 81 (G, H)

У духовных овец в общине, как и у мирских на пастбище, главное — это шерсть.

Schr. II, 82 (G, H)

Что дает для успокоения умерших звон колоколов — не могу решить. Живым он противен.

Schr. II, 85—86 (G, H)

Он не только не верил в привидения, но даже не боялся их.

Schr. II, 86 (G, H)

Что касается пути на небо, то, пожалуй, все религии, во всех отношениях одинаково хороши. Но вот относительно пути земного — в этом, черт возьми, все дело!

Schr. II, 87 (G, H)

К спискам умерших за год следовало бы добавить еще следующие рубрики: попали на небо — 33, отправились к черту — 777; сомнительные случаи — 883. Такими бумажками теологи могли бы зарабатывать деньги.

Schr. II, 88 (G, H)

Господин Кампер [13] рассказывал, что в одной гренландской общине, когда миссионер красочно расписал огни и ужасы ада и много говорил о жаре в нем, все стали мечтать об аде.

Schr. II, 164 (G, H)

Я могу себе представить время, когда наши религиозные понятия будут казаться такими же странными, как кажется нам теперь понятие «рыцарский дух».

Schr. II, 164 (G, H)

В объяснениях библии многое напоминает мне объяснение фигур в пещере Баумана [14]. Здесь есть молящиеся девы, купели, крестные отцы, монахи, бычьи языки, колонны, яйца, вознесение господне, тимпаны и т. д. Однако, чтобы все это увидеть, нужно знать уже заранее, что́ все это должно означать.

Schr. II, 190 (G, H)

Одно безусловно установлено: христианскую религию защищают скорей люди, которые кормятся ею, чем те, которые убеждены в ее истинности...

Schr. II, 192 (G, H)

Волосы становятся дыбом, когда подумаешь, сколько времени и труда потрачено на толкование библии. Вероятно, миллионы томов in octavo *, и каждый том такой толстый, как выпуски «Всеобщей немецкой библиотеки» [15]. И какова, в конце концов, будет награда за эти усилия спустя столетия и тысячелетия? Безусловно, ничего, кроме следующего: библия — книга, написанная, как и все книги, людьми, которые были несколько иными, чем мы, потому что жили в несколько иные времена; в некоторых отношениях они были простодушнее нас, но зато так же и гораздо невежественнее; итак, библия — книга, содержащая кое-что истинное и кое-что ложное, кое-что хорошее и кто-что дурное. Чем больше толкование превращает ее в обычную книгу, тем

* Книга в $^1/_8$ печатного листа (*лат.*).

оно лучше. Все это произошло бы давно, если бы этому не препятствовали наше воспитание, наше безудержное легковерие и современная обстановка.

J 12

Что было бы сейчас с Лютером? Наверное, он угодил бы в Шпандау [16].

J 46

Считаете ли вы, что в мире все было когда-то иначе, чем теперь? Верите ли вы, что на терновнике росли апельсины? Нет. Прекрасно, а вы верите, что был человек, являвшийся сыном бога? Да! О, боже справедливый, как низко может пасть твой дар — разум! И каким слабым орудием он является!

J 86

Католики некогда сжигали евреев, не подумав о том, что и богоматерь принадлежала к этой нации. Они и сегодня еще не думают, что поклоняются еврейке.

J 98

Мне кажется, что из-за своего воспитания для неба очень многие люди забывают о своей задаче на земле. А я полагаю, что человек действует мудрей всего тогда, когда ставит это воспитание на свое место. Ибо если некое мудрое существо послало нас в этот мир, в чем нет никакого сомнения, то будем стараться поступать как можно лучше, насколько это возможно в нашем положении, и не дадим ослеплять себя откровениями — ведь все они обманчивы. То, что человеку необходимо знать для своего счастья, он, конечно, знает без всякого иного откровения, кроме того, которым он обладает по своей природе... Хорошо было бы, чтобы слово «религия» вообще не существовало. Когда и как оно возникло? Создать из него подлинное учение о счастье — вот на какую цель должны быть направлены все стремления.

J 112

Пониманию вещи способствует не откровение, а ее собственный авторитет. Но какой же авторитет может навязать мне веру в то, что противоречит моему разуму? Только слово божие. Но существует ли иное слово божие кроме разума? Безусловно, нет. Ведь то, что Библия является божьим словом, сказано людьми, а люди не знают иного слова божьего, кроме разума.

J 254

Наши богословы хотят насильно сделать из Библии книгу, в которой нет никакого человеческого смысла.

J 262

Не подлежит сомнению, что среди христиан имеется много порядочных людей, так же как и повсюду и во всех сословиях есть хорошие люди. Но несомненно одно — они сами in corpore и то, что они совершили в качестве христиан — не многого стоило.

J 341

Бога можно было бы назвать неизвестным нам папой, иезуиты которого — богословы [17].

J 387

Подобные люди не защищают христианство, а защищаются христианством.

J 485

Большинство вероучителей отстаивают свои принципы не потому, что убеждены в их истине, а потому, что раз навсегда решили утверждать, что они истинны.

J 502

Теософия [18], астрология [19], а в известном смысле и метеорология сходятся не только в том, что при их изучении и применении устремляют взор к небу, но так же и в том, что их почитатели всегда хотят видеть больше, чем другие.

J 515

Даже сам дьявол не мог бы пожелать для себя более подходящих людей, чем некоторые из числа так называемых «богоугодных».

J 530

Патер: вы, новозеландцы,— людоеды. Новозеландец: а вы, попы,— богоеды [20].

J 904

Поистине удивительно, что на основе смутных представлений о причинах, люди создали веру в бога, о котором мы ничего не знаем и знать не можем. Ибо всякое заключение о создателе мира всегда антропоморфизм.

J 921

Религия Шульце [21], проповедника с косичкой, является асимптотой, к которой приблизятся в конце концов все христианские религии. Я думаю так же, как и он...

J 1021

Всемогущество бога во время грозы вызывает удивление только тогда, когда она еще не разразилась или когда она уже миновала.

J 1024

Во имя господа сжигать, убивать, предавать анафеме,— все во имя господа!

J 1075

То, что собственно делает для бедняков небесную жизнь столь привлекательной,— это мысль о равенстве сословий на том свете.

J 1177

Разве не странно, что каждый может быть своим собственным врачом и своим собственным адвокатом, но едва кто-нибудь пожелает быть своим собственным священником,— против него поднимают вой, и в это вмешиваются земные боги? В чем причина, что земные боги так беспокоятся о вечном блаженстве людей, в то время как они столь безответственно пренебрегают их преходящим благом? Ответ не труден.

J 1201

Жалко, что лапландцы и исландцы не являются черными, а африканцы белыми. Физикотеология могла бы заняться превосходной игрой в конечные причины [22].

J 1267

Неужто есть существа, точно знающие, что с нами произойдет после смерти, как знаю я, что тело убитой мной собаки сгниет?

J 1303

В обычные размышления человека о существе, сотворившем мир, видимо примешивается большая доля благочестивого нефилософского вздора. Восклицание — что это должно быть за существо, создавшее все это!— не лучше, чем следующее: что это за рудник, в котором найдена луна! Потому что, во-первых, следовало бы сначала спросить, создан ли мир и, во-вторых, в состоянии ли существо, его создавшее, сделать из меди часы с репетиром. Я имею в виду — умеет ли оно плавить желтую медь, выковывать из нее пластины, вырезать из них колеса и обтачивать их. Полагаю, что нет. На это способен только человек; а более высоко развитый человек изобрел бы для этого еще и другие приемы. Но если наш мир когда-либо и был создан, то его создало существо, относящееся к человеческому роду столь же мало, как кит к жаворонкам. Я не могу поэтому достаточно надивиться, когда прославленные люди утверждают, что в крыле мухи заключается больше мудрости, чем в искуснейших часах. Это положение говорит лишь об одном: тем путем, каким создают часы, невозможно создать комариные крылья, а путем, каким создают комариные крылья, нельзя сделать часы. Нужно быть справедливым и не обращать внимания на эти бесполезные ханжеские намеки, и притом это следует не *говорить*,

а обладать силой мыслить подобным образом, ибо для этого необходима сила.

J 1323

Если бы когда-нибудь некое высшее существо рассказало нам, как возник мир, то я, пожалуй, хотел бы знать, оказались ли бы мы в силах понять его. Думаю, что нет. О «возникновении» вряд ли могла бы идти речь, потому что это чистый антропоморфизм. Могло бы даже оказаться, что вне нашего сознания ничего и нет, что соответствовало бы понятию возникновения, коль скоро оно применяется не к отношениям одних предметов к другим, а к предметам самим по себе.

K 18

Бытие и небытие, когда речь идет о чувствующем существе, не противостоят друг другу; исключают же друг друга небытие и вечное блаженство...

Schr. I, 88 (K)

...Когда я думаю о войне, голоде, бедности и заразных болезнях, то я никак не могу поверить, что все это — дело мудрейшего существа, или же оно располагало какой-то материей, независимой от него и в какой-то степени его ограничивающей. Таким образом, этот мир лишь относительно лучший мир, о чем уже неоднократно говорилось.

Schr. I, 90 (K)

Я прочел письма Гейденрейха [23] об атеизме и должен признаться, что, вопреки его намерению, письма атеиста показались мне написанными более основательно, чем письма верующего. Некоторые утверждения последнего меня решительно не убеждают, а ведь я не столь уж неопытен в уменье напрягать свой ум, да и в доброй воле у меня нет недостатка. Слишком уже много рассчитывает автор на широкую распространенность морального сознания, и я бы сказал, прикрываясь им, желает уверить читателя, что человек морально болен, если он этого утверждения не понимает. Вот если бы изобретатели этих благонравных принципов сами обладали признанной непогрешимостью, то можно было бы *привыкнуть* считать их принципы истинными, а они, со своей стороны, могли бы сказать: «Твоя вера тебе помогла». Но что это за доказательство существования бога и бессмертия, когда понять его — вернее полностью прочувствовать — из многих тысяч людей способен едва ли один? Если вера в бога и в бессмертие действительно должны приносить пользу в этом мире, то они должны стать более общедоступными, или же это вообще не вера.

Schr. I, 92—93 (K)

То, что есть истинно христианского в нашей религии — есть душа всех религий; остальное — тело. И самый красивый грек, и негр — *люди*.

Schr. I, 107 (K)

В каждой деревне есть своя пирамида — церковная колокольня. Из всех деревенских пирамид в Германии, пожалуй, можно было бы сложить все египетские. Зачем их делают такими высокими? Конечно, не только ради колоколов. Только суетность в сочетании с религией — и, может быть, с суеверием — создали эти пирамиды, так же, как и египетские.

Schr. I, 132 (K)

Новый завет — autor classicus, лучшая книжица на все случаи жизни, которая когда-либо была написана; поэтому теперь — с полным основанием — в каждую христианскую деревню назначен профессор для истолкования этого автора. Тот факт, что среди этих профессоров имеются многие, не понимающие автора, роднит этого автора с другими. Но книга эта весьма отличается от прочих тем, что даже промахи в ее толковании объявили священными.

L 27

Господь бог со своими вассалами. Вместо монархии бога у нас теперь феодальная система [24].

L 72

Неужели вы полагаете, что бог католик?

L 112

Самое странное применение, которое человек нашел для своего разума, пожалуй, заключается в том, что он считает своим особым достижением — не пользоваться им вовсе и, рожденный с крыльями, обрезает их, чтобы спрыгнуть с первой попавшейся церковной колокольни...

L 113

Если наше богословие будет продолжать превращаться все более и более в ««богозаконие» [25] подобно тому, как *астрология* превратилась в *астрономию,* то возникает вопрос, не лучше ли было бы назвать «Новый» завет «Средним» заветом.

L 182

Несколько дней тому назад я читал, что одного проповедника в окрестностях Люттиха [26] (если не ошибаюсь), дожившего до 125 лет, спросил епископ, как ему удалось так долго прожить. Он ответил: я воздерживался от вина, от женщин, от гнева. Здесь, мне кажется, возникает серьезный вопрос: потому ли он прожил так долго, что воздерживался от ядов, или же потому, что обладал темпераментом, позволявшим ему воздерживаться от них? Я полагаю, трудно не согласиться с последним предположением. Тот факт, что кто-то, пользуясь ядами, может сократить себе жизнь, и притом очень сильно, еще не

доказательство, что ее можно удлинить, отказавшись от их употребления. Кто не обладает соответствующим темпераментом, безусловно, не удлинит свою жизнь половым воздержанием. Так же обстоит дело и с мифом о том, что истинные христине всегда являются порядочными людьми. Порядочные люди существовали давно, прежде чем появились христиане и, славу богу, они еще есть и там, где христиан нет вовсе.
Итак, пожалуй, более вероятно вот что: эти люди являются добрыми христианами потому, что истинное христианство требует от них именно того, что они делали бы и без него. Сократ, конечно, был бы очень хорошим христианином.

L 192

Безусловно, нет иного способа почитать бога, как выполнять свои обязанности и действовать по законам, предписанным разумом. «Бог существует» — означает, по моему мнению, не что иное, как «при всей свободе воли я чувствую себя вынужденным поступать справедливо». На что же нам нужен еще какой-то бог? Это он сам и есть...

L 273

Еще вопрос, смог ли бы разум самостоятельно, без сердца, прийти к мысли о боге. После того, как бога признало сердце (т. е. страх), его начал искать и разум, подобно тому, как бюргеры ищут привидений.

L 274

Ни одно изобретение не далось человеку так легко, как изобретение небесной жизни.

L 296

Если человек утверждает, что бог слышит и видит все, почему его нельзя рисовать с ушами и глазами, кистью или воображением — ведь это безразлично? Но вряд ли правильно, я полагаю, изображать его только с двумя глазами, потому что он в таком случае не мог бы видеть, что происходит позади. Таким образом еще вопрос, кто изображает его разумней, тот, кто представляет его человеком, или тот, кто всего его сплошь украшает глазами.

L 346

Когда еще молод, то почти не ощущаешь, как летят года. Ощущение здоровья приобретаешь только через болезни. Земное притяжение мы замечаем, когда прыгаем вверх, благодаря толчку при падении. С наступлением старости болезненное состояние становится своего рода нормальным состоянием, и не замечаешь, что ты болен. Если бы не было воспоминаний о прошлом, то это изменение трудно было бы

вообще заметить. Я поэтому полагаю, что животные старятся лишь в наших глазах. Белка, которая доживает свои последние дни как устрица, несчастна не более, чем устрица. Но человек, живущий в трех мирах — в прошедшем, настоящем и будущем — может быть несчастным, если один из этих миров ничего не стóит. Религия прибавила к ним еще и четвертый — вечность.

L 480

Я отдал бы часть своей жизни за то, чтобы узнать, какое среднее барометрическое давление было в раю.

L 557

Я хорошо знаю, что с началом революции религиозный скептицизм среди людей видных и знатных уже не так распространен, как прежде. Теперь научились молиться богу. Многие дамы, которые раньше и слышать об этом не хотели, сейчас полностью стоят pour la réligion de nos pères *. Есть ведь люди, которые не станут молиться, пока не грянет гром. Однако можно полагать, что они имеют ввиду при этом нечто бóльшее, т. е. также и le gouvernement de nos pères **.

L 593

Не удивительно ли, что люди так охотно сражаются за религию и так неохотно живут по ее предписаниям?

L 701

Разве наше *понятие* о боге не является олицетворением непонятного?

L 737

Правда, было бы недурно примерно с 1800 г. считать богословие исчерпанным и запретить богословам делать дальнейшие открытия?

Schr. II, 101 (L?)

Разумные вольнодумцы — это легкая кавалерия, идущая всегда впереди, чтобы производить разведку местности, куда в конце концов доберутся и тяжело вооруженные отряды правоверных.

Schr. I, 103

Резные изображения святых совершили в мире больше дел, чем сами святые при жизни.

Schr. II, 185

Некоторых людей, которые постоянно говорят об укрощении плоти и у которых это так хорошо получается, можно было бы, вероятно, спросить: «А обладаете ли вы еще чем-нибудь, что можно укрощать?».

Nachl. S. 36

---

* За религию наших отцов (*франц.*).

** Правление наших отцов (*франц.*).

Психология. Этика

...Быть человеком — значит не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас...

D 252

Неукротимое честолюбие и недоверчивость я встречал всегда вместе.

A 45

Смерть — постоянная величина, боль же — переменная, способная возрастать бесконечно. Это должны признать защитники пыток, ибо в противном случае они прибегают к ним напрасно. Однако для многих людей даже сильнейшая боль все же значит меньше, чем смерть.

A 52

Если бы мы могли так же совершенно говорить, как мы чувствуем, то ораторы встретили бы мало несговорчивых слушателей, а влюбленные — жестоких...

A 79

Есть определенный сорт людей, которые легко заводят дружбу с каждым, столь же скоро начинают ненавидеть этого человека, а потом вновь любить. Если представить себе человеческий род как целое, где каждая часть имеет свое место, то подобные люди являются той затычкой, которую можно сунуть куда угодно.

A 86

Счастье человека состоит в правильном соотношении свойств его души и его страстей; если возрастает одно из них, то страдают другие, и отсюда возникают бесконечные смешения. Того, кого принято называть великим умом, с таким же основанием можно назвать и просто уродом или яростным игроком, но он — полезный урод, в той мере, в

какой он является выдающимся артистом. Именно такими уродами был Севедж [1] и Гюнтер [2]. Человек, живущий спокойно, весело и является собственно человеком, и такой человек редко пойдет далеко в какой-нибудь одной науке, потому что всякая машина, полезная во многих отношениях, не может быть столь же полезной для какого-нибудь одного дела, как, например, машина, построенная для одной единственной цели. Мудрое устройство мира является в том, что гением обладают лишь немногие, равно как и в том, что не все люди глухие или слепые. Ньютон был по уму — macrochir *, он мог хватать выше других; «Апокалипсис» же Иоанна [3] он объяснил плохо, потому что для этого, возможно, нужен был большой нос [4].

A 107

Его сюртук стоил больше, чем его честь, и любой еврей-ростовщик оценил бы сюртук дороже, чем честь.

B 48

...Чем дольше наблюдаешь лица, тем больше открываешь в так называемых невыразительных физиономиях черты, придающие им индивидуальность.

B 67

Каждый человек имеет свою моральную backside **, которую он не показывает без нужды и, пока возможно, прикрывает ее штанами благопристойности.

B 74

Он вырос из своей библиотеки так же, как можно вырасти из платья. Вообще, библиотеки могут стать для души и слишком тесными и слишком широкими.

B 108

Гордость человека — вещь удивительная, ее нельзя сразу подавить; и если заткнули дыру «A», то не успеешь оглянуться, она уже выглядывает вновь из дыры «B», а закроешь ее, она уже стоит у дыры «C» и т. д.

B 119

У женщины местоположение чувства чести совпадает с центром тяжести ее тела, у мужчин оно находится несколько выше, в груди, около диафрагмы. Поэтому мужчины надувают грудь при свершении «великих» дел и чувствуют себя вялыми и опустошенными при выполнении «малых» дел.

B 135

---

* Длиннорукий (*англ.*).

** Оборотная сторона, задняя сторона (*англ.*).

Единственное, что было в нем мужественного, он не мог обнаружить из-за приличий. Mihi nihil aliud virile sexus esset. Petronius *.

B 184

Своей небольшой палкой он измерял обычно все — и физические и нравственные явления, говоря часто: меня это не беспокоит ни на столько — и ногтем большого пальца показывал на палке, на сколько именно это его беспокоило.

B 211

Он не понимал, почему у него возникали иногда непреодолимые желания, удовлетворить которые никакой возможности не было. Со своими сомнениями он часто обращался к небу, как будто ставил ему вопрос на конкурсе[5] и в случае удовлетворительного ответа обещал смиренную покорность и полное самоотречение.

B 239

Удивительно, как наше тщеславие мелочно торгуется из-за всякого хлама; бедняк выбрасывает куда попало то, что ему уже не приносит никакой пользы. Мы же, считающие себя выше нищих, порой отдаем свою изношенную одежду любому бедняку за цену, более значительную, чем та, которую заплатили сами — за благодарность и услуги.

B 248

...Я всегда придавал своей комнате более важное значение, чем другие люди. Значительная часть наших идей зависит от ее расположения. Она, так сказать, второе наше тело...

B 249

По всей вероятности, Бертольд Шварц[6] был первым, кто обжег себе пальцы порохом, и все же нашлись люди, желающие оспорить у него даже эту жалкую честь.

B 302

Если природа не желала, чтобы голова прислушивалась к требованиям туловища, зачем же она присоединила к нему голову? Туловище могло бы, не совершая того, что принято называть грехом, досыта есть и совокупляться, а голова могла бы без него создавать системы, заниматься абстракциями, говорить, петь и болтать о платоническом упоении, платонических восторгах без вина и любви. Отравлять поцелуи — более жестокий поступок со стороны природы, чем отравлять стрелы на войне.

B 318

---

* Если у меня есть что-нибудь мужественное, то это признак пола *(лат.)*. Петроний. Сатирикон, § 19.

...Жить против воли отвратительно; но еще ужасней было бы стать бессмертным, если этого не желаешь...

B 333

Этого требует природа человека, и даже природа обезьяны с этим согласилась бы.

B 336

Один мой друг имел обыкновение делить свое тело на три этажа: голова, грудь и живот. И он часто желал, чтобы обитатели верхнего и нижнего этажей ладили между собой лучше.

B 339

Скорей прямая линия перестанет быть кратчайшей, чем я отклонюсь от своего пути; укажи мне путь короче, чем прямая, и я откажусь от своего и последую за тобой.

B 340

Этот человек крайне охотно делился всем, что ему ничего не стоило, и особенно комплиментами,— он никогда не оскорблял, по крайней мере об этом никто ничего не знал, всегда имел любезную физиономию, и его скромность была столь велика, что его голос звучал как-то жалобно. У многих людей он слыл добродетельным и у большинства — смиренным, короче, он был из той породы людей, которых встречаешь довольно часто и которых в Англии обычно награждают именем sneaking rascals *.

B 386

От людей следует требовать услуг по их возможностям, а не по нашему желанию.

KA 2

В английском языке есть поговорка: он не настолько умен, чтобы обезуметь. Очень тонкое наблюдение!

KA 5

[Об индейцах]. Они не принимают в общество никого, прежде чем он не выдержит все суровые испытания и не станет способным терпеть голод и жажду, укусы крупных муравьев, ос, мух и других насекомых, раны, наносимые самому себе в различных местах тела, короче, пока не научится переносить сильнейшие боли с величайшей стойкостью и терпением. Это нечто большее, чем стать у нас магистром.

C 17

---

* гады ползучие (*англ.*).

Трехгрошовая монета, пожалуй, дороже слез.

С 21

Вас, способных столь чувствительно рассуждать о душах ваших возлюбленных, я не стану лишать этой радости. Но ни в коем случае не думайте, что вы говорите или делаете нечто возвышенное, и не воображайте себя благороднее толпы, которая не так уже неправа, когда стремится преимущественно к плоти. Каких только идей не имеет о таком «тонком чувстве» юный читатель рецензий! Простолюдин же косит глаза на прорез в нижней юбке и ищет там то небо, которое ты ищешь в глазах. Кто прав? Я не взвешиваю доводы в этом вопросе и еще менее решаю его. Но я хочу посоветовать от чистого сердца всем чувствительным кандидатам быть поближе к крестьянину, иначе это может привести к досадным затруднениям.

С 22

Минувшая скорбь приятна в воспоминании [7], прошедшее удовольствие тоже, будущее удовольствие и настоящее — точно так же. Итак, лишь будущая и настоящая скорбь терзает нас. Значит, в нашем мире заметен перевес в пользу удовольствия. Он увеличивается еще и тем, что мы постоянно ищем случая доставить себе удовольствие и большей частью можем его предвидеть с достаточной уверенностью. Напротив, гораздо реже можно предвидеть будущую скорбь.

С 30

...Что за человек Иоганн Каспар Лафатер, если при чтении прекрасной идеи Мендельсона [8] у него может вырваться желание: если бы он был христианин! Почему не желает он ему в таком случае также и хорошего прусского роста [9]?..

С 37

Диоген [10] расхаживал в грязной одежде по роскошному ковру в комнатах Платона. «Я попираю,— сказал он,— гордость Платона». «Да,— возразил Платон,— но только посредством другого вида гордости».

С 113

Кто захочет слушать извинения, когда он может видеть действия?

С 137

Я весьма часто размышлял, чем отличается великий гений от заурядной массы. Вот несколько моих соображений.

Заурядный человек всегда приспособляется к господствующему мнению и господствующей моде, он считает современное состояние вещей единственно возможным и относится ко всему пассивно. Ему не приходит в голову, что все — от формы мебели до тончайшей гипоте-

зы — решается в великом совете человечества, членом которого он является. Он носит обувь с тонкими подошвами, хотя острые камни мостовой и режут ему ноги; пряжки у него сдвинуты к самым пальцам и поэтому часто за все зацепляются. Он не думает о том, что форма обуви так же зависит от него, как и от того дурака, который первым начал носить тонкие подошвы на плохой мостовой. Великий же гений всегда задает вопрос: а может быть, это неправильно?.. Поблагодарим же этих людей за то, что они порой хоть однажды встряхивают то, что стремится осесть. Для этого мир наш еще слишком молод...

С 192

Освоить целину времени.

С 243

Он бойко болтает, как француз, деловит в движениях, как англичанин, жестикулирует, как итальянец, или пользуется всеми тремя способами, как немец [11].

С 274

Что тебе до причины доброго поступка этого человека? Если источником его была и не зависть, то может быть удовольствие от мысли стать предметом зависти. Следовательно, не личная зависть, а зависть других.

С 326

Великие люди тоже ошибаются и некоторые из них так часто, что почти впадаешь в искушение считать их людьми незначительными.

С 343

Если кто-нибудь весьма охотно что-либо делает, то почти всегда он видит в этой вещи нечто такое, чего на самом деле в ней нет...

С 347

Не величие духа, а величие нюха сделало его таким человеком.

С 356

Может ли человек сам пробудить в себе активность? Укрощением страстей. Главным образом сладострастия. Следует начинать с малого, не давать себе часто поблажки в мелочах из опасения, что это может завести очень далеко. Откладывание важных дел — одна из опаснейших болезней души.

D 20

Петля у него не на горбу, а в глазах.

D 27

Наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем.

D 29

Люди, обладающие некоторым талантом, слишком склонны думать, что работа должна быть для них легкой. Напрягай свои силы постоянно, человек, если ты хочешь создать нечто великое.

D 46

Думать постоянно: как можно это сделать лучше?

D 52

Всегда стремиться еще на одну пядь вперед. Хорошо! Еще лучше! Ново! Еще новей! Постоянно прибавлять еще что-либо к достигнутому.

D 100

Жители Улиетеа [12] послали господину Куку в знак дружбы девушку и свинью — средства против двух родов голода.

D 139

Все же самая лучшая крепость против ударов судьбы — могила.

D 141

Он написал восемь томов. Было бы безусловно лучше, если бы он посадил восемь деревьев или родил восемь детей.

D 173

Более всего препятствует напряжению наших сил то, что видишь людей, пользующихся славой, которой они, по нашему убеждению, недостойны.

D 215

...Быть человеком — значит не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас. Неужели я должен проводить жизнь в изучении истории ученых только для того, чтобы не открыть вновь того, что уже открыто? Ведь повторяют же мысль и дважды, и ничего в этом нет плохого, если только она в новом одеянии. Если ты думал самостоятельно, то твое открытие будет, разумеется, всегда своеобразным.

D 252

Крестьянские девушки ходят босиком, а благородные нагишом.

D 301

Тот факт, что люди делают все из личного интереса, полезно знать философу. Однако он не должен действовать по этому принципу, а напротив, сообразовываться с обычаями света... [13] Я настолько глубоко убежден, что человек делает все ради личной выгоды (понимая это слово надлежащим образом), что уверен в необходимости ее для мира, как чувствительности для тела. Достаточно того, что мы так часто

не можем достигнуть нашей выгоды, не осчастливив тысячи других людей, и что наша «первопричина» сумела связать интересы одной части человечества с интересами многих других.

D 318

Побудительные причины наших действий можно было бы расположить подобно тридцати двум направлениям ветров на компасе [14] и называть их сходным образом: хлеб-хлеб-слава или слава-слава-хлеб, страх-наслаждение.

D 367

По-моему, эта теория представляет в психологии [15] то же, что и весьма известная теория в физике, объясняющая свет северного сияния блеском чешуи селедок.

D 408

Никогда не следует думать: эта задача для меня слишком трудна, она для больших ученых, а я займусь другой. Это — слабость, которая легко может выродиться в полную бездеятельность. Ни в коем случае не следует считать себя слишком ничтожным.

D 430

Я хорошо знаю людей, о которых вы думаете, что они только дух и теория и не могут себе пришить даже пуговицы. Они исключительно — голова без рук, необходимых, чтобы пришить пуговицу.

D 448

Старайся не быть ниже своей эпохи.

D 470

Все становится более утонченным: музыка когда-то была шумом, сатира — пасквилем и там, где сегодня говорят «будьте любезны»,— некогда давали затрещину.

D 483

Вообще, он был таким же человеком, как и мы, но его нужно было сильней прижать, чтобы он закричал; он должен был дважды увидеть, чтобы заметить, дважды услышать, чтобы запомнить, и то, что иные прекращали после одной единственной пощечины, он прекращал только после второй.

D 578

Тело и душа: конь и бык в одной упряжке.

D 650

Ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное отсутствие собственного мнения.

E 62

Мне хорошо знакомы эти «синие чулки», они могут так разукрасить вогнутость, что вы подумаете, будто это выпуклость.

E 111

После того как создана теория[16], объясняющая оригинальность ума изъянами в симметрии организма, я считал бы целесообразным ударять слегка кулаком по голове всех новорожденных детей и, не причиняя им вред, нарушать симметрию их мозга... Я советовал бы (но это вовсе необязательно) наносить удар прямо в какой-нибудь из двух наружных уголков глаза. Благодаря тому, что после этого здесь могут вступить в реакцию части различной структуры и состояния, в конечном итоге возникает прекраснейшая мозговая асимметрия... Я часто с досадой замечал, что удары по голове, или так называемые оплеухи, выходят из употребления в наших школах и пока еще в моде лишь в высшем обществе, где их раздают совершенно напрасно, потому что головы здесь уже одервенели. Известны случаи, когда люди после ушиба головы или палочных ударов по голове начинали пророчествовать и мыслить не так, как другие (исключая правила грамматики). Это уже, конечно, слишком, и я объясняю это нарушением симметрии мозга.

Однако никто не будет отрицать, что самой завидной в этом мире головой, которую, наверное, обожествили бы, могла бы стать голова с одним полушарием мозга, способная оказаться в Бедламе, не будь у нее второго. В этих великих душах соединены одновременно обезьяна и ангел, и они, разумеется, высказывают порой нелепые идеи первой с трансцендентальным звоном фраз второго или ясные, как солнце, идеи последнего с отвратительными и непонятными ужимками первой. Далее. Почему люди часто хлопают себя по лбу, когда они забыли то, что должны быть знать? Привычка, естественная для человека...

E 146

Остерегайся занять благодаря случайностям пост, который тебе не по плечу, чтобы не казаться тем, чем ты не являешься на самом деле. Ничего нет опасней и разрушительней для внутреннего покоя, даже более того — вредного для порядочности, ибо обыкновенно это кончается полной утратой доверия к тебе.

E 174

Они продают все, вплоть до рубашки и еще далее.

E 200

Природа соединила людей сердцами, а профессора охотней соединили бы их головами.

E 236

Есть люди, которые полагают, что все, что делается с серьезным видом, разумно.

E 283

Что такое физиогномика Лафатера, как не четвероногий орел без крыльев, а «Виды на вечность»[17] — не херувим с обезьяньей головой?

E 292

Смутное чувство способности к совершенствованию в человеке таково, что он и тогда еще считает себя далеким от цели, когда он ее достиг, и разум все еще недостаточно освещает ему путь. То, что ему легко дается, кажется ему плохим, и таким образом мечется он от плохого к хорошему, а от хорошего к чему-нибудь плохому, что он считаем лучшим, чем хорошее...

E 356

Можно постараться нарисовать себе ночного сторожа по его голосу. При этом часто ошибаешься настолько, что трудно удержаться от смеха, когда обнаружишь свое заблуждение. А разве физиогномика нечто иное?

E 374

Не создавай себе слишком мудреного представления о человеке, суди о нем просто; не считай его ни слишком хорошим, ни слишком дурным.

E 409

Кто может указать, как далеко пойдет человек при своей способности к совершенствованию — маленький ребенок, когда он непрочно ступает по земле, держась за руку взрослого, до Терци[18] в Лондоне? Кто осмелится утверждать, что человек не научится летать? Трудней всего определить, как далеко пошел и пойдет человек в каком-нибудь искусстве, главный смысл которого состоит так же и в том, чтобы при дальнейшем развитии становиться все менее заметным.

E 428

Если бы люди искренно рассказывали свои сны, то по ним можно было бы скорее, чем по лицам, узнать характер этих людей.

E 490

Если бы мы воспитывали матерей, т. е. детей в материнском чреве!

E 507

Если очень хочется знать, что думали бы другие люди о деле, которое тебя касается, стоит только представить, что бы подумали мы о них в подобных обстоятельствах. Никого не следует считать в этом отно-

шении ни морально лучше, чем ты сам, ни глупей себя. Люди замечают чаще, чем принято полагать, такие вещи, которые, по нашему убеждению, мы искусно скрыли от них. Это замечание больше чем наполовину верно, и это во всяком случае уже много для максимы, создаваемой на тридцатом году от роду, как это делаю сейчас я.

F 13

Заставить умных людей поверить, что ты являешься не тем, кем ты являешься на самом деле, во многих случаях трудней, чем стать действительно тем, кем желаешь казаться.

F 50

Самая занимательная для нас поверхность на земле это — человеческое лицо.

F 87

Я знавал людей, которые пили тайком и были пьяны на людях.

F 94

Совесть людей, как их кожа, не у всех одинаково нежна: у одного она нежная, а у другого — толстая, как у свиньи. Я знал людей с такой нежной совестью, что они не хотели поверить, что солнце стоит на месте неподвижно и ни за что не наступили бы на кусочек хлеба, но распоряжались имуществом вдов и сирот как своей собственностью...

F 100

В городках, где царит вежливость, невозможно в какой-нибудь степени познать жизнь. Все делается здесь настолько вежливо честно, вежливо грубо и столь вежливо лживо, что редко найдешь в себе достаточно злости, чтобы написать сатиру. Люди там всегда заслуживают сожаления, короче говоря, во всем отсутствует сила характера.

F 102

Долг каждого мудреца — видеть в сапожнике короля, воздавать должное всякому по заслугам и ценить величие души, талант и способности не только по шумным эффектам...

F 138

Общение с разумными людьми следует усиленно рекомендовать каждому, потому что и дурак таким способом, благодаря подражанию, может научиться поступать умно,— подражать ведь могут и величайшие дураки, и даже обезьяны, пудели, слоны и пр.

F 149

Мы часто создаем себе иллюзии о людях, которые сочли бы для себя позором снизойти до нас...

F 163

Одной единственной души для его тела было мало, он бы задал достаточно работы и двум.

F 188

Если ни на один день не уклоняться от своей цели,— то это тоже хорошее средство продлить время, и притом надежное, но пользоваться им нелегко.

F 199

Можно осуждать ошибки великого человека, но только самого человека осуждать из-за них не следует. Его надо воспринимать в целом.

F 267

Если из-за какого-нибудь небольшого проступка к человеку начинают относиться с презрением, то это происходит не столько из-за самого проступка, сколько из-за предположения о том, на что способен этот человек в других случаях. Поэтому так часто презирают того, кто позволяет себя безнаказанно оскорблять.

F 282

Есть люди, которые рождаются с влечением ко злу, с багровой полосой на шее, с веревкой.

F 325

То, что они называют сердцем, находится значительно ниже четвертой пуговицы жилета.

F 334

Скромник для меня более невыносим, чем хвастун. Немногие умеют быть слишком скромными — это искусство, а хвастовство — черта природная. И кроме того, хвастун признает за каждым его достоинство, излишне же скромный человек, по-видимому, презирает того, перед кем скромничает. Я знал некоторых людей, умевших говорить о своих ничтожных заслугах с таким благочестивым смирением, будто они опасались, что мы растаем, если они покажут себя во всем своем блеске. Но постепенно я привык смеяться над ними и с того времени охотно их вижу и слушаю.

F 347

Для шума выбирают маленьких людей — барабанщиков.

F 365

Именно на этом я и настаиваю: человек в собственном смысле слова — это не наш современник. Мы должны теперь разыскать его в истории.

F 382

Человек, который наводит порядок *на* своей голове, пользуется у студентов Геттингена бо́льшим доверием, чем тот, кто наводит его *в* голове.

F 390

Большинство ученых более суеверны, чем они утверждают или даже чем они сами полагают. Не так-то легко совершенно отделаться от плохих привычек, но можно скрывать их перед светом и предотвращать их дурные последствия.

F 437

Я убежден, что видя себя в других не только любишь себя, но и ненавидишь.

F 446

Человеку свойственно неопреодолимое стремление верить, что его не видят, когда он сам ничего не видит. Подобно детям, которые закрывают глаза, чтобы их не видели.

F 508

Если физиогномика станет тем, чего ожидает от нее Лафатер, то детей станут вешать прежде, чем они совершат преступления, заслуживающие виселицы. Каждый год будет проводиться «конфирмация» нового рода [19]. Физиогномическое аутодафе [20].

F 517

Среди жертв, которые ему приносили, самой приятной для него было честное имя врага.

F 560

Всякая беспартийность искусственна. Человек всегда партиен и глубоко прав в этом. Сама беспартийность партийна. Он был из партии беспартийных.

F 573

Существуют бесталанные мечтатели, и тогда они действительно опасные люди.

F 593

«Жалко, что пить воду не является грехом,— воскликнул один итальянец,— какая она была бы тогда вкусная!»

F 669

Надо обдумать эту мысль: как талант и ум требуются для самых низких и порочных дел, так для свершения даже величайших необходима определенная бесчувственность, называемая в иных случаях глупостью.

F 682

И что такое болезненность (не болезнь!), как не внутренняя дисгармония?

F 699

О том, чем должен быть человек, даже лучшие люди не знают почти ничего достоверного; о том же, каков он есть, кое-что можно узнать на примере каждого.

F 714

...Никто не знает всех своих хороших и плохих способностей. Случай создает не только воров, но также друзей человечества, героев и мудрецов, но не носы, насколько мне известно [21]. Это целая область для романистов и драматургов. Опаснейшими людьми являются трусливые, пресмыкающиеся и слабовольные люди, пригодные ко всему и ни к чему. Подобно определенной породе бесполезных собак они подают каждому поноску, прыгают через палку каждого, будто бы невероятно преданы и всегда убегают, когда они нужны. Такие люди делают все, что требует тот, кто размахивает перед ним кошельком или бичом, и их лица (я знавал много подобных, и, к сожалению, на своем опыте еще чувствую, что знал) либо кривила услужливая улыбка, либо эти лица расплывались в студень, и искать выражения на нем было бы так же бесполезно, как искать органическое вещество в стакане воды.

F 724

Дождь идет всегда во время ярмарки или когда мы хотим сушить белье. То, что мы ищем, находится непременно в самом дальнем кармане.

F 726

...Можно ослепить и подкупить людей, но не *человека;* для него исключительно и пишу я, если в конце концов мы предстанем перед судом наших потомков...

F 731

...Но,— кричат тысячи,— у него хорошие намерения, его сердце превосходно. Я не знаю, что на это ответить. По мнению всех разумных людей, при той же доброте сердца он обнаружил бы больше рассудка, если бы помолчал...

F 735

Можно видеть сны при бессонице, как можно и спать, не видя снов.

F 743

Отыскивать маленькие недостатки — издавна свойство умов, которые мало или вовсе не возвышались над посредственностью. Возвышенные

умы молчат или же возражают против целого, а великие умы творят сами, никого не осуждая.

F 820

Геродот извиняется, что он должен называть варварские имена [22]: разве это не ужасно?

F 832

Снятие шляпы — сокращение нашего тела, самоуменьшение его.

F 851

Сильная чувствительность, которой столь многие гордятся, есть часто лишь следствие упадка умственных сил. У меня не очень жестокое сердце, но сострадание, часто испытываемое мною в сновидениях, нельзя сравнить с состраданием наяву. Первое — для меня наслаждение, граничащее с болью.

F 915

Ум человека можно определить по тщательности, с которой он учитывает будущее или исход дела. Respice finem *.

F 964

«*Совершенно ничего*» — в человеческом смысле почти всегда лишь «*очень мало*». «Совершенно ничего» подобает лишь ангелам, «очень мало» — людям.

F 974

В мире было лишь два человека, которых он нежно любил: первый — самый большой его льстец, а второй — он сам.

F 982

Поучение находишь в жизни чаще, чем утешение.

F 990

...Иногда злобой называют то, что делается с некрасивым выражением лица.

F 1011

Когда заранее знают, что человек слеп, то полагают, будто можно это заметить и со спины.

F 1034

Они чувствуют умом, а думают сердцем.

F 1038

---

* Обращай внимание на исход [дела] (*лат.*).

Выводить общие правила относительно внешнего облика гениев по бюстам великих греков [23] и римлян не следует до тех пор, пока мы не сможем противопоставить им бюсты греческих дураков.

F 1058

Если приговоренному к смерти дарят час, то этот час стоит для него жизни.

F 1154

Безусловно, в мире мало таких важных обязанностей, как продолжение человеческого рода и самосохранение; ибо ни к чему иному нас не побуждают столь сильно действующими средствами, как к этим двум.

F 1172

Когда ты читаешь биографию крупного преступника, то прежде чем его осудить, возблагодари всякий раз милостивое небо за то, что оно не поставило тебя, с твоим честным лицом, перед цепью подобных обстоятельств.

F 1196

Я испытываю неприятное чувство, когда меня жалеют в обычном смысле этого слова. Поэтому-то люди, если они достаточно злы на кого-нибудь, и пользуются выражением: «он достоин жалости». Подобное сожаление — род милостыни, а милостыня предполагает скудость с одной стороны, и изобилие, с другой, как бы незначительно оно ни было... Существует, однако, более бескорыстное сострадание, которое принимает искреннее участие в человеке, быстро переходит к делу и помощи и редко сопровождается «сентиментальничаньем» (да простят мне это слово). Первое можно назвать состраданием из милости, второе состраданием, ведущим к обороне и наступлению. Ощущение совместного стыда — чувство весьма искреннее. Его испытываешь, когда человек, высоко ценимый, недостаточно зная тех, перед кем он хочет порисоваться, становится смешным. Существует и совершенно бескорыстное радостное сочувствие...

F 1204

Часто удивляются, как такой человек, как Магомет, смог обмануть своих последователей и завоевать авторитет, который ничуть не соответствовал его способностям, каковы бы они ни были, великие или малые. Удивляются, а между тем среди нас ежедневно можно видеть то же самое, хотя и в меньшей степени. В республике ученых есть люди, которые без малейшей действительной заслуги пользуются очень большим авторитетом, немногие сомневаются в их ценности, а тех, кто это знает, сочли бы за клеветников, выскажи они свое мнение публично. Причина заключается в том, что подлинно великий человек обладает

качествами, которые способен оценить только великий человек, а человек не великий обладает теми, которые приходятся по душе толпе, а она уже потом настраивает определенным образом и разумных людей.

RA 10

Научиться достаточно наглядно представлять себе, что никто не является вполне счастливым, есть, возможно, ближайший путь к полному счастью. Разумеется, никто не является вполне счастливым, но в наших страданиях существует очень много разных ступеней, и в этом вся беда.

RA 32

Я думаю, что самый надежный путь для прогресса человечества, это — с помощью философии и цивилизованного разума утонченных людей усовершенствовать слепые, естественные порывы варвара [24] (который стоит между дикарем и культурным человеком). Если в мире не будет ни дикарей, ни варваров — мы пропали.

Schr. I, 75 (G, H)

Творить добро, как и грешить, можно одними теми же способами, а именно: помышлением, словом и делом.

Schr. I, 104 (G, H)

Бывает состояние (по крайней мере, у меня не очень редкое), когда присутствие и отсутствие любимого человека одинаково трудно вынести; во всяком случае, в его присутствии не испытываешь того удовольствия, которого можно было бы ожидать, страдая от его отсутствия.

Schr. I, 119 (G, H)

Неспособность учиться в пожилом возрасте объясняется (и притом несомненно) нежеланием более повиноваться.

Schr. I, 120 (G, H)

Из безумия людей, заключенных в Бедлам, можно бы, пожалуй, сделать более глубокие выводы о том, что такое человек.

Schr. I, 120 (G, H)

Любовь к себе имеет хотя бы то преимущество, что у нее немного соперников.

Schr. I, 129 (G, H)

Если люди будут платить долги так же охотно, как и брать деньги,— это верный признак того, что они стали лучше.

Schr. I, 143 (G, H)

Я разделяю положение Гельвеция: для тебя возможно *все*, чего ты хочешь, но вовсе не все, чего ты действительно хочешь. Тот вид хотения, который имеет в виду Гельвеций, это непреодолимое желание, которое почти никогда не встречается в человеке, если нет налицо и необходимой одаренности.

Schr. I, 143 (G, H)

Если я когда-нибудь напечатаю проповедь, то это будет проповедь о том, что способностью творить добро обладают все. Черт побери наше земное бытие, если один лишь король способен делать добро! Каждый в своем положении — король!

Schr. I, 144 (G, H)

Откуда проистекает ужасное отвращение в человеке показываться таким, каков он есть, и в спальне и в своих тайных мыслях? В физическом мире все открывается друг другу, показывает себя таким, как есть, и при этом весьма откровенно. По нашим понятиям, вещи в отношениях друг к другу являются всем, чем они есть на самом деле, а человек — нет. Он, по-видимому, является тем, чем он быть не должен. Искусство скрывать себя, или отвращение показываться нагим духовно или морально, простирается удивительно далеко.

Schr. I, 144—145 (G, H)

Я знаю мину показного внимания: это самая глубокая степень рассеянности.

Schr. I, 166 (G, H)

Там, где умеренность — ошибка, там равнодушие — преступление.

Schr. I, 166 (G, H)

Ни о чем не судят так поверхностно, как о характере человека, а ведь нигде так не требуется осмотрительность, как именно в этом. Ни в одном деле не оценивают *целого* менее, чем здесь, а ведь именно в этом и заключается суть характера. Я всегда замечал, что так называемые плохие люди выигрывают, когда их лучше узнаешь, а хорошие теряют.

Schr. I, 167 (G, H)

Трудно поверить, что извращение здравого смысла зашло так далеко, что люди стали говорить друг другу комплименты во время похоронной процессии.

Schr. I, 168 (G, H)

Некоторые люди обладают способностью казаться глупыми, прежде чем они обнаружат ум. У девушек этот дар встречается особенно часто.

Schr. I, 169 (G, H)

Человек любит общество, будь это даже общество одиноко горящей свечки.

Schr. I, 169 (G, H)

Как счастливо жил бы каждый, если бы он заботился о делах других людей столь же мало, как и о своих собственных!

Schr. I, 169 (G, H)

Если люди говорят, что они не хотят подарков, это обыкновенно признак того, что им хочется, чтобы им что-нибудь подарили.

Schr. I, 169 (G, H)

Девушка, открывающая душу и тело своему другу, открывает таинства всего женского пола; каждая девушка — хранительница женских мистерий. Есть случаи, когда крестьянские девушки выглядят, как королевы, душой и телом.

Schr. I, 171 (G, H)

Действительно, все люди откладывают свои дела и раскаиваются в этом. Но я полагаю, что самый деятельный человек имеет столько же оснований раскаиваться, сколько и самый ленивый; ибо тот, кто больше делает, видит больше и ясней, что можно было бы сделать.

Schr. I, 171 (G, H)

Есть люди, способные верить всему, что им по душе. Счастливые создания!

Schr. I, 171 (G, H)

Ошибаться — потому свойство человека, что животные мало, или совсем, не ошибаются, по крайней мере, самые умные из них.

Schr. I, 191 (G, H)

Самые здоровые и красивые, пропорционально сложенные люди — это те, которых ничто не раздражает. Коль скоро кто-нибудь обладает каким-то недостатком, он имеет и свое собственное мнение.

Schr. I, 191 (G, H)

Ходячее выражение о том, что жизнь ученого заключается в его произведениях, следует сильно ограничить.

Schr. I, 280 (G, H)

Честный человек и мошенник просто путают понятия «мое» и «твое». Один считает первое за второе, а другой — второе за первое.

Schr. II, 71 (G, H)

Если бы кто-нибудь завещал 100 тысяч луидоров величайшему плуту Германии, сколько бы нашлось претендентов на наследство!

Schr. II, 71—72 (G, H)

Красивых женщин причисляют сегодня к талантам их мужей.

Schr. II, 74 (G, H)

Он не имел никакого характера, но когда ему хотелось его иметь, ему приходилось сперва его присвоить.

Schr. II, 84 (G, H)

Парень, который украл однажды 100 000 талеров, уже может в дальнейшем честно прожить жизнь.

Schr. II, 88 (G, H)

Боязливо размышлять и обдумывать, что можно было бы сделать в свое время — худшее, что можно сделать теперь.

Schr. II, 131 (G, H)

Когда человек сделает что-либо неудачно вопреки ожиданию, то другие обычно замечают: «Подумаешь! Этак и я могу!» Редкое проявление скромности!

Schr. II, 169 (G, H)

Чтобы подчеркнуть достоинство своих подписчиков, «Британский Меркурий»[25] (1789 г., № 8, стр. 232) в благодарственном адресе Питту[26] указывает, что их состояние определяется в совокупности в 40 миллионов фунтов стерлингов. Своеобразный способ оценивать достоинство людей, по крайней мере, их единодушие!

J 37

Школьный учитель и профессор выращивают исключительно виды, а не индивиды. Мысль, заслуживающая весьма большого внимания и обсуждения.

J 61

Высшее, до чего может подняться, благодаря опытности, не очень умный человек — это находить слабости у лучших людей.

J 96

Больных телом столько же в действительности (если не больше), сколько и в собственном воображении; здоровых разумом столько же в собственном воображении (если не гораздо больше), сколько в действительнсти.

J 178

Просвещение всех сословий состоит [27], собственно, в *правильных понятиях о наших существенных потребностях.*

J 231

Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.

J 289

Vestra salus — nostra salus *.

J 394

Лучший способ хвалить живых и умерших — это, используя по возможности все знания о людях, извинять их слабости. Но только не приписывать им добродетелей, которыми они не обладали, это все портит и даже истинное делает подозрительным. Извинение недостатков говорит в пользу хвалящего.

J 468

Слава знаменитейших людей всегда отчасти объясняется близорукостью тех, кто ими восхищается, и я убежден, что им отравляет всю их славу сознание, что их видят насквозь люди, обладающие меньшей славой, но зато бо́льшим умом. Собственно спокойное наслаждение жизнью может дать только истина. Ньютон, Франклин — вот это были люди, достойные зависти.

J 503

...Как мало друзей остались бы друзьями, если бы они могли полностью узнать мысли друг друга.

J 580

Его извинения в своих ошибках звучат порой неплохо, но обычно это столь же мало помогает его промахам, как при игре в кегли помощь головой, плечами, руками и ногами, когда шар уже брошен. Это — скорей желание, чем полезное действие.

J 607

Каждый всегда готов поумнеть благодаря понесенному ущербу [28], если только этот первый поучительный ущерб будет возмещен.

J 656

Он не был рабом своего слова, как принято выражаться, напротив — его обещания терпели такой деспотизм, что он распоряжался ими, как ему вздумается.

J 698

* Ваше благо — наше благо (*лат.*).

Сочувствие — неважная милостыня.

J 769

Можно представить себе уши, для которых все народы говорят на *одном* и том же языке.

J 793

Люди, которые изобрели прощение грехов посредством латинских формул, виновны в величайшем нравственном упадке мира.

J 820

Так как каждый человек может сойти с ума, то я не вижу оснований, почему это не может случиться и с целой мировой системой.

J 854

Золотое правило: о людях следует судить не по их воззрениям, а по тому, что́ делают из них эти воззрения...

J 943

Этот человек обладал большим дарованием, и он даже приумножал его, но у него совершенно отсутствовало то, что можно бы назвать затычкой. Поэтому обыкновенно, прежде чем он мог изложить что-нибудь стоящее, все испарялось у него в легковесной болтовне.

J 950

...Обычно люди, живущие по часам, живут долго, потому, что способность к долголетию делает из них людей, живущих по часам...

J 990

Для оправдания человека достаточно, если он жил так, что своими добродетелями заслуживает прощения своих недостатков.

J 1014

Есть люди, которые не начнут слышать, прежде чем им не отрежут уши.

J 1083

Пожалуй, скоро станут классифицировать людей по признаку их умственных способностей так же, как минералы по их твердости, или же по их свойству резать и царапать.

J 1137

Нет, пожалуй, ни одного человека в мире, который, если бы ему представился случай стать мошенником за тысячу талеров, не предпочел бы остаться честным человеком за половину этой суммы.

J 1209

Слово «трудность» совершенно не должно существовать для творческого ума. Долой его!

J 1273

С прерогативами *красоты* и *счастья* дело обстоит различно. Чтобы наслаждаться в жизни преимуществами красоты, нужно, чтобы другие люди думали, что ты красив; для счастья этого не требуется. Вполне достаточно, если ты сам себя считаешь счастливым.

Schr. I, 91 (K)

В разуме — человек, а в страстях — бог...

Schr. I, 108 (K)

Можно вполне убедить людей, что именно данному лицу присущ данный характер, показав, что противоположное утверждение вызвало бы всеобщий смех.

Schr. I, 130 (K)

Чего нет в сердце, то на языке [29]. Я часто находил это более верным, чем противоположное мнение.

Schr. I, 131 (K)

Гордость — благородная страсть — не слепа по отношению к собственным недостаткам. Этим отличается надменность.

Schr. I, 148 (K)

Многие скорее считают добродетелью раскаяние в ошибках, чем старание их избежать.

Schr. I, 149 (K)

Прежде чем осудить, всегда надо подумать, нельзя ли найти извинение.

Schr. I, 152 (K)

Кто утверждает, что он ненавидит всякую лесть, и говорит это серьезно, тот безусловно еще незнаком со всеми ее видами, отчасти с ее содержанием, отчасти же с формой. Люди разумные, конечно, ненавидят обычную лесть потому, что чувствуют себя униженными убеждением глупца в их легковерии. Они, следовательно, ненавидят обычную лесть только потому, что эта лесть для них ничуть не лестная. Исходя из своего опыта, я решительно не вижу никакой большой разницы в людях в этом отношении. Все это, так сказать, лишь переводы с одной валюты на другую. Каждый имеет свою монету, в которой желает быть оплаченным.

Schr. I, 175 (K)

Поистине, люди слишком мало пользуются своей жизнью, и ничуть не удивительно, что еще многое в мире выглядит таким нелепым. Чем занимаются они в старости? Защитой мнений, и не потому, что люди убеждены в их истине, а потому, что когда-то публично заявили, что считают их истинными. Боже мой, если бы старики лучше использовали свое время, чтобы предостеречь молодежь от ошибок! Разумеется, люди стареют, но род человеческий еще молод. Верное доказательство, что мир еще молод, хотя бы в том, что мы этого еще не делаем. Если бы старики больше указывали, чего следует избегать и что им самим следовало делать в свое время, чтобы стать еще более великими людьми, чем они уже стали!

Schr. I, 175—176 (K)

Есть люди, которые не могут прийти ни к какому решению, не откладывая дела до утра. Это очень хорошо, но они рискуют, что их однажды унесут из дома вместе с кроватью.

Schr. I, 177—178 (K)

Краснеют ли от стыда в темноте? Что от испуга бледнеют в темноте, в это я верю, но в первое — нет. Потому что бледнеют только из-за себя, а краснеют и за себя и за других. Вопрос, краснеют ли женщины в темноте — вопрос трудный, по крайней мере такой, который нельзя решить при свете.

Schr. I, 178 (K)

Всю жизнь я замечал, что при отсутствии других средств характер человека никогда нельзя понять вернее, чем по той шутке, на которую он обижается.

Schr. I, 178—179 (K)

Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают.

Schr. I, 197 (K)

Знаменитый остроумец Шамфор [30] обыкновенно говорил, у меня есть три сорта друзей: друзья, которые меня любят, друзья, которые обо мне нисколько не заботятся, и друзья, которые меня терпеть не могут. Очень верно!

Schr. I, 199 (K)

Если бы только можно было воспитывать детей так, чтобы все неясное было им совершенно непонятным!

Schr. I, 221 (K)

Нет большей помехи для развития науки, чем преждевременное стремление использовать ее достижения; это в высшей степени свойственно бодрым натурам, поэтому они и редко достигают многого; они остывают и приходят в уныние, едва заметят, что не движутся вперед. Они

бы продвинулись дальше, если бы прилагали меньше сил, но в течение более длительного времени.

Schr. I, 286 (K)

...Это безусловно справедливое замечание, что истинные знатоки науки никогда не бывают гордыми; напротив, надутыми от гордости становятся лишь те, кто, не имея способностей развивать науку сами, занимаются популяризацией ее темной истории или же горазды рассказывать все, что сделали другие. Ибо этот, большей частью, механический труд они считают за научную деятельность как таковую.

Schr. I, 296—297 (K)

В настоящее время так много гениев [31], что можно действительно порадоваться, если небо подарило тебе ребенка, не гениального.

Schr. II, 95 (K)

Не следует ложиться спать, прежде чем не скажешь себе, что за день ты чему-то научился. Я понимаю под этим не какое-нибудь слово, которого раньше не знал. Это пустяки. Если кто-нибудь желает этим заниматься, я не возражаю, но разве только перед тем, как погасить свечу. Нет, то, что понимаю я под словом «научился», это стремление раздвинуть границы нашего научного и какого-либо иного полезного знания; исправление ошибки, которую мы долгое время совершали, уверенность в некоторых вещах, в которых мы долго не были уверены; ясные понятия о том, что было неясно; познание истин, ведущих очень далеко и т. д. Это стремление полезно потому, что с такой задачей нельзя разделаться мимоходом, перед сном. Напротив, занятия целого дня должны быть подчинены этой цели. При подобных решениях важна и воля, я имею в виду постоянные усилия выполнять намеченный план.

Schr. II, 132—133 (K)

Для некоторых людей человек с головой — более противное создание, чем самый отъявленный негодяй.

Schr. II, 177 (K)

Рабский поступок — не всегда поступок раба.

L 60

У Бенвенуто Челлини [32] есть прекрасное замечание: «Ущерб не делает нас умней, потому, что новый возникает всегда в другой форме». Это я хорошо знаю из собственного опыта.

L 102

Старикам дают в помощники молодых. Мне кажется, во многих случаях было бы лучше, если бы молодым давали в помощники стариков.

L 116

Он не хотел соблазнять, но стал соблазнителем. Очень печально, что стремление людей уменьшить зло порождает так много нового зла. По-видимому, люди обычно лучше знают саму силу, чем тот материал, к которому ее применяют.

L 234

С отдельным человеком происходит то же самое, что и с толпой, перед которой произносят речь. Ее слышат лишь близстоящие, но и стоящие далеко присоединяются к крикам, когда начинаются аплодисменты. Стоит только той или иной нашей мысли получить одобрение со стороны какой-либо страсти, как начинают кричать и все остальные, и даже сам разум присоединяется к толпе.

L 265

То, что делает такой восхитительной истинную дружбу и еще более счастливыми узы брака,— это расширение своего «я» и при том в такой области, которую никакое искусство не может открыть отдельному человеку. Две души, которые соединяются, все же никогда не соединяются настолько, чтобы в обеих не сохранилось именно то привлекательное различие, которое делает взаимное общение таким приятным. Кто жалуется на страдания самому себе, жалуется безусловно напрасно, кто жалуется жене, жалуется некоему «я», которое может понять и помогает уже своим сочувствием. Тот, кому нравится слышать похвалы своим заслугам, точно так же находит в жене публику, перед которой он может похвастаться, без риска оказаться смешным.

L 308

Даже самые нежные, скромные и хорошие девушки всегда нежней, скромней и лучше, когда они, взглянув в зеркало, нашли, что похорошели.

L 324

Это была та ручка, за которую следовало браться, если его хотели вылить, как чайник. Иначе можно было обжечь пальцы.

L 344

Ныне разум поднимается над царством темных, но теплых чувств, как вершины Альп над облаками. Они видят солнце более чистым и ясным, но они холодны и бесплодны. Разум кичится своей высотой.

L 404

Девиз: стремиться найти истину — заслуга, если даже на этом пути и блуждаешь.

L 419

Линии гуманности и светского поведения не совпадают.

L 458

Брак без приправы *маленьких* взаимных разногласий был бы почти тем же, что и стихотворение без «л» [33].

L 470

В настоящее время существует так много различных предписаний, чем именно следует быть, что лучше оставаться тем, что ты есть, и было бы вовсе не удивительно, если бы и многие люди пришли к мысли тоже оставаться тем, что они есть.

L 574

Есть люди, у которых так мало мужества что-нибудь категорически утверждать, что они не осмелятся сказать, что дует холодный ветер (хотя они его и чувствуют), прежде чем не услышат, что это уже сказали другие.

L 579

У большинства людей неверие в одной области основано на слепой вере в другой.

L 670

Не является ли кое-что из того, чему учит Кант [34], особенно в отношении нравственного закона, следствием старости, когда страсти и симпатии теряют свою силу и остается один разум? Если бы люди умирали в полном расцвете сил, например на сороковом году, какие последствия это имело бы для мира! Много странного возникает из соединения старости со спокойной мудростью. Но возникнет ли когда-нибудь такое государство, где на сорок пятом году будут убивать всех людей?

L 733

То, что обычно называют глубоким знанием людей, большей частью не что иное, как самоанализ, обратное отражение собственных слабостей.

Schr. I, 103

Давать обет — бóльший грех, чем нарушать его.

Schr. I, 149

...В эпоху детства мира, переживаемую нами, следует не пребывать в покое, а постоянно действовать...

Schr. I, 183

...Впечатление от десяти изречений, действующих на ум, легче изгладить, чем впечатление от одного, подействовавшего на сердце...

Schr. I, 184

Никогда не следует судить о человеке по тому, что он написал, а по тому, что он говорит в кругу лиц, которые равны ему духовно.

Schr. I, 186

Даже самому мудрому человеку приятней те люди, которые приносят деньги, чем те, которые их уносят.

Schr. I, 190

«Хороший тон» находится октавой ниже.

Schr. II, 116

Люди в своих задатках все одинаковы, и только разные обстоятельства делают человека честным или разбойником. Мне кажется, что в природе все объясняется соотношением причинных обстоятельств, а не существенными различиями самих вещей. Это опять-таки подтверждение моей мысли о том, что все находится во всем.

Schr. in 9 Bd., IX, 144

Эстетика. Литература

Истина, образование и улучшение человечества должны быть главными целями писателя. Если он их достигает, то средства, используемые при этом, для нас довольно безразличны...

F 590

Найти соответствие ритма стиха мыслям — чрезвычайно трудное искусство, и пренебрежение им в немалой степени является источником комического. Они относятся друг к другу как образ жизни человека к его должности.

A 23

Мы только там находим удовольствие, где замечаем планомерность, по крайней мере, так бывает с объектами зрения, слуха. Крыло бабочки нравилось нам сначала благодаря правильному сочетанию красок, теперь мы к этому уже привыкли, и оно нравится нам по-новому, когда мы замечаем, что оно состоит из чешуек. Так, кварц нравится нам больше, чем бесформенный песчаник. Чтобы получить удовольствие, мы именно это должны искать во всем.

A 44

Выражать чувства словами то же, что пытаться передать музыку словами: выражение здесь недостаточно соответствует явлениям...

A 62

Критики учат нас следовать природе, и писатели читают эти советы; однако им обычно кажется надежней следовать писателям, которые следовали природе. Многие читают правила Хоума [1], а когда садятся писать, то думают о какой-нибудь сцене из Шекспира...

A 70

Писать скверно означает вот что: когда произведение настолько коряво, что оно не ведет читателя вперед, раскрывая ему природу чело-

века вообще; не ведет его и назад, к человеку-художнику. Оно, так сказать, витает где-то между ними; оно слишком скверное, чтобы считаться произведением человека, слишком примитивное для сверхъестественных существ и написано слишком по-немецки, чтобы считаться произведением какого-нибудь орангутанга.

B 11

В романах встречаются смертельные болезни, которые в обычной жизни отнюдь не смертельны, и, напротив, есть болезни смертельные, которые в романах таковыми не являются.

B 29

Мне сдается, что подражание всегда очень щекотливая вещь. Либо мой образ мышления, так же как и оригинал, показывает на север и тогда — прекрасно! — мы вдвоем несколько быстрей достигнем той цели, которой, вероятно, можно было бы достичь несколько позже и мне самому; либо я стремлюсь на восток, а мой оригинал на север, и из этого взаимодействия возникает какая-то лишенная цельности северо-восточная мешанина; или же я показываю на юг, а оригинал — на север, — и вот тут-то — о боже мой! мы, пожалуй, вовсе застопоримся, и уже не сдвинемся с места.

B 122

Мы иногда удивляемся индейцам, которые посылают письма из узлов. Но и наши буквы не что иное как узлы из линий, образующие, как это видно по их нажимам и штрихам, целые ленты.

B 168

Остротами и причудами, как и всеми вещами, способными ржаветь, следует пользоваться с осторожностью.

B 228

Не каждому дано писать так, чтобы это могло понравиться человеку вообще во все времена и во все эпохи. При том положении в мире, которое имеется в настоящее время [2], требуется много сил, чтобы развивать только самое существенное, и очень много устойчивости, чтобы не пошатнуться, когда все шатается.

Для того, чтобы писать так и притом писать естественно, нужно несомненно много искусства, потому что мы теперь большей частью заражены искусственностью. Прежде всего мы должны изучить, так сказать, облик естественного человека, если хотим писать естественно. Желающий писать для всех эпох должен изучить философию, вести самонаблюдение — и весьма тщательно, — заниматься естествоведением сердца и души самих по себе и во всех их связях. Вот

та твердая почва, на которой люди безусловно снова объединятся, когда бы это ни произошло...

B 266

Писателю, который обладает только остроумием и ничем больше, присущ тот же порок, что и совершенно плохому писателю: он не освещает предмет своей книги, последний нужен ему, чтобы только показать себя. Знакомишься с писателем и больше ни с чем. Как бы трудно ни было порой опустить остроумный период, это все же следует делать, если он не вытекает необходимым образом из сути дела. Подобная «крестная мука» приучает остроумие к узде, которую должен на него надевать разум, если они оба хотят выйти из дела с честью.

B 305

Им часто кажется, что для того, чтобы быть художником, нужно немножко пораспутничать и как бы откармливать свой гений дурными нравами [3].

B 356

Какой нам толк от чтения древних, если человек утратил состояние невинности и, куда ни взглянет, видит всюду свою собственную догму? Поэтому посредственный ум считает, что писать, как Гораций,— легко, ибо он считает, что легко писать лучше, чем он, но это «лучше», к несчастью, оказывается «хуже». С годами (если только с возрастом умнеешь) утрачиваешь надежду писать лучше чем древние. В конце концов видишь, что мерилом всего прекрасного и верного является природа и что все мы имеем это мерило внутри себя. Однако оно настолько заржавело от предрассудков, от слов, которым не соответствуют понятия [4], от ложных понятий, что им уже ничего нельзя измерять.

B 360

Плохие писатели по преимуществу те, которые стремятся высказать свои примитивные мысли словами *хороших* писателей... Если бы они могли найти для того, что думают, подходящие слова, то они все же внесли бы кое-что в общее целое, и представили бы для наблюдателя некоторый интерес.

B 398

Частное вместо общего, proprie communia dicere *: «кража гусей» вместо просто — «кража». Это элемент выразительности.

KA 9

* Общеизвестное выражать по-своему *(лат.)*.— Гораций. Послание к Писонам, стих 128.

Доступен народу, как Геллерт[5], Шекспир и Хогарт.

КА 11

Лучший вид иронии — тот, когда защищают дело, которое невозможно защитить, пускают в ход доводы, полные сатирической горечи, часто приводят цитаты и объясняют их.

КА 12

На сотню остроумцев приходится один рассудительный человек — справедливое положение, которым утешает себя всякий лишенный остроумия глупец; он должен был бы также учесть (если это не значит требовать слишком много от глупца), что на одного остроумца приходится в свою очередь сотня людей, равно лишенных и остроумия, и рассудка.

С 98

...Книгой следовало бы собственно называть лишь ту, которая содержит нечто новое, все прочие — лишь средством быстро узнать, что уже сделано в той или иной области. Открывать новые страны и составлять точные карты уже открытых — вот в чем разница.

С 229

Введение — для того, кто читает, предисловие — для того, кто перелистывает.

С 253

Он был «корольком»[6] среди писателей.

С 297

Главное правило для писателей, особенно для тех, кто желает описывать свои чувства: ни в коем случае не думать, что это природное дарование, свойственное только им. Другие могли бы, пожалуй, сделать то же самое ничуть не хуже, но они не наживают себе таким путем деньги, потому что им кажется нелепым подобные вещи публиковать[7].

С 322

...Мне всегда нравится больше тот человек, который пишет так, что это может стать модою, чем тот, который пишет так, как этого требует мода.

С 338

Добиться хорошего во всех науках и искусствах потому так трудно, что необходимо достичь какого-то определенного, точно установленного предела; столь же трудно сделать и что-либо хуже твердо установленных правил, потому что это, пожалуй, нельзя было бы даже назвать плохим.

С 351

В этом выражении мысль все еще слишком расплывчата: я указал набалдашником толстой палки на то, на что следовало бы указать острием иголки.

D 94

Предисловия к книгам можно бы озаглавить — «мухобойки», а посвящения — «кошели для сбора подаяний».

D 103

Если ты хочешь стать великим в определенном роде сочинений, читай больше, чем только эти сочинения. Даже если ты не стремишься раскинуть свои ветви над широким полем, то для твоей плодоносности всегда полезно широко простирать корни...

D 108

Превращать дураков в гениев или буковые деревья в дубы, пожалуй, столь же трудно, как свинец — в золото.

D 144

В защиту остроумия. В более спокойные времена, чем наши, философы вопрошали небо, зачем оно создало зло, ведь это нечто в высшей степени неприятное. Наше современное серьезное десятилетие, надо надеяться, скоро будет вопрошать небо, почему оно создало бабочек, радугу, которая существует очевидно только на радость девчонкам и уличным мальчишкам или чтобы какой-нибудь бездельник-физик впадал по этому поводу в размышление.

D 180

Боже, не дай мне только написать книгу о книгах!

D 202

С остроумием дело обстоит как с музыкой: чем больше ее слышишь, тем более тонких созвучий желаешь.

D 220

Во-первых, я не верю, что буду известен потомкам, а затем — ведь мы же их отцы, и они, разумеется, не откажут нам в сыновнем почтении. Я не понимаю, почему следует стыдиться будущих поколений больше, чем современников.

D 230

То, что нужно было сделать в литературе по-шекспировски [8], в значительной части сделал уже Шекспир.

D 240

Если человек пишет, то пишет ли он хорошо или плохо — видно сразу. Но если человек ничего не пишет и сидит смирно, то делает ли он

это благодаря уму или по невежеству — вот этого не в состоянии распознать ни один смертный.

D 283

...Нападать на современных писателей, господа, во-первых, безжалостно, а во-вторых, это не приносит пользы; от двух-трех людей, которые раньше нас войдут в вечность, места там не подорожают. Но вот древних надо вышвырнуть вон, очистить места, освободить проходы в храме славы, содержать в чистоте врата поэтов...

D 284

Ни в одном произведении, и в особенности ни в одной статье не должно быть видно и следа тех усилий, которых они стоили писателю. Кто желает, чтобы его читали потомки, должен научиться бросать намеки, пригодные для создания целых книг, включать мысли, способные вызвать целые дискуссии, в какую нибудь незначительную часть главы. Это следует делать так, чтобы казалось, будто их тысячи.

D 311

Можно без особенно большого остроумия писать так, что другому потребуется много остроумия, чтобы понять.

D 329

Недостаток идей делает нашу нынешнюю поэзию презренной. Будьте изобретательны, если хотите, чтоб вас читали. Кто же, черт возьми, не прочтет охотно нечто новое?!

D 360

Немец никогда так сильно не подражает, как именно тогда, когда хочет быть совершенно оригинальным [9] ... Оригинальным писателям других наций и не приходит в голову быть оригинальными...

D 364

Когда книга сталкивается с головой — и при этом раздается глухой пустой звук, разве всегда виновата книга?

D 396

Если бы мы больше думали самостоятельно, то мы имели бы гораздо больше плохих и гораздо больше хороших книг.

D 422

Теперь встречаются особого рода люди, в большинстве случаев молодые поэты, которые слово «немецкий» произносят почти всегда задрав нос. Верное доказательство, что даже патриотизм у этих людей является также подражанием. Кому это нужно, всегда хвастаться тем, что ты «немец»? «Я немецкая девушка» [10], разве это нечто более значитель-

ное, чем английская, русская или таитянская? Или вы хотите этим сказать, что и немцы тоже обладают разумом и талантом? О, но ведь это может отрицать лишь невежда или глупец... Я прошу вас, мои соотечественники, бросьте эту бесполезную похвальбу...

D 440

Некоторые люди высмеивают изучение искусств, говоря, что о картинках пишутся книги. А наши разговоры и наши произведения, разве это не описания картинок на сетчатке нашего глаза или мнимых картинок в нашей голове?

D 444

Острый ум — увеличительное стекло, остроумие — уменьшительное. Уж не думаете ли вы, что открытия делаются только с помощью увеличительного стекла? Я думаю, что в мире интеллектуальном уменьшительным стеклом или по крайней мере, инструментом, подобным ему, было, пожалуй, сделано больше открытий...

D 465

Книги пишутся по книгам, и наши поэты в большинстве случаев стали поэтами только благодаря чтению поэтов. Ученые должны бы стараться вносить в книги свои ощущения и наблюдения.

D 537

Многих из наших оригинальных гениев [11] нам придется считать за полоумных до тех пор, пока мы не станем такими же умными, как они.

D 599

...Вы хотите, чтобы мы писали, как греки, а вы будете нас оплачивать, как во времена древних германцев? Нет, начните-ка вы сначала, поставьте нам памятники, а мы уже не преминем выступить в свое время с нашими «Илиадами»...

Вам следовало бы когда-нибудь поглядеть на английских ученых [12], как они это делают и как у них это получается. Они сидят за столом, этакие упитанные и кругленькие, едят и пьют, расстегивая одну пуговицу жилета за другой, и насладившись вдоволь всем, располагаются в Вестминстерском аббатстве [13] на мраморных постаментах среди королей, а публика, над которой они еще при жизни большей частью потешались, пусть несет за это расходы...

D 605

...Почему пишут сатиры только на ученых, а не на других людей? Ответ: по той же причине, почему врачи, когда желают продемонстрировать работу сердца и внутренностей, вскрывают не студентов, а собак. Мне

хотелось бы, чтобы тот, кто задает такие вопросы, сделал бы первую попытку. Попробуйте написать сатиру на главного камердинера или ублюдка фаворита, на любовницу или главного лесничего; но о сатире я не хочу даже говорить, скажите хотя бы правду!

D 627

Средства, которыми я постоянно пользовался, были кроме позолоченной пилюли также меч и весы [14].

D 644

Аристотель заметил, что из всех видов авторов поэты любят свои произведения больше всего.

E 15

Купцы имеют свои waste book * (в Германии — черновик, книгу для записей). Сюда записывают они ежедневно все подряд, что продают и покупают. Отсюда это переносится в журнал и располагается уже более систематически, и, наконец, переходит в ledger of double entrance ** по итальянскому образцу. В ней заводят счета на каждого человека в отдельности, сперва в качестве дебитора, а затем и кредитора. Это заслуживает подражания со стороны ученых. Сначала книга, куда я все записываю так, как я это вижу или как это приходит мне в голову, затем это можно вновь перенести в другую, где материал уже отбирается и упорядочивается, а в ledger выясняется уже связь вещей и вытекающая из нее трактовка каждой в соответствующих выражениях.

E 46

...Что мелко в серьезной форме, то может быть глубоко в остроумной.

E 54

У кого две пары штанов — продай одну и купи эту книгу!

E 78

...Если кто-нибудь плохо пишет, ладно — пусть пишет: превратиться в осла еще далеко не самоубийство.

E 127

Книга оказала влияние, обычное для хороших книг: глупые стали глупей, умные — умней, а тысячи прочих ни в чем не изменились.

E 128

Из материала, годного разве что для статейки в газете, не создавайте книги, а из двух слов — периода. То, что говорит дурак в целой книге, было бы еще терпимо, если бы он сумел это выразить в трех словах.

E 129

* Черновик (*англ.*).

** Книга двойной бухгалтерии (*англ.*)

Из любви к родине они пишут вздор, который вызывает насмешки над нашей любимой родиной.

E 139

Я собственно отправился в Англию для того, чтобы научиться писать по-немецки.

E 143

Мужество, болтливость и толпа на нашей стороне. Что же нам еще нужно?

E 147

Внезапные мысли, приходящие в голову, можно излагать в черновике со всей обстоятельностью, в которую впадаешь, покуда вещь для тебя еще нова. Затем, ознакомившись с ней ближе, замечаешь ненужное и формулируешь короче...

E 149

...Покуда я живу, по меньшей мере, величественный немецкий период с длинными завитками [15] нисколько не станет ронять своего достоинства. В нем выражен национальный характер, ведь все это имеет глубокую внутреннюю связь. Наши постоянно повторяющиеся «бывший», «упомянутый», «равным образом», излюбленное — «Ваша светлость, высокоблагородие, господин фон...» и десятки тысяч подобных слов, в которых, поистине, ловишь с поличным национальный дух, доказывают, что длинный, скрипучий период создан именно для нас...

E 160

Долг всех порядочных, не отстающих от современности людей, которыми, надеюсь, все мы являемся, ничего не осуждать в древних скульпторах. Я иногда склонен думать, что Винкельмана [16] вдохновлял либо какой-то добрый дух, либо некий дракон сообщил ему свои замечания, либо их продиктовал ему шутливый горный гном. Конечно, верно, что когда обладаешь чуткими нервами, наслаждаешься здоровьем и спокойной совестью, то легко воспламеняешься, и какая-нибудь собственная мысль, неожиданно получающая подтверждение, разрастается, опьяняет и зажигает нас; так, вероятно, у Шефтсбери [17], который мог уже на склоне лет стать католиком, возникло глубокое почтение к древним мраморам, не отличающееся от обоготворения. Трудно представлять себе Рим и классическую почву без сладостного стеснения в груди, и когда приближаешься сам к тем священным памятникам, с которыми связаны некогда выпадавшие нам на долю похвалы и колотушки, тебе кажется будто земля начинает колебаться — и ведь никто из наших коллег никогда ничего подобного не видел. Тогда дух содрогается в ужасе, предчувствует и преклоняется там, где ему следовало

бы оценивать. В длинных ногах Аполлона из Ватикана [18] он видит нечто божественное, хорошо переданное нейтральное выражение лица кажется божественным покоем, потому что неподвижность облика сдерживает наши предположения, способные возникнуть при более динамичном образе. Эту закономерность я хорошо наблюдал, будучи в Англии, во время обозрения одной частной коллекции... Я вспоминаю, что видел Демокрита [19], понравившегося мне больше всех драгоценных антиков, находившихся там, но черта с два я бы сказал это; я стоял несколько минут перед каким-то Калигулой [20] и Траяном [21], всплеснул руками — кто же захочет, чтобы его осмеял служитель?

E 164

...Есть в астрономии предметы (их, правда, не так уже много), которые, будучи изложены обычной газетной прозой, звучат почти как возвышенная поэзия. Но разве отсюда следует, что они годятся для стихов?

E 168

Для того, чтобы научиться хорошо говорить на иностранном языке и действительно говорить на нем в обществе — с настоящим произношением,— нужно обладать не только памятью и слухом, но быть в известной степени и щеголем.

E 173

Вы же знаете, что быть пространным позволительно, если тебе платят за печатный лист, и я ненавижу описания битв, которые занимают при чтении меньше времени, чем потребовалось для самой битвы. Ни один приговор не следует так осмотрительно изрекать, как — «темно». Находить что-то «темным» — дело нехитрое: ведь и слоны и пудели могли бы что угодно найти «темным».

E 178

...Когда книга нравится тебе с годами все больше — это верный признак, что она хорошая...

E 196

Почти лессинговское выражение: оно для этой мысли как хорошо сшитое платье.

E 203

Показать немецкие нравы на сцене и т. п.— благородная идея, поистине совершенная, как цикорный кофе или шампанское из березового сока!... Ради всего святого скажите мне, где у нас пригодные для показа в театре нравы!? Может быть мы должны вывести на сцену наших господ, дерущих три шкуры с крестьян, наших заклинателей призраков и наших врачей, лечащих водянку колесными гвоздями, а зубную боль

лошадиными зубами? Или какого-нибудь немецкого барона, не понимающего по-немецки, но зато изъясняющегося на таком французском языке, что ни один француз не поймет в нем ни слова?... Любителя лошадей, полагающего, что выдрессировать лошадь по меньшей мере столь же трудно, а пожалуй и столь же важно, как управлять народами со славой и благодатью?.. Немецких бургомистров, считающих себя римскими консулами?.. Весьма частое смешение орденов и веревки, парика с косичкой и дурацкого колпака? Наши пустые бумажные титулы наших дворян, которые стыдятся возвести своего сына в сословие бюргера и предпочитают сделать его чахлым нищим на государственном иждивении с длинными манжетами и выцветшим париком, а не здоровым, опрятным и счастливым купцом. Прекрасный материал для комедии! Да наши актеры и авторы подохли бы с голоду! Кто, к дьяволу, станет платить хоть три гроша за то, чтобы увидеть в каком-нибудь гнилом сарае то, что можно ежедневно и бесплатно видеть в обычной жизни и в своей оклеенной обоями комнате? А для трагедии у нас еще меньше материала: бедняга, героически погибающий за родину, и бедняги, сражающиеся за свою объявленную вне закона свободу; отец или мать, которых сын загоняет в могилу; крестьянская девушка, которой дорого обошлись улыбки местного помещика; писатель, которого сжила со свету газетная статья; получившие отставку честные министры и офицеры; крестьянин, которого сосет адвокат; армия крепостных подданных, и правда с петлей на шее — вот поистине замечательный материал! ...И чему это поможет, если вы покажете в ваших пьесах человека таким, каков он есть, а узнают его лишь не больше двух-трех изможденных, как скелеты, зрителей, сидящих на грошовых местах?

E 208

Немудрено сказать что-нибудь кратко, когда имеешь что сказать,— как Тацит. Но вот когда сказать нечего и все-таки пишут книгу и превращают саму истину с ее nihilo nihil fit * в обманщицу — вот это заслуга.

E 220

Наши чувствительные энтузиасты [22], называющие зубоскалом каждого, кто их осмеивает, не понимают, что можно сильно чувствовать и не болтать об этом. Возноситесь в ваших чувствах хоть на седьмое небо, но пусть ваши чувства дадут вам силу для добрых или великих дел. Мне смешон не язык чувств, упаси бог, а болтовня о чувствах...

E 237

---

* Из ничего ничего нельзя сделать (*лат.*).

Великое правило: если твое немногое не представляет ничего оригинального, то выскажи его по крайней мере оригинально.

E 240

Мы должны вывести немецкие характеры на сцене, а немецкие характеры закуют нас за это в кандалы, не так ли?

E 251

Вот они сидят, сложив руки, закрыв глаза и ожидают пока небо ниспошлет им дух Шекспира. Не надейтесь на то, что Шекспиры рождаются. Подобным образом черт успокаивал быков. Шекспир не знал откровений. Все, что он вам говорит, он изучил и испытал. Итак, для того, чтобы писать, как Шекспир, нужно учиться и приобретать опыт, иначе ничего из этого не получится, даже если ваши произведения будут походить на его творения, как две капли воды...

E 262

Из белой бумаги предпочитают не делать фунтиков. Но когда на ней что-нибудь напечатано, это делают весьма охотно.

E 309

Хорошее выражение так же ценно, как и хорошая мысль, ибо невозможно его найти, не показав выражаемого с хорошей стороны.

E 321

Тот факт, что плагиаторов презирают, объясняется тем, что они совершают воровство по мелочам и тайно. Они должны бы его совершать, как завоеватели, которых теперь причисляют к благородным людям. Они должны бы решительным образом печатать под своим именем чужие произведения полностью. Если кто-нибудь против этого и выступит лично in loco *, дать ему по уху, чтобы кровь пошла из носа и рта; прочих же противников следует называть в газетах плутами, интриганами и негодяями, посылать их к черту или желать, чтобы их гром разразил.

E 331

Право, милые земляки, я не шучу, когда утверждаю, что немцы не обладают остроумием (esprit **), ибо чуточку атеизма среди нас, это, конечно, нельзя назвать остроумием. От французского атеиста, обладающего esprit, требуется, чтобы он отрекся от него только при тяжелой болезни или на смертном одре, наши же, напротив, отрекаются обычно при каждом ударе грома. Далее, песенки нашей молодежи

---

* На месте (*лат.*)
** Остроумие (*франц.*).

также не являются доказательством того, что она обладает esprit. Правда, это верно, что esprit чепуха, но не всякая чепуха — esprit.

E 339

Не каждый оригинал пишет оригинально и не все оригинальное пишут оригиналы.

E 411

С пером в руке я брал с успехом такие укрепления, перед которыми иные, вооруженные мечом и церковным проклятием, отступали.

E 419

....Хороший писатель безусловно не должен беспокоиться, если его не поймут и через десять лет. Чего не поймет это столетие, поймет следующее.

E 421

Только старые богословы и старые профессора-юристы утверждают, что все шутки — пустячки. Они уверены, что все, что высказывается с серьезной миной и в серьезном тоне, действительно серьезно, между тем, как известно, что из сотни пустячков, по крайней мере, девяносто были сказаны всерьез. Из веселых произведений умных писателей часто можно научиться большему, чем из многих серьезных...

E 432

Польза от старых поэтов (даже если бы она была единственная!) заключается хотя бы в том, что мы узнаем то здесь, то там мнения простого народа, кроме них никем не записанные. Но и этого нет у наших «гениев». Ибо наши народные песни содержат сказания, никому не известные в городке, за исключением того глупца, который эту народную песню сочинил.

E 433

Постановка «Геца фон Берлихингена» [23] в Дрюри Лейне [24] столь же невероятна, как и исполнение немецкой студенческой песни [25] кардиналами в соборе св. Петра [26].

E 437

Требования Хартли к хорошему писателю: plainess, sincerity and precision *.

E 474

Ничто так не радует Аполлона [27], как заклание резвого рецензента.

E 488

---

* Простота, искренность и точность *(англ.)*.

Народ, не изучающий иностранных языков,— то же, что и совершенно одинокий человек вдали от общества.

E 506

Нет более верного пути составить себе имя, чем писать о вещах, кажущихся важными, но на исследование которых разумный человек не станет тратить времени.

E 509

Делать прямо противоположное чему-либо [28] — тоже подражание, и определение понятия «подражание», справедливости ради, должно бы включать эти два понятия. Это следовало бы усвоить нашим великим подражающим гениям в Германии.

F 4

Если можно писать драмы не для постановки, то я хотел бы знать, кто может запретить мне написать книгу, которую ни один человек не сможет прочесть?

F 10

Наша проза, говорят, выступает гордо, а наша поэзия шествует смиренно — но разве это так ужасно? Проза достаточно долго ходила пешком (pedestris oratio *), и мне кажется теперь пора, наконец, и поэзии спешиться, и дать возможность прозе погарцевать на коне.

F 21

Нижненемецкий, верхненемецкий, серафически-немецкий [29].

F 23

Я читаю «Тысячу и одну ночь», «Робинзона Крузо», «Жиль Бласа», «Найденыша» [30] в тысячу раз охотнее, чем «Мессиаду»; я отдал бы две «Мессиады» за небольшую часть «Робинзона Крузо». Большинство наших писателей не имеют, не скажу, таланта, а скорей достаточно ума, чтобы написать «Робинзона Крузо».

F 69

Я не вижу оснований, почему книга должна лежать в столе девять лет, если сам автор лежал в материнском чреве всего лишь девять месяцев? Ничего более нелепого не придумаешь. Меня совершенно не удивит, если государство с такими законами не сможет существовать. Правда, я не знаю ни одной области в Германии, где бы ученые оставляли лежать свои сочинения по 9 лет; но одну страну я все же знаю, где судьи следуют совету Горация [31], а именно: они тянут судебные дела по

---

* Пешая речь (*лат*).

девять лет и в конце концов обыкновенно решают их гораздо глупее, чем в странах, где они решаются безотлагательно.

F 92

Нельзя отрицать, что некоторые из наших новейших художников имеют задатки больших писателей, полученные ими от природы. Однако большими писателями они не являются потому, что ничему не учились как следует... У них нет никаких излишков, и поэтому они не могут разбрасывать золотые монеты. Писатель, который не может время от времени бросить мысль, способную стать у другого диссертацией, никогда не будет великим писателем...

F 105

Книга — это зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола.

F 111

Признание Лессинга, что он, пожалуй, слишком много читал, чтобы остаться в здравом уме, доказывает, насколько здрав его ум.

F 113

Когда прибегают к старому слову, то оно часто устремляется по каналу рассудка, вырытому букварем, метафора же прорывает себе новый канал, а порой пробивается напролом.

F 115

Он читал исследования о гении так охотно потому, что, по его словам, он всегда чувствовал в себе большую склонность к гениальности.

F 131

Человек на сцене, человек в романе — это чисто условные создания, которые обладают ценностью sicut numi * и которых идеализируют, не обращая внимания на естественного человека. Но зритель редко бывает настолько испорченным, чтобы он тотчас с удовольствием не узнавал естественного человека, едва он появляется на подмостках.

F 141

Чтобы писать трогательно, нужно нечто больше, чем слезы и луна.

F 156

Силуэты — абстракция. Его описания — чистые силуэты.

F 171

Приложить последнее усилие к своему произведению — это его сжечь.

F 172

---

* Подобно грошу (*лат.*).

Лучшие наши писатели изображают некоего среднего человека и не обладают достаточной способностью наблюдения, чтобы (выражаясь астрономически) вносить в каждый определенный случай необходимую поправку; поэтому их расчеты часто неправильны.

F 207

Она погибла от Furor Wertherinus [32].

F 231

«Лесов становится меньше, дрова иссякают, что же нам предпринять?» Когда вырубят все леса, мы сможем, наверное, так долго жечь книги, пока не вырастут новые леса.

F 233

Он писал своего рода драгунской прозой, ибо она не всегда шла пешком, или же сочинял драгунские стихи, потому что они иногда соскакивали с коня и шли в прозе пешком.

F 259

Они послали в Геттинген томик в $^1/_8$ листа и получили его живехоньким в $^1/_4$ листа.

F 278

Чувствительно писать у этих господ значит постоянно говорить о нежности, дружбе, любви к человеку. Вы, бараны, чуть не сказал я сейчас. Это лишь веточка дерева. Вы должны показывать человека вообще, нежного мужа и нежного щеголя, глупца и негодяя, крестьянина, солдата, почтальона, всех как они есть,— вот это называю я писать чувствительно. То, что вы пишете, противно, как пиликанье на одной и той же струне! Человек ведь состоит не из одних половых органов!

F 335

Люди, презирающие всех, кто не превозносит тотчас же их болтовню о любви, должны поразмыслить, что тупы именно они сами, ибо они относятся с чувством лишь к тому, к чему каждый человек поневоле относится с чувством.

F 337

Если другое поколение захочет восстановить человека по нашим сентиментальным произведениям, то оно может подумать, будто у него было сердце с яичниками, сердце с мошонкой [33].

F 342

Кто не использует свои таланты для образования и совершенствования других, является либо дурным человеком, либо в высшей степени

ограниченным умом. Одним из двух должен быть автор «Страданий Вертера».

F 350

Метафора гораздо умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Все имеет свои глубины. Имеющий глаза видит все во всем.

F 366

Греческие и латинские книги ввозились к нам так же, как арабские жеребцы в Англию. Для многих из них можно было бы представить родословную, как это делают англичане для лошадей.

F 368

Так как почтенный Брокес[34] сочинил стихи без буквы «л»,— столь естественной для человека — то я не понимаю, почему нельзя сочинять стихов, не имея здравого человеческого рассудка. Ведь бесспорно, что без «л» невозможно попросить даже «хлеба» и «соли», тогда как имеются примеры, что люди без всякого рассудка достигали высших степеней в обществе.

F 381

В Германии, несомненно, больше писателей, чем это вообще требуется для блага всех четырех частей света[35].

F 409

У наших модных поэтов легко заметить, как слово создает мысль. У Мильтона и Шекспира мысль всегда рождает слово.

F 492

Не думаю, чтобы среди так называемой образованной немецкой молодежи когда-либо было больше пустых голов, чем теперь. Причина того, что сегодня так много юных Вертеров, объясняется не мастерски написанной книгой, а тем, что из таких бараноподобных ангелов можно делать все, что угодно... У них нет характера. Инертность, неразумие и неопытность во всем, что называется серьезной наукой, сделало их тупыми ко всему, кроме отвлеченных размышлений об инстинкте, из которого они создали себе естественную историю, эстетику, философию. Только в нем они ищут благородство души и небесное блаженство.

F 494

Внимательный мыслитель часто найдет в шуточных произведениях великих людей больше поучительного и тонкого, чем в их серьезных трудах. Формальное, условное, связанные с этикетом — все это здесь обычно отпадает; удивительно, сколько еще печатается жалкой, услов-

ной ерунды. У большинства писателей на лице такая мина, как у некоторых людей, позирующих для портрета...

F 498

Наши языки словно сбились с толку: там, где мы хотели бы видеть мысль, они дают нам лишь одно слово, там, где требуются слова, мы встречаем многоточие, а там, где мы ожидаем многоточие, стоит непристойность.

F 499

Об особенной прелести, которую имеет переплетенная толстая тетрадь из белой бумаги. Бумага, не утратившая своего целомудрия и сияющая невинностью, всегда лучше, чем исписанная.

F 509

Самое интересное место в «Вертере» то, где он убивает труса.

F 512

Издатель повесил его in effigie [36] перед его же сочинением.

F 513

Язык возник из лепета ребенка так же, как французское парадное платье из фигового листка.

F 516

Человечество, как и человек, имеет свои ступени развития. Мы пишем для своих современников, а не для древних греков [37]. У меня возникает не только жалость, но и своего рода стыд за молодых людей, которые говорят о *своем* Гомере..., изучают *своего* Гомера, держат постоянно *своего* Гомера в кармане, а когда они должны обратиться к разуму и сердцу человека, то говорят так, что можно подумать будто они изучали человека по «Беседам» Ланге [38]. Наша утонченность — не позор, мы принадлежим к более зрелому поколению. Истина, образование и улучшение человечества должны быть главными целями писателя. Если он их достигает, то средства используемые при этом, для нас довольно безразличны.

Слово «*простота*» употребляют до отвратительности неопределенно. Вертел — прост, часы Гаррисона [39] — просты и человеческий мозг также, и последний, по-видимому,— самое простое. Смешно судить о простоте какой-нибудь вещи, не принимая во внимание ее конечной цели. Это еще вопрос, так ли уж удачно писали столь прославленные древние поэты, как мы в этом сейчас уверены. Ибо вместо того, чтобы судить о них с точки зрения их публики, мы, заранее предполагая, что они постигали все точно, создаем их публику в своем воображении. В горячих рекомендациях древних, которые столь часто даются

из желания рекомендовать самих себя, содержится безусловно добрая половина школьной традиционной болтовни, когда люди ни о чем не думают.

F 590

Острый ум — увеличительное стекло, остроумие — уменьшительное. Последнее же ведет к пониманию общего.

F 694

Случай создает не только воров, но также и людей, пользующихся всеобщей любовью, друзей человечества, героев. Внезапная мысль остроумца своим появлением больше чем наполовину обязана дураку, в которого она угодила.

F 722

Буря в горах, шелест дубового леса и серебристые облака — это все очень хорошие вещи, но новые образы — лучше.

F 725

...Многое, не поддающееся выражению [40], было бы вряд ли достойно выражения, если бы даже удалось его выразить...

F 735

Странно (и я замечал это всегда не без улыбки), что Лафатер в носах наших писателей находит больше, чем разумные люди в их произведениях [41].

F 776

Истина находит истолкователей во все времена, похвала из угодливости — лишь в течение одного года. Пиши поэтому мужественно и с открытым сердцем.

F 779

...Есть весьма великие незначительные писатели и весьма незначительные великие...

F 787

Вот то главное и почти единственное, о чем я просил бы своих читателей, и чего они ни в коем случае не должны упускать из виду — моей единственной конечной целью было внушить им осмотрительность...

Если ты встречаешь человека с уродливой, противной тебе физиономией, то не считай его, бога ради, порочным, не удостоверившись в этом... Но я тебя хочу обучить одному ясному принципу физиогномики, это — физиогномика стиля. Если кто-нибудь говорит с тобой мужественной прозой Мендельсона или Федера [42], Мейнерса [43]

или Гарве [44], и ты наталкиваешься на положение, которое кажется тебе сомнительным, доверься ему до дальнейшего более подробного исследования. Напротив, если кто-нибудь говорит с тобой в восторженном тоне прорицателя [45] и при этом, спотыкаясь и заикаясь, лепечет дифирамбы, прилагая судорожные усилия, чтобы выразить невыразимое, не верь ни одному его слову, которого ты строго не проверил. Божьих посланцев в наше время уже не бывает. Если он не поклялся быть верным твоей простой мирской логике, гони его из дома до ближайшего исследования.

F 794

Чувство нередко многословно, разум краток. Основания для правки произведений и — nonum prematur in annum.

F 859

Никогда не противоречишь себе, если начинаешь что-либо писать, имея твердое мнение. Но даже при самом твердом мнении предмет можно осветить поверхностно. И если он тебе настолько хорошо знаком, что ты полагаешь, будто понять его может каждый, то употребляешь слова, которые тому, кого ты хочешь поучать, кажутся двусмысленными. Я прощаю господину Лафатеру то, что он находит так много противоречий в моем сочинении, и он не первый, который якобы обнаружил их там.
Один из самых больших мыслителей, которых я когда-либо встречал, признался, что он понял мое мнение только при втором чтении, и теперь он полностью со мной согласен. Я не отрицаю, это большой недостаток моего сочинения, и мне это должно послужить уроком на будущее: все, что я хочу печатать, необходимо, как это делал Мольер, прочитывать сначала вслух своей кухарке.

F 889

Не стану отрицать — недоверие к современному вкусу возможно достигло у меня степени, заслуживающей порицания. Ежедневно наблюдать, как некоторые люди попадают в гении [46] с таким же правом, как если бы мокриц признали сороконожками, и не потому, что у них так много ножек, а потому, что большинство не хочет сосчитать до четырнадцати,— все это привело к тому, что я больше никому без проверки не доверяю.

F 962

Во многих сочинениях какого-либо знаменитого писателя я бы охотней прочитал то, что он вычеркнул, чем то, что оставил.

E 331

Его чернильница поистине была храмом Януса[47]. Когда она была закрыта, повсюду царил мир.

F 991

Предисловие можно назвать громоотводом.

F 1004

Если горькая сатира тонка, то свет даже в самом худшем случае расценивает ее как предательство: сатиру он любит, а ее создателя ненавидит. Но как отнесется он к данной сатире, если автор злобен, а сатира весьма плоска? Он будет ненавидеть автора и презирать сатиру.

F 1045

Может быть именно поэты никогда и не были мудрейшими среди людей; но более чем вероятно, что они знакомят нас с самым лучшим из того, что давало им окружавшее их общество. Гораций оставил нам так много превосходного, что я постоянно думаю, сколько же превосходного говорилось тогда в обществе! Ибо вряд ли истина обязана поэтам чем-то большим, чем одеянием. Прекрасное изречение — Rectius vives, Licini *, etc. вытекает из общераспространенного принципа — medio tutissimus ibis **.

F 1144

Видеть широкий мир писателю необходимо не только для того, чтобы наблюдать многие ситуации, но и для того, чтобы самому пережить многие из них.

F 1152

Следует усиленно рекомендовать метод черновиков. Не оставлять не записанным ни одного оборота, ни одного выражения. Ведь и богатство приобретают путем накопления истин-пфенигов.

F 1209

Самые пестрые птицы поют хуже всего; это относится также и к людям, и в вычурном стиле... никогда не следует искать глубоких мыслей.

F 1215

Благородная простота в произведениях природы весьма часто заключается в благородной близорукости того, кто наблюдает природу.

Schr. I, 190—191 (F)

Поверхностная или словарная ученость, которая выглядит так дурно в серьезных сочинениях и вызывает отвращение у знатока, является

---

* Будешь лучше жить, Лициний... (*лат.*). Гораций. Оды, II, 10.

** Наиболее безопасно ты пойдешь средним путем (*лат.*).

подлинной солью остроумных произведений, для которых действует золотое правило: говорить так, чтобы казалось, будто автор знает во сто раз больше, или бросать мимоходом некоторые положения с таким небрежным видом, словно их еще в запасе сотни. Да, безусловно, не следует писать целую книгу, если можно обойтись и страницей, или главу, если достаточно и одного слова.

RA 8

Если из замечаний писателя, сделанных им en passant *, можно создавать целые книги, это самый верный критерий его величия. Тацит [48] и Стерн [49], каждый в своем роде, образцы этого.

RA 12

Больше всего следует желать, чтобы Германия имела хороших историков. Только они одни в состоянии заставить иностранцев интересоваться нами, но им не следует заниматься исправлением событий или, во всяком случае, мы не должны замечать этих усилий в их сочинениях. От них требуется достаточная самоотверженность, способная выразить результат месячных исследований в одной строчке и таким образом, чтобы среди тысяч читателей нашелся, быть может, один, который смог бы оценить ее богатство. Это искусство будет, безусловно, найдено и, если не сейчас, то, вероятно, через тысячу лет. Повсюду следует в кратких словах обращать внимание на развитие человека, дух законов, но не в крикливом тоне и, по той же причине, ни в коем случае не допускать модных оборотов и еще менее — острот. Если только содержание добротно, завершенная форма скорей всего дойдет до потомства полностью. Я хотел бы поэтому посоветовать быть, по крайней мере, в рассуждениях лаконичным. Если потомки станут умней, то они, как выражается Стерн, будут обладать уже и без книг бóльшей половиной их мудрости. К тому же они, наверно, будут читать быстрей...

RA 19

Возможно, скоро наступит время, когда мы увидим, что в некоторых областях, в которых мы считаем себя ниже древних, мы выше их. В скульптуре и живописи это уже достаточно ясно. Винкельман был энтузиастом, человеком, пристрастно относившимся к древним, считавшим себя счастливым, когда он ступил на классическую почву. Она сформировала его вкус на образцах, о которых он впоследствии судил. Думается, что Венера Бэкона [50] на выставке в Пель-Мель [51] могла бы всегда стоять рядом с Медицейской [52]. Требуется уже немало, чтобы после такой шумихи отличиться в этом искусстве, не стре-

* Мимоходом, между прочим (*франц.*).

мясь отправиться в Рим и броситься к ногам Аполлона. Все совершают туда паломничество, чтобы преклониться перед ним, но никто почему-то не задается вопросом о его божественности.

RA 29

Поистине, многие люди читают только для того, чтобы иметь право не думать.

Schr. I, 171 (G, H)

...Искать людей в книгах я считаю работой менее благодарной, чем самому их наблюдать, потому что лишь немногие умеют изобразить человека в книге таким, каков он есть...

Schr. I, 276 (G, H)

Если о какой-либо вещи уже известны все мнения знатоков, то, прибегая к некоторому ухищрению или обладая хотя бы небольшим способностями, можно сказать о ней еще нечто такое, что приведет мир в изумление. Уже простое намерение сказать что-либо может совершить здесь многое.

Schr. I, 277 (G, H)

Все, что еще умеют изображать наши писатели,— это чуточку любви, но даже и ее они не в состоянии проследить в более скрытых областях человеческой жизни.

Никто не должен бояться вставлять в роман замечания, основывающиеся на длительном опыте и глубоких размышлениях, если они имеются в запасе. Их безусловно обнаружат. Благодаря им остроумные произведения приближаются к творениям природы. Дерево не только дает тень любому путнику, но листья его можно исследовать и под микроскопом. Книга, которая нравится величайшему мудрецу, может по той же причине понравиться и толпе. Она может увидеть не все, но эти замечания должны быть налицо на случай, если придет кто-либо с более острым зрением.

Schr. I, 277 (G, H)

...Гомер, да и Шекспир тоже, конечно, не знали, что они хорошо пишут. Наши современные хорошие писатели все обязаны изучить роковое искусство — *знать, что они хорошо пишут.*

Schr. I, 278—279 (G, H)

Было бы, разумеется, весьма полезно указать миру на тех писателей, которые, используя знания своих предшественников, черпали духовное богатство из самих себя. У них только и учишься, и, конечно, очень

мало таких, которые легко доступны каждому. Другие занимаются подделками и собственно являются фальшивомонетчиками.

Schr. I, 280 (G, H)

Свифт выряжает детей своей фантазии, конечно, несколько странно, так что их едва отличишь от петрушек и канатных прыгунов; но ткань, позументы и драгоценные камни, используемые им, всегда настоящие.

Schr. I, 280 (G, H)

Популярным изложением сегодня слишком часто называется такое, благодаря которому масса получает возможность говорить о чем-либо, ничего в этом деле не понимая.

Schr. I, 306 (G, H)

Их критика основана исключительно на опыте, они восхищаются только тем, чем, как они уже слышали, восхищаются другие.

Schr. I, 307 (G, H)

Разве не странно, что буквальный перевод всегда плох? И тем не менее все можно перевести хорошо. Отсюда видно, что́ значит — понимать язык в совершенстве; это значит — в совершенстве узнать народ, который на нем говорит.

Schr. I, 324 (G, H)

Despaviladêra по-испански — «щипцы для свечей». Можно подумать, что это значит по крайней мере «королевский генерал-фельдмаршал».

Schr. I, 326 (G, H)

У одного бывает неверное правописание [53], а у другого верное неправописание.

Schr. I, 327 (G, H)

Это великий ораторский прием — уметь иногда только уговорить людей, когда их можно было бы убедить. Потом они часто думают, что их убедили, между тем как их просто уговорили.

Schr. II, 24 (G, H)

Сначала необходимо избрать направление и наметить себе конечную цель, а затем все, вплоть до любых мелочей, подчинить этому направлению. В этом заключается характер разумного человека и великого писателя. В его произведении каждое глубокомысленное замечание и каждая шутка должны содействовать главному стремлению автора. И даже если читатель ищет развлечения, его надо развлекать так, чтобы и этим достигалась главная цель.

Schr. II, 25 (G, H)

В романе надо обращать внимание главным образом на то, чтобы показать как ошибки, так и иллюзии всех сословий и всех человеческих возрастов. При этом можно во многом проявить свое знание людей.

Schr. II, 26—27 (G, H)

Тот, кто, подобно Буало[54], сочиняет сначала второй стих и придает ему максимальную гибкость и плавность, поймет, как трудно найти для первого такие стопы, чтобы он поспел за вторым[55]. Но это все же лучше, чем сообщить первому такую быстроту, что он собьет второго с ног и оба они рухнут на землю.

Schr. II, 27 (G, H)

Книга, которую прежде всего следовало бы запретить,— это каталог запрещенных книг.

Schr. II, 69 (G, H)

Сочиненьице при всей свой толщине так пусто, что его можно принять не за книгу, а за папку к ней...

Schr. II, 70 (G, H)

К числу величайших открытий, к которым пришел за последнее время человеческий ум, бесспорно принадлежит, по моему мнению, искусство судить о книгах, не прочитав их.

Schr. II, 73 (G, H)

То, что часто пишут в конце траурных извещений — «Ответ просят не посылать» — было бы весьма уместно писать и под рецензиями.

Schr. II, 73 (G, H)

Один рождает мысль, другой крестит ее, третий родит с ней детей, четвертый посещает ее на смертном ложе, а пятый ее хоронит.

Schr. II, 86 (G, H)

Книгу требуется еще проконопатить, чтобы заделать дыры.

Schr. II, 87 (G, H)

Благодаря строгому вниманию к собственным мыслям и чувствам, путем ярко индивидуального выражения их и тщательного отбора слов, набрасываемых тотчас же, можно в короткое время накопить заметки, польза которых весьма многообразна...

Schr. II, 129 (G, H)

Из общеизвестных книг следует читать лишь самые лучшие, а затем только такие, которых почти никто не знает, но авторы которых — люди с умом.

Schr. II, 131 (G, H)

Было бы неплохо, если бы какой-нибудь ребенок написал книгу для стариков, потому, что сегодня все пишут для детей...

Schr. II, 138 (G, H)

Если история какого-нибудь короля не подверглась сожжению, я не желаю ее читать!

Schr. II, 166 (G, H)

Почему любой может сказать: «Я честный человек», и никто не упрекнет его в гордости, но не может назвать себя «гениальным» или «остроумным»? Разве первое менее значительно, или слово «негодяй» меньшее оскорбление, чем «дурак»? И все же рецензенты имеют право не только говорить людям в глаза, что они дураки, но даже и доказывать им это.

Schr. II, 191 (G, H)

Я часто наблюдал, что там, где пасутся свиньи, на них садятся вороны и подмечают, когда они выкапывают червя; тогда они слетают вниз, пожирают его, а затем вновь садятся на старое место. Прекрасная аллегория компилятора, который раскапывает, и ловкого писателя, использующего это без особого труда, к своей выгоде.

J 2

Хотя я знаю, что очень многие рецензенты не читают книг, которые они так мастерски рецензируют, я все-таки не могу понять, какой ущерб они бы потерпели, если бы они все-таки прочли ту книгу, которую должны рецензировать.

J 36

Эту книгу нужно сначала подвергнуть обмолоту.

J 170

Писателя делает интересным для других то, что он постоянно говорит, как *мыслят или чувствуют,* сами не зная этого, замечательные люди или вообще большинство. Посредственный же писатель говорит только то, что каждый мог бы *сказать.* В этом и состоит достоинство драматических писателей и романистов.

J 207

Обычно ритм лирических стихотворений изображают так: | — ∪ ∪ — ∪ ∪ | — ∪ ⏑ | и т. д. Если бы мысли обозначались в них через единицу, а бессмыслица через ноль, то иногда это выглядело бы следующим образом: 000 | 000 | 000 .

J 279

Немецкие общества устанавливают премии за лучшую трагедию; наша родина, по-видимому, не страна трагедий. Почему они не установят

хотя бы один раз премию за философское произведение — например в духе Лукреция [56], — или же за стихотворение в таком же роде на тему об электричестве? Я думаю, что это учение можно было бы изложить с большой силой, весьма возвышенно и притом осмелиться на то, на что нельзя осмелиться в философском трактате.

J 383

Достаточный материал для молчания.

J 419

Разливать чужое вино по бутылкам и при этом под легким хмельком воображать, что оно твое. Нечто подобное делает большинство немецких писателей.

J 490

В произведениях знаменитых писателей, но посредственных умов, находишь в лучшем случае то, что они хотят показать каждому. Напротив, в сочинениях мыслителя систематического, охватывающего своим умом все, видишь постоянно целое и связи. Первые ищут и находят свою иголку при свете спички, которая скудно освещает лишь небольшое пространство вокруг себя, между тем как другие распространяют свет, который озаряет все кругом.

J 496

Мне кажется, что в сравнении с англичанами, разум немцев удерживает их от поступков, которые не следовало бы совершать. Немец, например, в некоторых случаях потому не смеется, что знает, что это неприлично, тогда как англичанину даже и не приходит в голову засмеяться.

J 691

Наши романы и комедии привиты собственно чужими черенками. Лишь немногие вырастают из семян.

J 709

Его лоб следует заклеймить раскаленным железом историка.

J 745

Безыскусно — еще не безвкусно.

J 756

Кто-то при чтении «Мессиады» [57] постоянно перескакивает через строчку, и все же это место вызывает восхищение.

J 788

Мы, немцы, обладаем стилем, похожим на метиса [58].

J 824

Я рассматриваю рецензии как своего рода детскую болезнь, которая постигает в более сильной или более слабой форме новорожденные книги. Бывает, что наиболее крепкие от нее умирают, а слабенькие часто выживают. Иные же и вообще не заболевают ею. Часто пытались предотвратить болезнь путем амулетов — предисловий и введений,— или же сделать прививки путем собственных суждений, но это не всегда помогает.

J 832

Жалуются на ужасающее количество плохих произведений, выходящих к каждой пасхальной ярмарке; а я решительно этого не вижу. Почему критики говорят — «надо подражать природе»? Наши писатели и подражают природе, и следуют при этом своему инстинкту, так же как и великие; а скажите на милость, что делать живому существу, как не следовать своему инстинкту? Посмотрите, например, на вишневые деревья, сколько вишен созревает на них? Меньше одной пятидесятой, а остальные опадают незрелыми. И если вишневые деревья печатают макулатуру, то кто же может запретить это людям, которые все же лучше, чем деревья? Да что, говорю я, деревья, разве вы не знаете, что из всех людей, которых ежегодно выпускает в свет «производящая» публика, более $^1/_3$ умирает, не достигнув и двухлетнего возраста? Как с людьми, так и с книгами, ими написанными. Вместо того, чтобы жаловаться на чрезмерное писательство, я преклоняюсь перед данным свыше миропорядком, который всюду стремится к тому, чтобы из всего, что рождается, большая часть превращалась в удобрение и в макулатуру, являющуюся тоже своего рода удобрением. Одним словом, Германия — подлинный книжный рассадник для всего мира и его оранжерея, и пускай садовники,— я разумею книгопродавцев,— говорят, что хотят.

J 846

Когда он излагал собственные размышления, то он был аккуратно одет в шлафрок с длинными рукавами, как и большинство людей. Когда же он делал выписки из описаний путешествий о нравах различных народов, то он писал, одетый как пекарь или мясник — в жилете, засучив рукава. Так же работают и сапожники. Это было прелестно.

J 906

Заслуга большинства знаменитых немецких писателей — это заслуга рафинировщиков сахара, выращенного и сваренного другими нациями.

J 976

От способа выражения зависит столь многое, что, по моему мнению, даже о самых банальных вещах можно высказаться так, что подумаешь,— сам дьявол внушил это.

J 998

Я полагаю, что даже лучший копировальщик или график не сможет хорошо воспроизвести какую-нибудь голову или фигуру, если оригинал положат перед ними в перевернутом виде и потребуют от них, чтобы они во время работы ни копию, ни оригинал прямо не ставили. Таким образом, становится ясным, что делает художник, копируя лицо: он всегда читает целое и, имея перед глазами духовный образ этого целого, набрасывает его отдельные черты в мгновенном вдохновении, если можно так выразиться, не осознавая этого, и копия становится верной. Можно заключить, что подобное чтение в целом, обобщение необходимо в каждом деле и отличает талантливого человека от заурядного. При командовании армией, установке больших механических сооружений, при больших финансовых операциях глубочайшие теоретики часто оказываются жалкими исполнителями. Они всегда слишком ясно видят перед собой какую-нибудь деталь, нечто необычное, известное лишь немногим, только что открытое, и трудное, и они забывают о легком, повседневном, а именно оно всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев и является главным...

J 1215

Во всем должен быть определенный смысл, некий общий взгляд, который, как бы являясь душой целого, должен его направлять.

J 1257

Кто сумел бы подражать как следует, подражать не станет.

Schr. I, 132 (K)

Плохая награда для родителей, если юнец, на которого потратили деньги, в конце концов становится поэтом... Родители, которые замечают, что их сын хочет сделаться профессиональным поэтом, должны бы пороть его до тех пор, пока он либо не бросит стихоплетства, либо не станет великим поэтом.

Schr. I, 224 (K)

То роковое обстоятельство, что писатели вынуждены печатать свои произведения на том же самом материале, из которого делаются и фунтики для пряностей, служит для некоторых из них еще бóльшим препятствием на пути к славе и бессмертию, чем зависть и злоба всех критических журналов и газет.

Schr. I, 282 (K)

Более странный товар, чем книги, едва ли сыщется на свете. Их печатают и продают люди, которые их не понимают, их переплетают, критикуют и читают люди, которые их тоже не понимают, да, пожалуй, они и написаны людьми, которые их не понимают.

Schr. I, 283 (K)

Если Англия имеет преимущество в борзых лошадях, то мы в «борзых перьях». Я знал некоторых людей, одним духом перемахивавших через высоченные изгороди, широчайшие рвы критики и здравого смысла, словно это были соломинки.

Schr. I, 284 (K)

Разве не удивительно, что публику, хвалящую нас, всегда считают компетентным судьей. Но едва только она нас начинает порицать, ее объявляют неспособной судить о творениях ума.

Schr. I, 284 (K)

Единственный недостаток истинно хороших произведений состоит в том, что они обыкновенно являются причиной выхода в свет множества плохих или посредственных книг.

Schr. I, 288 (K)

Печально, что большинство книг пишется людьми, которые должны были *подняться* до этого дела, вместо того, чтобы *снизойти* до него. Если бы Лессинг захотел написать «Спутник для весельчаков», я полагаю, его перевели бы на все языки мира. Но обычно каждый пишет о том, в чем он сам себе нравится, а себе люди нравятся редко в тех вещах, которые для них столь же близки и внутренне понятны, как таблица умножения. Писатель, который для своего собственного удовлетворения выкладывает в своих сочинениях все, что знает, безусловно плохо пишет. Напротив, тот, кто должен сдерживаться, чтобы не сказать слишком много, может рассчитывать скорее на успех.

Schr. I, 295 (K)

Необыкновенно жалким должен быть перевод, способный испортить хорошую книгу для умного человека, умеющего почувствовать в ней великое целое, не останавливаясь на отдельных выражениях и частностях. Книга, не обладающая такой ценностью, которую даже самый плохой переводчик не может испортить для умного человека, безусловно написана не для потомства.

Schr. I, 297 (K)

Многие так называемые знаменитые писатели — по крайней мере в Германии, в обществе люди весьма незначительные. Ведь это книги их

заслуживают внимания, а не они сами, потому что большей частью они чужды подлинной жизни. Для того, чтобы проявить себя, они всегда должны заглянуть сперва в какую-нибудь книгу, а результат — все та же бумага, ими же написанная. Когда их о чем-нибудь спрашивают, они оказываются жалкими советчиками и плоскими учителями.

Schr. I, 311 (K)

Надгробные речи для книг весьма отличаются от надгробных речей для людей. Последние обычно слишком хвалят, а первые ругают больше, чем они этого заслуживают.

Schr. I, 311 (K)

Каждый человек накапливает множество верных наблюдений. Но искусство состоит в том, чтобы научиться выражать их подобающим образом — это очень трудно, во всяком случае, много трудней, чем думают некоторые. И, безусловно, все плохие писатели сходятся в том, что из всего, имеющегося у них, они высказывают только то, что уже сказано всеми. Поэтому вовсе не стоило накапливать это в себе, чтобы потом высказывать.

Schr. II, 32 (K)

Меткое замечание о хорошо известном предмете и есть собственно настоящее остроумие. Замечание о менее известном, если даже оно очень хорошо, поражает далеко не в такой степени, отчасти потому, что вещь не всякому знакома, отчасти же потому, что о вещи, о которой еще мало сказано, легче сказать что-нибудь меткое. Поэтому в обычной жизни подобные остроты называют искусственными и вымученными.

Schr. II, 32—33 (K)

Он не может удержать чернил, и когда чувствует очень уж сильный позыв кого-нибудь обмарать, он обычно больше всего марает самого себя.

Schr. II, 77 (K)

Конечно, было бы хорошо, если б не было самоубийств. Но не следует судить слишком поспешно. Как же, черт побери, устранять, например, в трагедиях ненужных действующих лиц? Заставлять других убивать их? Это опасно. Все устроено мудро.

Schr. II, 94 (K)

Корректор исправляет опечатки еще вовремя; критик же напечатанные ошибки, когда уже, к сожалению, слишком поздно.

Schr. II, 94 (K)

Писатель, который для своего бессмертия нуждается в памятнике, недостоин и памятника.

Schr. II, 178 (K)

Возросла ли нищета в Германии, я не знаю. Но восклицательные знаки — безусловно. Там, где обычно ставили — !, стоит теперь — !!!.

L 145

Чем мудрей становишься, тем больше видишь в творениях природы; почему же в некоторых наших мыслях не может содержаться также значительно больше того, что мы иногда замечаем? Это ведь тоже продукты человеческой природы. Каждая мысль, ложная или истинная, есть нечто само по себе. Ложная является лишь сорняком, ненужным в нашем хозяйстве. Следовательно, можно извинить то, что я выдумал за Хогарта [59]. Возможно, что он действительно выразил все это, но инстинктивно, сам того не зная...

L 307

Какое счастье, что пустота в мыслях не влечет за собой таких последствий, как пустота физическая, так как в противном случае некоторые головы, отваживающиеся читать книги, которых они не понимают, сплющивались бы.

L 325

Популяризацией нужно всегда заниматься так, чтобы посредством ее поднимать людей. Когда сам спускаешься, следует всегда думать также о том, чтобы хоть немного поднять тех людей, к которым ты спустился.

L 327

Мне кажется, что большая ошибка тех, кто пишет естественную историю царства писателей, состоит в том, что они в своих журналах и газетах не только указывают роды и виды писателей, но и осмеливаются судить о ценности каждого из этих существ. Если это не дерзость, то по крайней мере, философская глупость и недостаток широты взгляда. Линней пишет: клоп пахнет неважно — и это верно. Но ведь он не говорит, что клоп мог бы и вовсе не появляться на свет, у нас-де и так уже достаточно вонючих тварей, как говорят наши рецензенты.

L 393

Гражданин-землепашец. Кто же это в ученой отрасли? Сравнение, полагаю, можно продолжить далеко от землепашца до пирожника и кондитера-поэта.

L 478

Психолит [60]. Окаменевшая душа — мраморная скульптура.

L 587

...Иногда Жан Поля [61] едва выносишь и, если он не успокоится, его можно будет переносить еще меньше. Ведь он сдабривает все кайенским перцем... Чтобы сделать вкусным холодное жаркое, он будет вынужден приправлять его расплавленным свинцом или пылающими угольями. Но если он начнет все заново, он станет великим.

L 589

Жан Поль стремился стяжать одобрение своих читателей скорей путем coup de main *, чем планомерной атакой.

L 612

Люди, которые много читают на улице, обычно не много читают дома.

Schr. I, 190

У людей всегда хватает остроумия, если они только *не стремятся* во что бы то ни стало обладать им.

Schr. I, 190

Бывают рисовальщики, которые для каждого черного и красного карандаша, черного и белого мела имеют особый перочинный ножик в особом отделении ящика; портретисты, которые не могут справиться с направлением и тоном света и с оконными ставнями, пока солнце не сядет, вечно засучивают рукава, передвигают стулья и т. д. Обыкновенно они рисуют и пишут хуже всех. Самая жалкая бездарность всегда богата побочными приготовлениями — во всех делах и во всех профессиях, вплоть до неглубоких, плоских писателей, постоянно блистающих своими предисловиями.

Schr. I, 193

Жаль, что у писателей нельзя видеть их ученые потроха, чтобы посмотреть, чем они питались.

Schr. I, 300

---

* Смелое предприятие (*франц.*). Здесь: штурм.

Остроумная шутка

...Что мелко в серьезной форме, то может быть глубоко в остроумной.

E 54

Когда ему приходилось прибегать к своему разуму, то он чувствовал себя как человек, который, постоянно пользуясь своей правой рукой, вдруг был вынужден что-то делать левой.

B 1

Ее нижняя юбка была в широкую красную и синюю полоску и казалась сделанной из театрального занавеса. Я бы много дал, чтобы получить первое место, но спектакль не состоялся.

B 212

Его рвет секретами и вином.

C 118

Правила грамматики — чисто человеческие установления; поэтому даже сам черт, когда он говорил устами одержимых [1], изъяснялся полатыни плохо.

C 149

Это кажется нам таким нелепым, как, наверное, кажется раку человек, идущий вперед.

D 123

Это работа, при которой, кажется мне, само терпение рвет на себе волосы.

D 242

Человек был так умен, что стал почти ни к чему не пригоден.

D 447

Осень выплачивает земле листья, которые лето взяло у земли взаймы.

D 553

Перечень опечаток в перечне опечаток.

D 574

По законам природы у беззубых зверей есть рога. Что же удивительного, если подобное случается и с пожилыми мужчинами и женщинами?

E 45

Маргейт[2]. Здесь происходит то же, что и на других курортах: приобретаешь немного здоровья и теряешь сердце.

E 199

Дождь лил так сильно, что все свиньи стали чистыми, а люди — грязными.

F 99

Если бы человек мог видоизменять свое тело, как свою одежду, что бы с ним стало! Или если бы наряды женщин превращались в то, что им следовало бы приобрести вместо этих нарядов.

F 290

Когда он говорил, то во всей округе сами собой захлопывались мышеловки.

F 478

Вежливый вопрос: благополучно добрались ли вы вчера домой? свидетельствует еще о наших прежних нравах и мостовых.

F 510

Клянусь честью, это достаточно глупо, чтобы сделать дурака умным.

F 562

Девушка недурна, следует только заказать для нее другую раму.

F 616

Одно из главных преимуществ брака состоит в том, что неприятных гостей можно направить к своей жене.

F 775

Что такая глупая вещь может присниться, это меня не удивляет; но вообразить себе, будто ты сам способен это думать и делать — вот что удивительно!

F 778

Иена и Гоморра [3].

F 862

Главным образом он любил слова, обычно не встречающиеся в словарях.

Schr. II, 81 (G, H)

Необычайность этой мысли заключается бесспорно только в том, что если бы она пришла ему в голову на полминуты позже, она бы была уже посмертной.

Schr. II, 84 (G, H)

Ему принесли горячую, слегка подгоревшую благодарность.

Schr. II, 88 (G, H)

Если умного человека можно ударить так, что он ополоумеет, то я не понимаю, почему полоумного нельзя ударить так, чтобы он поумнел.

Schr. II, 166 (G, H)

Белые перья у дам — белые флаги, поднятые в знак капитуляции.

J 147

Попугай пока говорил только на своем родном языке.

J 354

Муха, которая не желает быть прихлопнутой, безопасней всего чувствует себя на самой хлопушке.

J 397

Рыба, утонувшая в воздухе.

J 450

Здоровье заразительно.

J 477

Смена времен года — часы, в которых кукушка оповещает о весне.

J 562

А. У этого человека много детей.
Б. Да, но я думаю, что для большинства из них он только правил корректуру.

J 842

Я знавал одного человека, большого чудака. После обеда, за блюдом с фруктами он вырезал из яблок правильные стереометрические тела,

постоянно съедая отходы. Разрешение проблемы по большей части заканчивалось полным уничтожением яблока.

J 993

А. Вы очень постарели.
Б. Да, это обычно и случается, когда долго проживешь.

J 1190

Открытие Гальвани [4] объясняет, почему люди так охотно протягивают свои руки к золоту и серебру; ведь протягивание — своего рода судорога; следовательно, здесь действуют не только моральные, но и физические причины. Руки — это волшебные палочки, постоянно нащупывающие металл [5].

J 1226

Я считаю людей, инициалы которых начинаются на букву «М», счастливчиками — ведь они как бы прирожденные магистры.

Schr. II, 77 (K)

Не легко себе представить более хитрую ведьму. Змея опутала отца и обоих сыновей. Поистине настоящая группа Лаокоона [6].

Schr. II, 94 (K)

Он шел впереди медленно и величественно, как гекзаметр [7], а позади, как пентаметрик, семенила его жена.

L 73

Если потомки найдут однажды распоротое дамское платье [8] ...и захотят определить по нему фигуру дамы, которую это платье облекало, что за фигура получится при этом?!

L 74

Ее физические прелести вступили как раз в тот странный период развития, когда их притягательная сила начинает сменяться отталкивающей.

L 300

Общеизвестно, что четверть часика больше, чем четверть часа.

L 415

Задолго до французской революции он уже выставил трехцветный нос [9].

L 455

Он кашлял так гулко, что в каждом звуке, казалось, слышался двойной резонанс — груди и гроба.

L 596

В Англии одного человека обвинили в двоеженстве, и он был спасен своим адвокатом, который доказал, что его клиент имел трех жен.

L 677

Вопрос: Что легко и что трудно?
Ответ: Задавать такие вопросы легко, отвечать на них трудно.

L 718

Мужской парикмахер, который в крайнем случае в состоянии справиться и с женщинами.

Schr. II, 106

Осел кажется мне лошадью, переведенной с немецкого на голландский язык.

Schr. II, 108

У него была куча болезней, но наиболее силен он был в астме.

Schr. II, 116

Лихтенберг о себе

Если бы небо нашло необходимым и полезным еще раз переиздать мою жизнь, то я хотел бы сообщить ему некоторые небесполезные замечания к новому изданию, касающиеся преимущественно облика, черт портрета и общего плана.

J 639

Без моего внутреннего убеждения меня не удовлетворили бы все почести, счастье и одобрение света, а если я удовлетворен внутренне, то приговор целого света не способен нарушить моего наслаждения. Воспевать счастье нищего в сравнении с королем стало уже ходячей идеей посредственных писателей. И хотя она справедлива, досадно только, что ее часто повторяют люди, которым она не принадлежит. Я полагаю, что больным в постели часто чувствуешь себя лучше, чем на первом месте за королевским столом...

B 281

И я тоже проснулся, друг, и достиг той степени философского благоразумия, когда любовь к истине — единственная руководительница и когда навстречу всему, что я считаю заблуждением, иду с дарованным мне светочем, не говоря вслух, что считаю это заблуждением, и еще менее, что это — заблуждение.

D 83

Любой удивится, что у меня еще есть охота писать такие вещи в последние дни одряхлевшего мира.

D 223

Я совершенно не знаю, что вы, добрые люди, хотите. Я вовсе не намерен стать великим человеком, и вы могли меня хотя бы предварительно спросить об этом. Вы думаете, чтобы огреть грешника бичом по спине, необходимо обладать львиной силой? Для того, чтобы кому-

нибудь сказать правду, вовсе не нужно быть великим человеком, и счастье для нас, что говорить правду может даже и последний бедняк.

D 420

Все мои произведения помечены знаком FF... Это начальные буквы моих домашних идолов, которым я ежедневно приношу жертвы — Fama * и Fames **.

F 407

Меня всегда печалит, когда я подумаю, что в исследовании некоторых вещей можно зайти слишком далеко, я полагаю, что эти исследования могут быть вредны для нашего счастья. Пример этого я сам. Мне хотелось бы быть менее удачливым в своих стараниях изучить человеческое сердце. Я прощаю людям их злобные выходки охотней, чем прежде, это верно; когда кто-нибудь говорит обо мне плохо в обществе, особенно если он делает это, желая посмешить, то я ни в малейшей степени на него не обижаюсь и не обращаю на это внимания в самом точном смысле слова, но только это не должно говориться с яростью и раздражением или быть грубой клеветой, которой, как мне кажется, я не заслуживаю. Напротив, до людских похвал мне мало дела; зависть, пожалуй, единственное, что меня еще порадовало бы. Но лучше бы всего этого не было. Следовательно, и здесь необходимо гармоническое развитие всей системы познания. Когда одна часть разрабатывается с излишней тщательностью, это всегда приводит в конце концов к малой или даже большой беде.

F 507

Я очень ясно замечал следующее: часто я имею одно мнение, когда лежу, другое, когда стою, и особенно, когда я ел мало и чувствую себя утомленным.

F 552

Я уже давно начал писать историю своего духа и своего жалкого тела и притом с такой откровенностью, которая, вероятно, способна пробудить в другом человеке своего рода стыд за меня; эта история должна быть рассказана настолько откровенно, что может быть кто-нибудь из моих читателей ей не поверит. Это почти еще непроторенная дорога к бессмертию (лишь кардинал де Ретц [1] вступал на нее). Свет слишком зол, и она выйдет только после моей смерти.

F 803

* Слава (*лат*).
** Голод (*лат.*).

Я часто придерживался той точки зрения и глубоко верил в то, что для признания у потомства нужно быть ненавистным современникам. Поэтому я был склонен нападать на все.

F 868

Моя ипохондрия является собственно способностью высасывать из каждого жизненного случая — каков бы он ни был — максимальное количество яда для собственного употребления.

Schr. I, 14 (G)

Наблюдать лица простых людей на улице — всегда одно из самых любимых моих удовольствий. Никакие картины волшебного фонаря не могут сравниться с этим.

Shr. II, 74 (G, H)

В то время как о тайных пороках пишут публично, я задумал писать о публичных пороках тайно.

Schr. II, 74 (G. H)

Редкие люди выпускают свои книги в свет без тайной мысли, что каждый либо отложит свою трубку в сторону, либо снова зажжет, чтобы их прочесть. Что я отнюдь не жду для себя такой чести, я не только скажу — ведь сказать это легко — нет, я вполне убежден в этом,— что значительно труднее; к этому себя надо приучить. Книгу могут прочесть автор, наборщик, корректор, цензор и, может быть, рецензент, если только он захочет,— но это не так уж нужно — значит всего пять читателей из многих миллионов.

J 238

О, если бы этот порог был уже позади! Боже мой! Как я жажду того мгновения, когда время перестанет для меня существовать, когда меня вновь примет в свое материнское лоно то, что есть все и ничто, в лоно, в котором я дремал когда из воды возникал Гейнберг [2], когда жили и писали Эпикур [3], Цезарь и Лукреций, когда Спиноза создал величайшую идею из всех, которые когда-либо возникали в голове человека.

J 277

Хуже всего, что я при моей болезни совершенно не мыслю и не чувствую вещей без того, чтобы не чувствовать при этом преимущественно себя. Я осознаю все свои страдания: все становится у меня субъективным, а именно все стоит в связи с моей чувствительностью и

болезнью. Я смотрю на весь мир, как на машину, существующую для того, чтобы всеми возможными способами сделать для меня ощутимой мою болезнь и мои мучения. Патологический эгоист. Это в высшей степени печальное состояние. Я должен теперь выяснить, есть ли во мне еще сила, смогу ли я это преодолеть; если нет, то я погиб. Однако болезнь этого рода стала словно моей второй натурой. Малодушие — вот правильное название моей болезни, но как избавиться от нее? Преодоление ее заслуживало бы памятника, но кто ж станет ставить памятники человеку, который из старой бабы становится мужчиной?

J 320

Ах, боже мой, сколько раз у меня возникала мысль, относительно которой я мог быть уверен, что она понравилась бы самым лучшим людям, если бы они только прочли ее. Но я не использовал ее, да и не особенно жаждал ее использовать. И из-за этого какой-нибудь плоский литератор или компилятор или пишущий эпиграммы путаник смотрели на меня свысока, и я должен признаться, что, при моем поведении, эти люди были не так уж неправы; ибо как же они могли знать то, что я по своей лени утаил даже от черновой тетради...

J 540

Кровельщик, возможно, находит в утренней молитве силу для встречи с ужасной опасностью. Как счастливы люди, которым это доступно! А может быть он находит ее в стакане водки? О, если бы хоть иногда знать, что именно придает людям мужество!

J 589

Если бы небо нашло необходимым и полезным еще раз переиздать мою жизнь, то я хотел бы сообщить ему некоторые небесполезные замечания к новому изданию, касающиеся преимущественно облика, черт портрета и общего плана.

1 639

Сегодня я позволил солнцу встать раньше, чем я...

J 687

Одна из самых примечательных черт моего характера состоит безусловно в склонности к странному суеверию, вследствие которого я вижу в каждой вещи предзнаменование, и сотни предметов за день становятся для меня оракулами. Здесь не требуется подробного описания, так как я в этом разбираюсь даже слишком хорошо. Вот про-

ползло какое-то насекомое — и это служит ответом на вопросы о моей судьбе. Не удивительно ли это для профессора физики? Не заложено ли это в человеческой природе и не стало ли это лишь у меня чудовищным явлением?..

J 694

Самым счастливым чувствуешь себя тогда, когда твое чувство велит тебе жить *только* в этом мире. Мое несчастье в том, что я никогда не живу в этом мире, а, напротив, в множестве всевозможных взаимосвязей, которые создает моя фантазия, поддерживаемая моей совестью; таким образом, пропадает часть моего времени и разум не способен это преодолеть. Следовало бы основательно объяснить это явление. Живи по-настоящему в своей первой жизни для того, чтобы наслаждаться второй. В жизни так же, как и во врачебной практике: первые шаги — решающие.

J 925

При всей моей любви к покою, я все время углублял мое самопознание, не имея, однако, сил сделаться лучше; я даже часто извинял свою инертность тем, что замечал ее, и удовольствие от того, что я замечал точно какой-нибудь свой недостаток нередко превосходило досаду, которую возбуждал во мне сам этот недостаток. Таким образом профессор имел для меня гораздо большее значение, чем человек. Пути господни неисповедимы.

J 935

Измеритель забот, mensura curarum — это мое лицо.

J 1056

Мое тело — это часть мира, которую могут изменить мои мысли. Даже воображаемые болезни могут сделаться действительными. Во всем остальном мире мои гипотезы не могут изменить обычного хода вещей.

J 1183

Если бы я мог провести каналы в моей голове, чтобы способствовать внутренней торговле между запасными складами моих идей. Но они лежат там сотнями, бесполезные друг для друга.

Schr. I, 22—23 (K)

Когда я прежде закидывал в своей голове удочку для улова мыслей и внезапных идей, то мне всегда кое-что попадалось. Теперь рыба не идет так хорошо. Она начинает окаменевать на дне, и мне приходится ее вырубать. Иногда я вытягиваю ее по частям, как окаменелости Монте Болька, и кое-что из этого стряпаю.

Schr. I, 23 (K)

Вся моя деятельность подчинена теперь заработку. Угли еще тлеют, но пламени уже нет.

Schr. I, 23 (K)

Меня часто порицали за совершенные мной ошибки те люди, у которых не было ни силы, ни остроумия, чтобы их совершить.

Schr. I, 24—25 (K)

Ах, это были счастливые дни, когда я еще верил во все, что слышал!

Schr. I, 32 (K)

Величайшее счастье, о котором я ежедневно прошу небо: пусть превосходят меня в силах и знаниях лишь разумные и добродетельные люди.

Schr. I, 42 (K)

Найдется ли кто-нибудь, кто хотя бы однажды в году наедине с собой не был бы глупцом и не мыслил себе иного мира и иных более счастливых обстоятельств, чем действительные? Благоразумие же заключается лишь в том, чтобы тотчас же очнуться и отправиться из театра домой, едва миновало представление.

Schr. I, 179 (K)

Ежедневно я все более убеждаюсь, что моя нервная болезнь поддерживается моим одиночеством, если даже и не полностью вызвана им. Порой я не нахожу уже почти никакого развлечения, кроме работы головой; и так как мои нервы никогда не были крепкими, то поэтому естественно возникло переутомление. Я очень хорошо замечаю, что общество делает меня добрым. Я забываю себя или, скорей, моя голова уже только воспринимает, вместо того, чтобы творить, и, следовательно, отдыхает. Поэтому и чтение является для меня отдыхом. Но это все же не то, что общество, потому что я постоянно откладываю книгу и начинаю вновь думать о себе.

L 156

Завещания обычно начинают тем, что поручают душу богу. Я охотно отказываюсь от этого, так как полагаю, что такие рекомендации мало полезны, если они не сопутствовали людям в течение всей жизни. Подобные рекомендации являются обращениями в веру перед повешением, столь же легкими, как и бесплодными.

L 225

Все запретное я вкусил вновь и чувствую себя, слава богу, также плохо, как и раньше (я имею в виду не хуже).

L 471

Procrastinateur — человек, откладывающий все на завтра — тема для комедии; мне следовало бы обработать нечто подобное. Откладывание было издавна моим величайшим недостатком.

Schr. I, 19—20

Девушка, 150 книг, несколько друзей и вид на окрестности, шириной примерно с немецкую милю,— вот это и было для него целым миром.

Schr. II, 151

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЕОРГ КРИСТОФ ЛИХТЕНБЕРГ И ЕГО «АФОРИЗМЫ»

Во второй половине XVIII в. в маленьком немецком городе Геттингене, известном своим университетом, жил один из оригинальных писателей и ученых Германии Георг Кристоф Лихтенберг (1742—1799). Однако до недавнего времени имя этого выдающегося просветителя, о котором с глубочайшим уважением отзывался Кант, силой ума и таланта которого были восхищены Гете, Герцен и Толстой, знали немногие. Причины этого разнообразны. Отчасти это объясняется тем, что большинство произведений писателя, публицистических по своему характеру, печаталось в различных популярных журналах и карманных календарях. Будучи весьма злободневными, они поздней в какой-то степени утратили свою актуальность и были забыты. Некоторые из задуманных им произведений не вышли из стадии набросков; иные же, как, например, «Афоризмы», он не решался опубликовать, и они стали известны лишь после его смерти, а в более полном виде только в начале XX в.

Но при всем том нужно отметить, что забвению Лихтенберга немало способствовала также и буржуазная критика, которая старалась замолчать или исказить его произведения. Хотя последнее собрание сочинений писателя, неполное, вышло еще в 1844 г., до сих пор отсутствует критически проверенное издание.

Благодаря усилиям современных передовых ученых на востоке и западе Германии, которые следуют лучшим традициям литературоведения прошлого (Г. Гервинус, А. Лейтцман), Лихтенберг занимает теперь достойное место в немецкой литературе [1].

[1] См. W. Jagow. Vorwort in: G. Chr. Lichtenberg Gedanken. Weimar, 1950; W. Ilberg. Vorwort in: G. Chr. Lichtenberg Aphorismen und Briefe. B., 1953; B. Neu-

В ГДР за последнее время было издано несколько сборников избранных произведений и писем Лихтенберга. В небольших вступительных статьях, предпосланных сборникам, ведется полемика с реакционной наукой, которая абсолютизирует слабые стороны писателя. Она изображает его как ипохондрика и скептика, человека бездеятельного, замкнувшегося в своем одиночестве и не способного создать ничего, кроме фрагментов и отрывочных мыслей [2]. Больше того, его считают «жертвой заблуждений просветителей», объявляют мистиком, предшественником романтизма, а в некоторых исследованиях он даже оказывается приверженцем расовой теории [3]. В статьях демократической критики, напротив, делается успешная попытка выяснить подлинные противоречия во взглядах Лихтенберга, подчеркиваются прогрессивные черты его просветительского мировоззрения.

Тем не менее творчество писателя все еще недостаточно исследовано, особенно в нашей стране, где по существу нет переводов его произведений и весьма мало работ о нем [4].

Цель данной книги — в известной степени восполнить этот пробел и познакомить советского читателя с замечательным немецким мыслителем и художником.

* * *

Лихтенберг родился 1 июля 1742 г. Восемнадцатый ребенок в семье бедного пастора в Дармштадте, он рано лишился отца, оставившего большую семью без средств к существованию. Свои выдающиеся способности и интерес к естественным и точным наукам мальчик обнаружил еще в начальной школе и в особенности в гимназии.

---

bauer. Nachwort: G. Chr. Lichtenberg Ausgewählte Schriften, Leipzig, Reclam; W. Rödel. Forster und Lichtenberg. B., 1960; C. Brinitzer. G. Chr. Lichtenberg. Tübingen, 1956 и др.

[2] См.: R. Saitschik. Deutsche Skeptiker. B., 1906; M. Rychner. Vorwort in: G. Chr. Lichtenberg Aphorismen. Zürich, 1947; P. Rippmann. Werk und Fragment. Bern, 1953.

[3] W. Grenzmann. G. Chr. Lichtenberg. Salzburg — Leipzig, 1939; Beguin. L'âme romantique et le rêve. Marseille, 1937; A. Schneider. G. Chr. Lichtenberg précurseur du romantisme. Nancy, 1954 и др.

[4] На русском языке вышли: Г. Х. Лихтенберг. Афоризмы. Пер. с нем. Н. М. Соколова. СПб., 1899; «Избранные мысли Лихтенберга». Пер. с нем. Л. Н. Никифорова и А. Б. Гольденвейзера. М., 1906. Обе книги — почти библиографическая редкость. Перевод афоризмов в первом сборнике сделан с немецкого издания 1844 г., подготовленного еще до появления критического издания «Афоризмов» А. Лейтцмана. Второй сборник составлен весьма тенденциозно. Обе книги дают неполное и искаженное представление о Лихтенберге.

Критические работы на русском языке: М. Л. Тронская. Лихтенберг и Хогарт.— «Ученые записки ЛГУ», № 276, 1959; М. Л. Тронская. Немецкая сатира Просвещения, гл. V, Лихтенберг. Л., 1962.

Однако продолжить образование сразу ему не позволила крайняя нужда. И только в 1763 г., когда его мать с большим трудом выхлопотала ему стипендию у герцога Гессенского, он становится студентом Геттингенского университета (Ганновер) и изучает математику, физику и астрономию.

Несомненно, пребывание в Геттингене оказало большое влияние на духовное развитие молодого Лихтенберга. В Ганновере, связанном с 1714 г. персональной унией с Англией, гнет феодальных отношений ощущался несколько меньше,— сказывалось влияние более развитой Англии. Здесь отсутствовала, в частности, строгая цензура, а в университете преимущественное внимание уделялось опытным наукам.

После успешного завершения высшего образования, герцогский стипендиат должен был вернуться в Гессен, где он уже был назначен профессором математики. Но необходимость расстаться с Геттингеном не радовала Лихтенберга. Он добился отпуска на два года и по приглашению одного из своих знатных воспитанников-англичан дважды (1770, 1774—1775) посетил Англию. Знакомство с ней имело огромное, можно сказать решающее значение для мировоззрения Лихтенберга. Она поразила его точно так же, как Монтескье, Вольтера или Георга Форстера, который стал позже его другом и сотрудником. Лихтенберг присутствует на заседаниях парламента, изучает промышленность Бирмингама; он знакомится с исследованиями английских ученых, совершает паломничество к домику Шекспира в Стрэтфорде и к могиле известного писателя Лоренса Стерна.

Англия обогатила его знанием жизни всех классов общества: сегодня он на обеде у английского короля и некоторое время живет в его резиденции, а завтра, смешавшись с толпой, в простой одежде мастерового охотно беседует с ремесленниками, грузчиками и моряками Лондона. Вечерами же он в знаменитом Дрюри Лейне восторгается игрой бессмертного Гаррика, лучшего исполнителя шекспировских ролей. Так возникли «Письма об Англии» Лихтенберга — драгоценное свидетельство современника об искусстве артиста и горячая защита сценической правды. Английская действительность заставила его живо почувствовать разительное убожество родной Германии. Позднее, в 1786 г., уже обреченный до конца жизни на прозябание в Геттингене, он писал Гиртанеру: «Благо вам, что вы в Англии. Поистине, мое сердце кровоточит, когда я подумаю, что Англия еще существует, а я не могу в ней находиться... Человека нигде так не почитают, как в этой стране, и здесь всем наслаждаешься душой и телом, как об этом можно только мечтать при солдатских правительствах»[5]. Англия во многом

[5] «Lichtenbergs Briefe», hrg. v. A. Leitzmann u. C. Schüdekopp. Bd. II. Leipzig, 1902, S. 265.

определила его демократические убеждения, и он признавался впоследствии: «Я собственно побывал в Англии, чтобы научиться писать по-немецки» (*E 143*) [6].

«Писать по-немецки» — означало у Лихтенберга мужественно говорить правду, т. е. горячо ненавидеть феодальные порядки и, сатирически обличая их, защищать тем самым интересы народа.

Но если в сравнении с родной Германией Англия и показалась Лихтенбергу прогрессивной страной, то это не помешало ему уже и тогда почувствовать за ее блестящим фасадом общественные противоречия. Это и выразил он впоследствии в комментариях к гравюрам Хогарта

Вернувшись в Германию, Лихтенберг становится профессором физики Геттингенского университета и неутомимо занимается научной, преподавательской и литературной деятельностью. Талантливый экспериментатор, он независимо от братьев Монгольфье приходит к идее воздушного шара, и только отсутствие достаточных материальных возможностей и низкий уровень естественных наук в Германии той эпохи не позволили ему осуществить свою идею. Особенно много занимается он электричеством, великое будущее которого уже предчувствует. Его работы получают признание крупнейших ученых Европы. С глубоким уважением отзываются о нем Кант и Гете, а в 90-х годах он избирается почетным членом Российской Академии наук. На свои скромные личные средства он приобрел значительное количество физических приборов, и его лекции благодаря постоянным опытным демонстрациям, остроумному и наглядному изложению пользуются неизменным успехом у слушателей.

Одновременно он ведет большую просветительскую работу, редактируя два журнала: «Геттингенский карманный календарь» и «Геттингенский журнал науки и литературы», который он издавал одно время совместно с Г. Форстером. Подавляющее количество статей на самые разнообразные темы написано самим Лихтенбергом. Делая доступными передовые научные идеи, способствуя распространению хороших вкусов, он был постоянно озабочен тем, чтобы «хоть немного поднять тех людей, к которым спустился».

Жестокая нужда преследовала известного ученого и писателя в течение всей жизни: то он репетирует знатных английских барчуков, то вынужден заниматься корректурой или просто писать «ради выгоды», так как не в состоянии обеспечить семью. И тем не менее он всегда великодушно делился последним, помогая бедным студентам или

[6] G. Chr. Lichtenberg. Aphorismen, hrg. v. A. Leitzmann. B., 1902—1908 В дальнейшем большинство афоризмов цитируется по этому изданию.

коллегам, как, например, известному поэту Готфриду Августу Бюргеру, в судьбе которого он принял живейшее участие.

Годы 1789—1799 — самый тяжелый период в жизни Лихтенберга. Все более прогрессирует нервное заболевание, связанное с искривлением позвоночника. Он испытывает почти постоянные невыносимые боли и впадает в длительную хандру. Но самое главное — это годы трагических разочарований одинокого просветителя, годы его духовного кризиса, в немалой степени связанного с событиями французской революции. Нищета, болезнь, внутренний разлад быстро подтачивают силы писателя, который умирает 27 января 1799 г. от воспаления легких.

Жизнь писателя, внешне спокойная и небогатая примечательными происшествиями, являлась на самом деле глубокой трагедией проницательного ума, деятельной натуры и блестящего таланта, задыхавшегося в условиях феодальной Германии.

* * *

Как указывалось, большинство произведений Лихтенберга представляет собой научные труды и статьи для популярных журналов, различные наброски неосуществленных сатирических романов и памфлетов. Все это в значительной степени устарело или имеет только историко-литературное значение.

Славу Лихтенберга как выдающегося мыслителя и сатирика составляют два наиболее крупных по объему произведения — «Подробные объяснения к гравюрам на меди Хогарта» (1794, не закончено) и «Афоризмы».

Уильям Хогарт (1697—1764) — живописец, график, теоретик искусства является одним из самых значительных английских реалистов XVIII в. В серии гравюр и картин, создававшихся им с 1731 г., он выступил таким же острым критиком и бытописателем современной ему буржуазно-аристократической Англии, как и великие английские романисты этого века — Свифт, Фильдинг, Смоллет. Разврат и тунеядство высших классов, всесилие золота, лицемерие религиозной морали, комедия парламентских выборов, подкупность правосудия — вот темы его сатирических картин. И рядом — с горькой иронией и глубоким сочувствием — Хогарт изображает тяжелую судьбу бедняка. Он ведет нас на холодный чердак, где живет задавленный нуждой поэт, за кулисы странствующей труппы актеров, где только что сыгранная высокая трагедия сменяется жалкой житейской прозой; добродушно посмеивается он над забавными типами своих соотечественников, рисуя жанровые сценки шумной ярмарки, улицы, кабачка. Лорды, судьи,

полицейские, купцы, мелкие лавочники, денди и проститутки, поэты, актеры, слуги, подмастерья и бродяги запечатлены Хогартом с поразительной типичностью и богатством неповторимых индивидуальных черт и ситуаций. Хогарт обнажает оборотную сторону «процветающей» Англии.

В своих «Объяснениях» Лихтенберг не является простым и бесстрастным комментатором Хогарта. Это конгениальный ему художник, глубоко постигающий общий замысел всей серии и каждой гравюры в отдельности. Он не объясняет, а «прочитывает» Хогарта. Перед нами предстают многообразные характеры, нередко со свойственной им речью. Лихтенберг свободно фантазирует и, исходя из содержания гравюры, он создает небольшие истории, в которых мы узнаем не только о настоящем, но также о прошлом и будущем героев. Писатель тонко раскрывает значение второстепенной, но важной детали картины. Каждый комментарий превращается как бы в законченную главу большого романа о мишурном благополучии самой «свободной» и преуспевавшей тогда страны. Конкретные пояснения сочетаются с едкими замечаниями общего свойства, с сознательным стремлением к отбору материала, умением выделить существенную сторону картины. Все это поднимает повествование над уровнем эмпирического описательства и делает его «Объяснения» законченным художественным произведением.

Если «Объяснения» были опубликованы при жизни Лихтенберга, то «Афоризмы» увидели свет только после его смерти и были известны в неполном виде. Издатели собрания сочинений отобрали материал произвольно, расположив его тематически и нарушив тем самым хронологию. Это затрудняло понимание духовного развития Лихтенберга. Только в конце XIX в. известному филологу А. Лейтцману удалось обнаружить оригинальные рукописи «Афоризмов» и издать их с обширными примечаниями в том порядке, в каком они были написаны. Тетради записей Лихтенберга, относящиеся к определенным годам, обозначены буквами латинского алфавита от «*A*» до «*L*». Однако, к сожалению, к этому времени были утрачены тетради «*G*» и «*H*» с заметками десятилетия 1779—1788 и значительная часть тетради «*K*», относящаяся к 1793—1796 гг.

«Афоризмы» — своего рода дневник, записная книжка, куда Лихтенберг вносил свои мысли, наблюдения, экспромты, маленькие заготовки — этюды и заглавия для своих будущих сатирических произведений. Записи охватывают длительный период с 1765 г. по 1799 г.— год смерти писателя.

Исходный пункт Лихтенберга — резкая оппозиция ко всем существующим общественным нормам и порядкам, освященным традицией, глубочайшее недоверие и сомнение просветителя, выставляющего все

на суд Разума: «Все зло мира часто объясняется неразумным почитанием старых законов, старых обычаев, старой религии (*D 366*). Он убежден, что «если все должно стать лучше, то все должно быть по-иному»[7]. В «Афоризмах» Лихтенберг выступает против монархического деспотизма, крепостного права, религии как их духовной опоры. Среди немецких просветителей он один из немногих, ратовавших за освобождение крестьян с землей, которую он считал их законной собственностью. Он осуждает сословное неравенство, феодальные войны и колониальный разбой. Его симпатии на стороне наиболее демократической части «третьего сословия» — «божьей немилостью крепостных, негров, барщинников и пр.». Писатель призывал заниматься просвещением народа и полагал более важным разъяснять крестьянам истинные понятия о свободе, нежели «постепенно выходящие из моды предписания христианства» (*E 130*). Он защищал свободу печати, совести и мнений.

Как и для других немецких просветителей XVIII в., одним из главных вопросов, волновавших Лихтенберга, был вопрос о единстве Германии, тогда политически раздробленной и экономически отсталой. С глубокой болью и сарказмом говорит Лихтенберг об отсутствии национального сознания у немцев, которые не создали даже «общенационального проклятия или ругательства» (*C 73*). Поэтому он критикует немецкую культуру, подражающую иноземным французским и английским вкусам. Всюду подмечает он господство местных, провинциальных интересов, и немецкий характер он точно определяет в двух словах: «patriam fugimus» (*Schr. II, 119* (*G, H*).

Сознавая губительность одностороннего развития немецкой культуры, тормозившей политическую активность народа, он не уставал клеймить отвлеченность и созерцательность, трусливую инертность немецкого бюргера, его «варварский педантизм, скулящее смирение» (*F 271*). Общественную практику он предпочитал теориям и красивым словам. Это роднит его в первую очередь с такими радикальными просветителями, революционерами-демократами, как Георг Форстер или Иоганн Зейме. Лихтенберг часто говорил о силе и энергии народа, о способности его бороться с игом тирании и соглашался с аксиомой Гердера о том, что «угнетают лишь тот народ, который позволяет себя угнетать» (*J 1104*).

Именно поэтому он приветствовал французскую буржуазную революцию как «экспериментальную политику» (*L 320*).

---

[7] G. Chr. Lichtenberg. Vermischte Schriften. Göttingen, 1844—1853, in 6 Bd. Bd. I. *246* (*K*). В дальнейшем это издание цитируется сокращенно — «Schr».

Однако отношение к французской революции у Лихтенберга было противоречивым. Под воздействием ее он близко подходит к идее народоправства и считает, что монархическая форма правления уже не соответствует ныне зрелому состоянию народа, который вправе изменять свое государственное устройство (см. *J 212, 949*). «Глас народа — глас божий» (*D 10*), и вожди французской революции выразили «настроение нации» (*J 1178*).

В отличие, например, от Гете и Шиллера у него можно неоднократно встретить оправдание революционного насилия. Он доказывал, что «старые злоупотребления не так легко устранить» и что «французская революция (что бы там ни было!) оставит после себя много хорошего» (*J 1147*). Полемизируя в 1793 г. с отвлеченными представлениями тех, кто считал, что «многое в революции могло бы произойти не так насильственно», Лихтенберг восклицал: «Словно природа может предоставить осуществление своих планов метафизике!» (*J 1197*). Революцию в состоянии понять не «абстрактный человек», «с абстрактным разумом», которого никогда не существовало, а «конкретный человек, принадлежащий к определенной партии» (*Schr. I, 242—243*). Все это свидетельствует о большой политической прозорливости Лихтенберга и сближает его до известной степени с революционно-демократической линией немецкого просвещения, до известной степени потому, что рядом с этими смелыми, замечательными суждениями о революции у него можно встретить колебания и сомнения.

Как и многие другие немецкие просветители, будучи представителем разобщенного и политически недостаточно зрелого немецкого бюргерства, он осудил якобинский террор в противовес революционерам-демократам. Оставаясь по-прежнему глубоко убежденным в прогрессивном значении французского общественного переворота, он все же начал склоняться к умеренному идеалу парламентарной монархии.

В творчестве Лихтенберга нашла отражение типичная трагедия немецкого просветителя. В Германии XVIII в. в силу ее политической раздробленности отсутствовали возможности для практического свершения буржуазно-демократической революции. Большинство немецких писателей были духовно одиноки и далеки от народа. Поэтому идеи немецких просветителей нередко страдали отвлеченностью, созерцательностью, были далеки от острых политических проблем. Горькое сознание разобщенности с народом звучит и в изречениях Лихтенберга. Подобные неблагоприятные условия определяли его идейные срывы, тем более, что он не обладал таким политическим опытом, как Форстер или Зейме. Лихтенберг находился словно в заколдованном кругу: другие немецкие писатели, как, например, Гете и Шиллер в пору своей творческой юности, пытались преодолеть

немецкое убожество путем бунта «гениальной личности» (движение «бури и натиска»), а поздней, в эпоху увлечения античностью,— средствами эстетического и нравственного перевоспитания человека. Лихтенберг не считал это выходом: он отлично понимал слабость течения «бури и натиска» и опасность бегства от действительности. Вместе с тем путь революционной борьбы был для него также закрыт. Уделом Лихтенберга оказалось погружение в себя, яростная ненависть к немецкой феодальной действительности, но ненависть, высказываемая втайне, свидетельства которой хранились в ящике письменного стола. Блестящие, острые афоризмы писателя так и остались при его жизни неопубликованными, а многие сатирические произведения незавершенными. Лихтенберг, очевидно, полагал, что эти мысли вряд ли будут поняты большинством. При этом он и не видел возможности их издания в обстановке реакции, как свидетельствуют некоторые изречения и письма.

Показательно в этом смысле отношение Лихтенберга к своему бывшему другу и сотруднику Георгу Форстеру (1754—1794). В отличие от многих немецких писателей и ученых XVIII в., Форстер до конца своих дней был верен идеям французской революции. После оккупации левого берега Рейна французскими революционными войсками Форстер стал якобинцем, вождем недолго просуществовавшей Майнцской демократической республики (осень 1792 г.— весна 1793 г.). Падение Майнца, взятого прусскими войсками, вынудило Форстера остаться в Париже, где он и отдал остаток своих дней служению революции. Современная Форстеру реакционная немецкая пресса постаралась ославить его как предателя, антипатриота. Ф. Энгельс, напротив, ставил имя Форстера рядом с именем Томаса Мюнцера и относил его к «лучшим патриотам» Германии [8].

После смерти Форстера, в письме от 5 июля 1795 г. к Зёммерингу Лихтенберг писал: «Поистине, я не могу без тоски вспоминать этого человека..., так как почти еженедельно узнаю кое-что новое, проливающее свет на источник всех несчастий, его постигших. О, с какой радостью я посвятил бы ему несколько листов, если бы был бездетным, не задумывался бы о будущем, и был бы таким же свободно мыслящим и свободно пишущим человеком, как прежде! Ныне же следует ограничиться только свободомыслием. Sapienti sat».[9] В этих строках ясно выражена трагедия Лихтенберга и близкое духовное родство с Форстером, которое он ощущает. Сознание бессилия, отчаяние и пессимизм, глубокие сомнения даже в возможностях самого познания — таковы причины духовного кризиса, пережитого Лихтенбергом в по-

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 572.
[9] G. Chr. Lichtenberg. Briefe, Bd., III. Leipzig, 1904, S. 159.

следнее десятилетие его жизни. Буржуазные критики объясняли и объясняют эти настроения его неизлечимой болезнью. Болезнь, конечно, усугубляла мрачные настроения, но это была не главная и не единственная их причина. Сам Лихтенберг прекрасно понимал суть своей «болезни». Он замечал в себе ту «инертность» и «малодушие», которые были присущи его соотечественникам (см. *J 320, 321, 440, 510, 935*).

И, пожалуй, напротив, все это только усиливало его болезненную чувствительность, когда он порой доходил до мизантропии, до мыслей о самоубийстве и смерти как желанном конце. Сознание убожества подобного существования, жажда действия и невозможность найти выход — вот что порождало трагические противоречия в творчестве и мировоззрении Лихтенберга.

* * *

На протяжении всей творческой деятельности философия неизменно привлекала внимание Лихтенберга. Поэтому философские записи в «Афоризмах» занимают весьма значительное место и представляют несомненный интерес.

Лейтмотивом его философской критики является постоянное глубокое сомнение в философских догмах метафизического идеализма. Это отлично сознавал сам писатель, одно из высказываний которого могло бы служить своеобразным эпиграфом к его философии: «Если моя философия недостаточно сильна для того, чтобы сказать нечто новое, то в ней все-таки достаточно мужества для того, чтобы считать не вполне достоверным то, во что уже так давно верят» (*Schr. I, 32 (K)*.

Отсюда его неоднократные призывы подвергать исследованию признанные истины, благородный просветительский пафос неустанного познания и недоверия к современной ему отвлеченной науке. Пройдя сложный путь философских исканий (Лейбниц, Гольбах, Даламбер, Спиноза, английские сенсуалисты), Лихтенберг в 80-е годы переходит на позиции материализма в немалой степени (как Гете и Форстер) благодаря опытному изучению природы.

Осуждая стремления идеалистов объяснить мир, исходя из сознания, в отрыве от материальной действительности, Лихтенберг остроумно замечает: «Как танцмейстер и учитель фехтования никогда не начинают изучения анатомии рук и ног, так и здоровая, полезная философия должна брать свое начало из чего-то более высшего, чем эти отвлеченные умствования. *Ногу надо ставить именно так, ибо иначе упадешь* (подчеркнуто мною.— *Г. С.*). В это надо верить, потому что нелепо было бы не верить в это, и это очень хорошая основа» (*E 415*). Философию, которая берет за основу объективный мир и человеческую

практику, Лихтенберг называет «философией человеческой, а не профессорской» (*E 415*).

Поэтому он полагает, что гораздо убедительней рассуждают психологи, осведомленные в естествознании, чем те, которые начинают с психологии. Последние объясняют все явления окружающего мира совершенно неизвестными величинами — «богом», «душой» и «убивают материю», растворяя ее в духе. Материализм он образно определяет как «асимптоту психологии», из которой она должна исходить и к которой должна стремиться. Он верно предсказывал: «Наша психология в конце концов придет к утонченному материализму, по мере того, как мы все более будем, с одной стороны, познавать материю, а, с другой,— преодолевать все возможные преграды в сознании» (*F 422*).

Как ученого, как одного из активных просветителей, его особенно волновали проблемы теории познания. Следуя за английским и французским материалистическим сенсуализмом, Лихтенберг признавал ощущения первым источником познания и был убежден в познаваемости окружающего нас объективного мира. Одним из первых в Германии выступил он с критикой субъективного идеализма Беркли и Юма, а поздней Фихте. С истинно просветительской гордостью говорил он о великих успехах просвещения, которые позволяют теперь овладеть человеку за шестьдесят лет всем богатством культуры, созданной в течение пяти тысяч лет. Он призывал бесконечно расширять границы науки.

Но больше всего в проблеме познания Лихтенберга занимает связь теории с практикой, науки с жизнью. И здесь находит выражение его постоянная борьба против созерцательности идеологии немецкого бюргерства. Критерием истины он считает опыт, жизненный факт: «Нам следовало бы стремиться познавать факты, а не мнения; и, напротив, находить место этим фактам в системе наших мнений» (*D 19*). Опыт для Лихтенберга и верховный судья научной гипотезы. Ярый враг немецкого «гелертерства», он признавал лишь науку, имеющую практическое назначение: «Я всегда извиняю теоретизирование, это инстинкт души, который может быть полезен, если мы уже имеем достаточный опыт. Поэтому возможно, что все наши сегодняшние теоретические нелепости являются инстинктами, которые найдут себе применение только в будущем». (*Schr. I, 103*). И еще ясней: «Не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас» (*D 252*). Эти активные, практические устремления Лихтенберга роднят его с Гете, так отчетливо выразившим подобные же идеи в «Фаусте», они роднят его с замечательным немецким просветителем-революционером Г. Форстером и с Дидро.

Естественно, что материализм Лихтенберга был связан с атеизмом, к которому он приходит в первой половине 70-х годов. Существование бога, бессмертие души и пр. он считал «только игрой мысли..., которой может не соответствовать ничего объективного» (*Schr. I, 81* (*G, H*). Он утверждал, что мир — результат развития самой материи, а не акт божественного творчества. Поэтому для него была совершенно очевидна несовместимость разума и веры, науки и религии, и он был уверен в том, что «наш мир... станет когда-нибудь так хорош, что верить в бога будет так же смешно, как теперь — в привидения» (*D 326*). В этом кратком замечании содержится замечательная догадка об истинных корнях религии. В то время, как многие современные Лихтенбергу просветители еще наивно объясняли происхождение религии невежеством людей, Лихтенберг порой пытается пойти дальше. Он догадывается, например, о том, что социальное бытие человека, в частности, общественное неравенство является источником живущих религиозных предрассудков у угнетаемых классов: «То, что собственно делает для бедняков небесную жизнь столь привлекательной — это мысль о равенстве сословий на том свете» (*J 1177*). Следовательно, по Лихтенбергу, вера в бога — удел слабых и угнетенных людей.

Атеизму Лихтенберга свойственна та же активная, практическая тенденция, что и его теории познания. По его мнению, для своего земного счастья человек совершенно не нуждается в религиозном откровении; путь на небо гораздо проще, чем путь к счастью на земле. Мировоззрение Лихтенберга обращено именно к земле, к современной действительности и одухотворено стремлением преобразовать жизнь. Поэтому Лихтенберг подвергает уничтожающей критике все то, что препятствует этому: монашество и папство, религиозный фанатизм, священные книги, обряды, веру в чудеса и пр.

Поскольку Лихтенберга особенно интересовали проблемы познания, большое внимание он уделяет вопросам метода. Его философский метод отличается страстной жаждой вечного познания, отсутствием самоуспокоенности и презрением к метафизике, что так характерно и для Лессинга, и для Гете, и для Форстера.

В противовес метафизическому, изолированному изучению явлений природы он настаивает на изучении ее единства и взаимосвязей. В «Афоризмах» Лихтенберга можно встретить отдельные высказывания, тонко подмечающие диалектическую связь общего и единичного, великого и малого, будущего и настоящего, истины абсолютной и относительной. В некоторых суждениях он вплотную подходит к мысли о том, что развитие, движение есть единство и борьба противоположностей. Однако эти суждения во многом еще стихийны, являются наблюдениями, догадками и гипотезами ученого-физика.

Лихтенберг был современником великих и сложных сдвигов в общественной жизни, науке и промышленности в XVIII в., которые вызвали кризис старой метафизики. В немецкой классической философии постепенно зарождался новый диалектический метод. В этом процессе Лихтенберг вместе с Гете, Кнебелем, Эйнзиделем, Форстером являлся представителем той прогрессивной материалистической тенденции, которая противостояла Канту и пыталась, до известной степени, преодолеть ограниченность кантовского идеализма и французского механистического материализма XVIII в.

Кнебель и Эйнзидель — друзья Гете в Веймаре, разделявшие во многом его философские и естественнонаучные взгляды. Оба они были близки к Гердеру, плодотворные идеи которого развивали в материалистическом направлении. Карл Людвиг Кнебель (1774—1834) занимал в Веймаре должность воспитателя детей веймарского герцога. Его литературное наследство невелико, наиболее значительным его трудом являются «Очерки об интеллекте» (1788). Основной вопрос философии, совершенно ясный для Кнебеля, он разрешает в материалистическом духе, и считает мышление результатом длительного и сложного развития материи: «То, что мы называем духом, есть не что иное, как более высокая сила, основанная на свойствах природы».

Особенно интересовала его проблема органической материи, которую, по его справедливому мнению, нельзя «понять с точки зрения одной механики». Критикуя древний и современный ему материализм за механистичность, он считал, что в живой материи существуют «связи и действия более высокого типа» [10].

Август Эйнзидель (1754—1837) — сын видного веймарского придворного. Некоторое время он находился на военной службе. Позднее учился в Геттингенском университете, где слушал, между прочим, лекции Лихтенберга, и в Горной академии.

Рукописи произведений Эйнзиделя не могли быть в то время обнародованы и не сохранились; в настоящее время имеются лишь выписки из них, сделанные в свое время Гердером. Они систематически замалчивались буржуазной наукой и были опубликованы лишь в 1957 г., в ГДР [11].

Как и Кнебель, он убежденный и, пожалуй, самый последовательный из немецких материалистов и атеистов, резко и несколько односторонне выступавший против философии Канта. «Почитание подобной схоластической бессмыслицы,— писал он,— свидетельство духовного обнищания» («Ideen», S. 129). Подобно Лихтенбергу, он пытался

[10] K. L. Knebel. Literarischer Nachlaß und Briefwechsel, Bd. III. Leipzig, 1840, S. 410, 456.

[11] A. Einsiedel. Ideen. B., 1957.

понять природу с позиций диалектики, «так как в ней существует все» (там же, стр. 73), т. е. борьба противоречивых начал. Поэтому парадокс, по мысли Эйнзиделя,— свойство истины.

Его социальные идеи принадлежат к числу наиболее радикальных в Германии XVIII в., подготавливавших утопический социализм.

Г. Форстер — один из самых разносторонних и глубоких немецких умов XVIII в. Богатый опыт предохранил Форстера от отвлеченной науки и позволил стать ему выдающимся материалистом. Важнейшие его научно-философские труды: «Взгляд на единство природы» (1786), «Еще о человеческих расах» (1786), «Кук-путешественник» (1787), «О лакомствах» (1788). Еще в письме к философу Якоби (апрель 1784 г.) Форстер четко формулировал различие между ним и немецким идеалистом: «Я хочу быть, чтобы мыслить, а вы желаете мыслить, чтобы быть» [12].

В первой из указанных статей он отстаивает взгляд на природу как на единое целое, в котором каждое явление связано друг с другом. Это стремление обнаружить диалектические связи в природе и обществе характерно и для его статьи «Кук-путешественник». Отдавая должное усилиям Канта изгнать понятие бога из области рационального познания, он осуждает, однако, принцип априорности в его философии, называя Канта «архисофистом» и «архисхоластом» [13]. Специально против Канта формулировал он тезис: «Не существует никакой абсолютной свободы, как не существует абсолютного разума и абсолютной морали. Все только относительно...» [14]

В книгах «Путешествие вокруг света», «Виды нижнего Рейна» — превосходных образцах реалистической публицистики XVIII в.— Форстер высказал ряд гениальных историко-материалистических наблюдений и догадок.

Материализм и атеизм Лихтенберга не были последовательны. По собственному его признанию, начиная с 1791 г., но особенно в 1792—1793 гг. он испытывает сильные сомнения и приходит нередко к утверждениям кантианского характера.

Философские колебания Лихтенберга объясняются несколькими причинами. Общеизвестно, что английский и французский материалистический сенсуализм, под влиянием которого находился Лихтенберг, не смог в силу присущей ему метафизичности, механицизма создать глубоко научной теории познания, раскрыть сложные диалектические взаимосвязи ощущения и мышления, объекта и субъекта познания и поэтому отличался созерцательностью. Понятие опыта и практики у

[12] G. Forster. Schriften, Bd. VIII. Leipzig, 1843, S. 79.
[13] Там же, S. 28.
[14] Там же, Bd. V, S. 315.

материалистов этого времени было узким и ограниченным. Как ни примечательно обращение к опыту у Лихтенберга, он также в конечном счете разделял слабости французов и англичан, и для него оставалась не совсем понятной эта диалектика: «Как приходим мы к понятию мира вне нас? Почему мы не верим, что то, что происходит в нас, и есть вне нас. И вообще, как мы приходим к понятию дистанции? Это очень трудно развить...» (*J 1272*). И это не единственное сомнение, которое можно встретить в «Афоризмах».

Слабости теории познания Лихтенберга затрудняли для него доказательство объективного существования мира и открывали дорогу кантианскому субъективизму и агностицизму.

Подобно другим немецким мыслителям, своим современникам — например, Кнебелю, К. Ф. Вольфу, Александру Гумбольдту — Лихтенберг чувствовал также, что одними механическими законами невозможно объяснить сложное развитие органической материи. Намекая, по-видимому, на Ламетри, объявлявшего человека машиной, он писал: «Если душа (т. е. сознание.— *Г. С.*) проста, к чему такая тонкая структура мозга? Организм — машина и он должен следовательно состоять из такого же материала, как и машина. Это служит доказательством того, что механическое простирается в нас очень далеко, ибо даже внутренние части мозга построены столь искусно, что мы, возможно, не понимаем и сотой доли их» (*F 346*).

По его мнению, «поразительное воздействие мысли на тело необъяснимо, если предполагать, что мысль действует только по законам механики» (*A 53*). Оно гораздо сложней, и Лихтенберг образно уподобляет его воздействию искры на порох.

Вслед за К. Ф. Вольфом, который в своей «Теории зарождения» (1759) нанес основательный удар метафизике и идеализму в биологии, Лихтенберг также отвергал преформизм и пытался объяснить биологическую эволюцию человека не механистически, подобно Ламетри и Робине, а как развитие, которое связано и с качественными изменениями (там же, *A 53*). Эти плодотворные идеи, однако, тоже не выходили за пределы отдельных прозорливых наблюдений и свидетельствовали лишь о кризисе метафизики, о напряженных поисках передовой научной мыслью нового научного метода.

Ахиллесову пяту материализма XVIII в. видел, конечно, и Кант, подвергший исследованию саму познавательную способность человека, то субъективное начало, которое в силу созерцательности сенсуализма оставалось в значительной степени в стороне от внимания сенсуалистов. В этом, как известно, одна из исторических заслуг Канта. Это прекрасно понимал и Лихтенберг (см. *L 734*). Критический пафос Канта, стремление исследовать субъект познания как деятельное су-

щество, в первую очередь, и привлекло Лихтенберга к его философии. Так, активность мышления, которая с самого начала характеризовала научно-философские поиски Лихтенберга, нашла себе пищу в критицизме Канта. Следовательно, кантианские влияния у Лихтенберга важны не столько сами по себе, сколько прежде всего тем, что за ними скрывается его глубокая неудовлетворенность состоянием современной гносеологии и метафизической науки. Не случайно поэтому Лихтенберг ссылался на Канта: «Кант говорит где-то: разум более полемичен, чем догматичен» (*L* 268).

Однако тот факт, что Лихтенберг испытывает влияние Канта именно в первую половину 90-х годов, не является случайностью. В эту пору он переживает тот глубокий духовный кризис, который привел его впоследствии к погружению во внутренний мир и породил неверие и сомнения во всем, не исключая и основ познания. Он испытал то, против чего еще предостерегал в 80-е годы: «Сомнение должно быть не более, чем бдительностью, иначе оно может стать опасным» (*F 443*). Здоровый критицизм просветителя, свойственный Лихтенбергу прежде, грозил перейти в опасный агностицизм. Примечательно, что обращение Лихтенберга к Канту до известной степени совпадает во времени с поворотом в его политических воззрениях, в связи с осуждением якобинской диктатуры.

Политические разочарования, пережитые Лихтенбергом, в большой степени способствовали углублению и философского кризиса; он все больше склоняется к мысли о непознаваемости мира. Эти сходные явления в разных областях — свидетельство все той же исторической слабости и ограниченности немецкого бюргерства.

И тем не менее при всех колебаниях Лихтенберга материалистическая тенденция для него все же является определяющей. Ведь даже в годы наибольшего влияния на него Канта в «Афоризмах» часто встречаются утверждения ученого-естествоиспытателя, направленные против Канта.

Философские воззрения Лихтенберга не ограничены лишь познанием природы. Убежденный сторонник опыта и практики, он проявлял большой интерес и к науке об обществе, хотя таковой в современном понятии еще не существовало. Это сближает его с Руссо и Гердером, Шиллером и Форстером. Отсюда его пристрастие к истории: одна из первых его работ носила название «Характеры в истории», а одна из последних — посвящена древним германцам. Рассказ о герое Плутарха, способный вдохновить на великие подвиги, он считал более ценным, чем историю какой-нибудь бабочки. Он выступил критиком аристократизма и идеализма официальной историографии и близко подходил к мысли о том, что историческая наука должна заняться историей народа, а не отдельных правителей и завоевателей. От историка

он требовал страстного отношения к фактам, а не сухого объективистского изложения их. Историк — судья, защищающий дело народа: «Если история какого-нибудь короля никогда не подвергалась сожжению, я не желаю ее читать!» (*Schr. II, 166* (*G, H*), восклицал Лихтенберг. С этой демократической позиции и к тому же как мыслитель, не чуждый диалектике, протестовал он против бессмысленного эмпиризма в истории, книг-лексиконов и настаивал на необходимости обобщения, краткости и глубины в исторических сочинениях.

История переставала быть для Лихтенберга бессмысленной сменой цареубийств, войн, правонарушений и пр. Прошлое не казалось ему временем сплошного невежества и заблуждений. Объективной закономерностью истории для него является ее неудержимое прогрессивное развитие, несмотря на временное «движение назад или задержки» (*E 384*). Развитие истории — внутренне противоречивый процесс. Подобное понимание диалектики истории можно наблюдать и у названных выше просветителей, к которым был близок Лихтенберг.

* * *

Основой эстетики Лихтенберга является его материализм, проникнутый духом практической деятельности. Лихтенберг защищает поэтому реалистическое и активно действующее на человека искусство. Как просветитель он подчинял искусство задачам общественной борьбы и высоко ценил искусство глубоко идейное, содержательное.

Источником его, по мнению Лихтенберга, является природа, сама жизнь, и художник, следовательно, не просто регистратор жизненных явлений, а наставник и учитель, передающий людям свой богатый жизненный опыт и тем самым формирующий новую личность (см. *B 360; E 262; F 590, 1152*).

Поэтому художественная правда означала для Лихтенберга обобщение действительности. Протестуя против натуралистического копирования действительности, против чрезмерной индивидуализации и изображения второстепенных деталей, Лихтенберг писал: «Таким образом становится ясным, что делает художник, копируя лицо: он читает всегда целое и, имея перед глазами духовный образ этого целого, набрасывает его отдельные черты в мгновенном вдохновении, если можно так выразиться, не осознавая этого, и копия становится верной. Можно заключить, что подобное чтение в целом, обобщение необходимо в каждом деле и отличает талантливого человека от заурядного» (*J 1215*). Не случайно Коцебу, этого мещански-сентиментального писателя с натуралистической тенденцией, он называл «драматическим писакой». Главная цель художника — «Правда, образование и улучшение человека» (*F 590*).

Как сторонник реализма, Лихтенберг выступал в защиту светского искусства, против вмешательства в него духовенства. И поскольку мировоззрение Лихтенберга обращено к современности, проникнуто стремлением преобразовать жизнь, он неодобрительно относился к немецкому классицизму XVIII в. с его культом античности, уводившим немецкую литературу от действительности. Высоко ценя в творениях древних общественное звучание и верность природе, он, однако, замечал: «Мы пишем для человека-современника, а не для древней Греции» (*F 590*). Весьма характерно, что в «Афоризмах» Лихтенберга нет ни одного высказывания о произведениях Шиллера веймарского периода. Известна также и его весьма сдержанная оценка «Вильгельма Мейстера» Гете, в котором он находил больше идейного материала, чем поэтического.

Сущность эстетики Лихтенберга, реалистической и активной, лучше всего раскрывается в его борьбе против писателей «бури и натиска». Общеизвестна двойственность этого литературного направления, представлявшего вершину освободительных устремлений немецкого просветительства. Лихтенберг горячо осуждал слабые стороны «бури и натиска» и подвергал их едкой критике. В этом отношении он был прямым продолжателем и наследником Лессинга, точно так же критически относившегося к крайностям штюрмеров. Лихтенберг очень ясно понимал, какой глубокий общественный вред приносила расслабляющая чувствительность «бурных гениев», порождавшая пустую мечтательность, пассивных героев типа Вертера (*F 103*). Как и Лессинг, Лихтенберг отверг «хорошо написанного, но расстраивающего нервы „Вертера“» и считал лучшим местом романа конец его, где Гете убивает «труса». Лихтенберг осудил безволие таких героев, отсутствие в них деятельного и героического начала. «У них нет характера. Инертность, неразумие и неопытность...» (*F 494*). Неслучайно он рекомендовал против «Вертера» укрепляющее дух чтение биографий Плутарха.

Будучи правым в критике слабых сторон романа Гете, Лихтенберг все же прошел мимо его сильных сторон, как и вообще штюрмерства (см. *F 350*). Бунтарская антифеодальная сущность этого литературного направления не привлекла его внимания. Это несомненно говорит об ограниченности эстетических воззрений Лихтенберга.

Борясь против безыдейного, мишурного искусства рококо, против поэзии «на случай», против чувствительности литературы «бури и натиска», снижавшей ее общественную полезность, Лихтенберг был склонен порой в пылу полемики понимать полезность не только в этико-гражданском, но и в узком просветительско-утилитарном смысле и сожалел, например, почему не объявляются конкурсы на создание

научно-философских поэм, в частности, об электричестве. Эти утилитаристские тенденции, весьма, разумеется, далекие от позднейшего буржуазного утилитаризма, были свойственны в той или иной степени всему Просвещению. У Лихтенберга они полемически направлены прежде всего против субъективизма штюрмеров и эстетики Канта.

В «Критике способности суждения» Кант утверждал незаинтересованность эстетического наслаждения, доказывая, что истинно прекрасное лишено какого-либо содержания, искусство автономно, независимо от человеческой практики, а эстетические суждения субъективны. В отличие от Канта Лихтенберг писал: «Мы только там находим удовольствие, где замечаем планомерность. По крайней мере так бывает с объектами зрения и слуха... Чтобы получить удовольствие, мы именно это должны искать во всем» (*A 44*). Практическим выражением «планомерности», «правильности» и «целесообразности» для Лихтенберга была общественная полезность искусства, его гражданское назначение.

С этой позиции он подвергал язвительной критике культ гениальной, титанической личности штюрмеров, оказывавшийся порой на деле пустым оригинальничаньем. Общественно бесплодным считал он и их чрезмерный эмоциональный пафос, не чуждый позы. Он чувствовал, что за громкими фразами штюрмеров иной раз скрываются туманность и бедность мысли (см. *F 1215*).

Лихтенберг в высшей степени ценил простоту, ясность и краткость выражения. Ярко выраженный рационализм — типичное качество эстетики Лихтенберга.

Действенный характер его эстетики особенно сказывается в идее народности литературы, которую он, пожалуй, выразил столь отчетливо, как немногие немецкие писатели XVIII в. Книги, на его взгляд, должны отражать мнения простого народа. Именно поэтому он высоко ставил древних писателей и упрекал современных немецких за отсутствие у них народных мнений. Поэзия должна заниматься не формалистическим штукарством, а касаться самых злободневных вопросов, в том числе вопроса о хлебе насущном. Литература обязана быть доступной народу и просвещать его (*KA 11, L 327*). С гордостью он говорит о том, что постоянно стремился «писать для маленького человека» (*E 188, F 889*).

Сторонник народности в литературе, он клеймит сервилизм и галломанию стиля, раболепство немецких писателей перед сильными мира сего. И здесь он продолжает дело Лессинга и является соратником штюрмеров. В этой связи заслуживает особого внимания прекрасное суждение Лихтенберга о партийности, которое вполне понят-

но в устах сторонника гражданского, доступного народу искусства: «Всякая беспартийность искусственна. Человек всегда партиен и в этом вполне прав. Сама беспартийность партийна. Он был из партии беспартийных» (*F 573*).

Лихтенберг превосходно понимал причины слабостей современной ему литературы Германии: это немецкая провинциальность и тесно связанный с ней дух филистерства — порождение раздробленности и общей отсталости страны.

Он справедливо полагал, что жалкие условия немецкой действительности неблагоприятны и для создания героических образов в романе и драме. Они дают лишь материал для сатиры и комедии, которые однако создавать небезопасно, если желаешь угождать сильным мира сего (см. едкие рассуждения Лихтенберга в духе «Апокрифов» Зейме. *E 208, E 251*).

«А промышлять правдой как контрабандой — для этого мой характер слишком прям и слишком немецкий» (*B 232*). Робких и мелочных сатир Лихтенберг создавать не желал и поэтому не довел до конца многие из задуманных сатирических произведений.

* * *

Лихтенберг является выдающимся немецким сатириком и мастером афоризма.

Стиль Лихтенберга находился в соответствии с его мировоззрением и эстетическими взглядами в частности. Материалист, придававший большое значение практике в познании, и сторонник реалистического и активного искусства, он стремился создавать правдивые произведения, которые просвещали бы соотечественников, воспитывали в них гражданское сознание и ненависть к феодальной Германии. Просветительская действенность — одна из самых типичных черт стиля Лихтенберга. Подобно многим другим своим соратникам во Франции, а в Германии — Лессингу, Форстеру, Зейме, в первую очередь, он отдавал предпочтение публицистическим жанрам — очерку или статье в популярных журналах, сатире, памфлету. Эти формы Лихтенберг, очевидно, считал более злободневными и действенными. Как это и было свойственно просветителям, он не проводил резкой грани между наукой и художественной литературой и часто вводил в литературные произведения научные идеи, а науку облекал в доступную художественную форму. По образному выражению этого писателя-ученого, неизменным оружием в его борьбе были, с одной стороны, «весы», а с другой — «меч» и «позолоченная пилюля». Одним он доказывает, убеждает и утверждает, другим — убивает старое и издевается над ним. Именно поэтому он избирает такой пограничный жанр, как

афоризм, стоящий между наукой и собственно художественной литературой.

Отличаясь лаконизмом, глубиной обобщения и известной отвлеченностью мысли, афоризм по своей форме отчасти близок к научному определению или суждению, к формуле научного закона [15]. Однако афоризм не является научным суждением. В нем отсутствует его основное качество — логически исчерпывающее развитие положений. Афоризм не представляет строго законченного логического рассуждения. Убедительности афоризм стремится достичь не столько приемами строгой логики, сколько самыми разнообразными стилевыми и словесно-изобразительными средствами — лексическими, риторико-синтаксическими, особым характером тропов и пр. Это безусловно делает афоризм явлением искусства, особым литературным жанром. Поэтический колорит афоризма, лаконизм и обобщенность мысли сближают его и с пословицей, от которой он отличается субъективной окрашенностью, так как на нем лежит печать авторской индивидуальности, конкретного исторического происхождения. Поэтому часто афоризм какого-либо писателя можно понять лишь в общем контексте его творчества.

Это, однако, не исключает того, что многие афоризмы могут стать и являются общечеловеческим достоянием в той мере, в какой творчество писателя было исторически прогрессивным, народным в широком смысле слова. Афоризм приобретает силу благодаря ясности оценок жизни, поведения людей, благодаря верности мысли, обобщений и выразительной, лаконичной форме, в которую он облечен.

Выше указывалось на пестрое содержание записей Лихтенберга. Несомненно, та немецкая «болезнь» — малодушие и пассивность,— в которой признавался сам писатель, не позволила ему проявить до конца свои богатые возможности художника и, быть может, создать цельную книгу афоризмов; его меткие изречения так и остались лежать среди дневниковых и прочих заметок. Однако было бы неверно утверждать, что афоризмы Лихтенберга лишь собрание отдельных, отрывочных мыслей, не имеющих законченного характера. Это мнение распространено в немецком буржуазном литературоведении [16]. Такая постановка вопроса ведет в конечном счете к принижению идейного и художественного значения афоризмов.

---

[15] Афоризм (греч.: «отдельный отрывок», фрагмент) развился из научного суждения. У древних греков («Афоризмы» Гиппократа) и в средние века афоризмы — краткие советы, рецепты или выводы, связанные с медициной и естествознанием.

[16] См.: G. Gervinus. Geschichte der deutschen Dichtung, Bd. V. Leipzig. 1874, S. 199—200; P. Rippmann. Указ. соч., стр. 93.

Сознательно или бессознательно, но Лихтенберг стремился к фрагментарному высказыванию, афоризму [17]. Эта форма свободной записи является своего рода протестом против современной ему цеховой учености, ее многословного эмпиризма, склонности к созданию всякого рода громоздких и нередко отвлеченных систем. Несомненно, эти четкие по мысли и форме записи порождены и неприязнью Лихтенберга к расплывчатому энтузиазму литературы «бури и натиска». Совершенно очевидно также и влияние на записи Лихтенберга традиций французского классического афоризма и французской просветительской литературы с их специфическим культом «esprit». Он отлично знаком с Ларошфуко, Шамфором, Вольтером, Гельвецием, Даламбером, Руссо, неоднократно ссылается на них и восхищается их искусством. Среди немецких писателей XVIII в. он один из самых убежденных проводников боевого духа свободной французской публицистики.

Таким образом, резко критическая направленность просветительской мысли писателя находит соответствующее выражение и в особой краткой, острой и ясной форме. Это создает определенное идейно-стилистическое единство записей, несмотря на их фрагментарность.

Интересны стилевые особенности «Афоризмов» Лихтенберга, которые отчетливо выясняются из сравнения с произведениями видных мастеров этого жанра. Классиком афоризма в новое время по праву считается французский писатель XVII в. Ларошфуко. Однако его «Размышления и максимы» отражают идейные интересы именно французского абсолютистского общества, когда животрепещущими вопросами были проблемы этики, поведения человека в обществе, проблемы страсти и долга. Этой основной задаче — анализу нравственного облика современника, в первую очередь человека придворно-аристократической среды, и подчинена вся книга Ларошфуко. Со свойственной ему тонкостью, он трезво показывает деградацию светских кругов, фальшь их морали, оборотной стороной которой является эгоизм. Взгляд на человека у Ларошфуко пессимистический.

«Афоризмы» Лихтенберга — афоризмы просветителя, они значительно *шире* по своей тематике и поражают энциклопедической всесторонностью, так как просветители — «вожаки буржуазии» — решительно всё в феодальном обществе «подвергли беспощадной критике», всё выставляли на суд разума. В этом отношении «Афоризмы» Лихтенберга очень близки к «Максимам и рефлексиям» Гете, у которого, однако, отсутствует политическая тема. У Лихтенберга же она

[17] По убедительным подсчетам ученых, афоризмы составляют 64% всех записей и определяют их общий облик. Не случайно Лейтцман верно назвал записи «афоризмами».

занимает весьма заметное место. Это до некоторой степени роднит Лихтенберга с таким радикальным немецким просветителем как И. Г. Зейме, автором книги гневных политических афоризмов — «Апокрифы». Но в политической целенаправленности афоризмы Лихтенберга, конечно, уступают книге Зейме.

Там же, где, подобно Ларошфуко, Лихтенберг затрагивает вопросы этики, его воззрения на человека проникнуты типично просветительским оптимизмом.

Немалая доля высказываний в «Афоризмах» посвящена вопросам психологии личности и, в частности, проблемам самопознания. Писателя занимают сновидения, суеверия, привычки, собственные болезни, своя внешность и многое другое. Эти изречения нередко глубоко субъективны и резко отличают Лихтенберга от Гете и от Зейме. Подобный субъективизм следует отчасти объяснять исторической обстановкой, которая вызывала у писателя обостренный самоанализ. Это, конечно, сужает творчество Лихтенберга. Но при этом важно отметить, что интерес к собственному «я» часто вырастает у Лихтенберга в чисто просветительскую проблему познания человека, и сам писатель оказывается одновременно и субъектом и объектом исследования.

Большинство афоризмов Лихтенберга, как и апокрифов Зейме, построено на парадоксе. Яркая стихия парадокса является наглядным выражением критицизма, ибо парадокс здесь определяется условиями самой немецкой действительности, подсказывавшей писателю этот прием. Действительность Германии последней трети XVIII в. была глубоко парадоксальной. Отжившие свой век феодальные отношения были обречены историей, а между тем упорно продолжали существовать. Их существование противоречило понятиям «Всеобщего блага», «Разума». Кричащие противоречия самой жизни Лихтенберг и запечатлевает в своих афоризмах. Реальные контрасты богаче всяких выдумок, и писателю часто остается только фиксировать внимание читателя на этом, как, например, в следующем парадоксе, относящемся в первую очередь к крепостному праву: «Есть ли какая-нибудь разница между законностью и живодерней?» (*C 247*). Или «Не удивительно ли, что люди так часто воюют за религию и так редко живут по ее предписаниям?» (*L 701*). Совершенно естественно, что в силу резко критического характера парадоксального афоризма Лихтенберг использует в области лексики антонимы, а в структуре предложения — антитезу и различные варианты ее.

Глубоко объективный, реалистический характер парадоксов Лихтенберга и вообще просветителей отличает его от субъективных парадоксов Ницше, который постоянно любил изрекать парадоксы, в какой-то степени подражал Лихтенбергу и высоко ценил его афоризм.

«Человеческое, слишком человеческое», и особенно «Так говорил Заратустра» Ницше не что иное, как книги бесконечных парадоксов. Но нет более противоположного Лихтенбергу писателя, и это в свое время было ясно Л. Н. Толстому. В интервью одному немецкому журналисту он признавался, что «очарован ясностью, привлекательностью.., а также остроумием Лихтенберга» и не понимает, почему современные немцы пренебрегают им и «увлекаются таким кокетливым фельетонистом, как Ницше» («Русские ведомости», 1904, 13.VIII) [18].

Парадокс по самой своей природе вносит в афоризм Лихтенберга тонкое остроумие. Лихтенберг — один из самых блестящих немецких остроумцев XVIII в. Однако его остроумие всегда было глубоко содержательным, и он неоднократно подчеркивал, что остроумный оборот должен вытекать из объекта и освещать какую-нибудь сторону предмета или явления. Для Лихтенберга остроумие — средство познания действительности, а потому, следовательно, и средство обличения, критики. Между тем, еще и по сей день в буржуазной науке нередки утверждения о том, что комическое у Лихтенберга лишено какой-либо цели и есть лишь выражение чистой творческой фантазии [19].

Со свойственной ему парадоксальностью Лихтенберг доказывал, что истинные шутки большей частью весьма серьезны, между тем как серьезные высказывания и книги многих профессоров богословия и права просто смешны. Остроумие он называл «открывателем» нового, «уменьшительным стеклом», которым в области интеллектуальной сделано открытий не меньше, чем проницательностью — «стеклом увеличительным».

Глубоко содержательный характер остроумия Лихтенберг прекрасно понимал и высоко ценил Гете. В тех же «Максимах» он писал: «Произведениями Лихтенберга мы можем пользоваться как удивительнейшими волшебными палочками: там, где он шутит, скрывается целая проблема» [20].

Этот процесс познания, по Лихтенбергу, осуществляется в сближении самых далеких понятий. Отсюда и рождаются у писателя удивительно смелые и выразительные тропы — сравнения, метафоры и метонимии, построенные на оригинальных, остроумных ассоциациях — сближениях отвлеченного и конкретного, одушевленного и неодушевленного, высокого и низкого и т. п.

В основе этих сближений самых далеких понятий и явлений у Лихтенберга лежит убеждение диалектика о единстве и взаимосвязи окру-

[18] Л. Н. Толстой включил «Афоризмы» Лихтенберга в «Круг чтения», составленный из «лучших мыслей лучших писателей». Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 90 томах, т. 42, стр. 558.

[19] См.: R. Trachsler. Lichtenbergs Aphorismen. Zürich, 1956, S. 139, 152.

[20] И. В. Гете. Собр. соч., т. X. М., Гослитиздат, 1932, стр. 158.

жающего мира. Очень точно поэтому судит Лихтенберг, например, о метафоре, подразумевая ее философский смысл: «Метафора умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Все имеет свои глубины, имеющий глаза видит все во всем» (*F 366*).

Важной чертой тропов Лихтенберга, как и его парадокса, является их реалистический характер. Образы Лихтенберг черпает из самых различных областей духовного и материального мира — науки, литературы, природы, повседневного быта, военной жизни, социальных отношений и пр. Здесь сказывается подлинно энциклопедическая широта писателя.

Образы Лихтенберга поражают своей исключительной точностью и меткостью. Каждый раз писатель находит *существенное* свойство раскрываемого через троп явления, и найденный им образ делает мысль особенно острой, конкретной и наглядной. Так, разоблачая сущность религиозных чудес, он пишет: «Людям вообще труднее поверить в чудеса, чем в предания о чудесах... На чудеса следует смотреть издали, если хочешь признавать их за истинные, как и на облака, если хочешь считать их за твердые тела» (*Schr. I, 76—77* (*G, H*). В данном случае найдено адекватное чувственно-конкретное выражение истинной природы всякого чуда — его ложности, иллюзорности — и поэтому изречение так выразительно. Подобно этому и изречение *B 181*, в котором деньги красноречиво определяются метафорой как компас, позволяющий ориентироваться в обществе, где они все определяют. Аналогичные примеры можно легко умножить.

Заостряя мысль, тропы нередко преследуют и цель снизить, развенчать явление, например, в развернутом сравнении (*J 104*), доказывающем мысль о том, что религия — следствие слабости и бессилия человека.

Блестящего сатирического звучания Лихтенберг достигает также, используя гиперболу и литоту, олицетворение и аллегорию. В этом заключается одна из самых характерных особенностей афоризма Лихтенберга. Это в большинстве случаев *сатирический* афоризм. Мысль философа-просветителя основательно сдобрена ядом сатирической усмешки.

Точность образов Лихтенберга делает афоризм доступным, ясным и, следовательно, действенным.

Вместе с тем при всей точности и реализме тропы Лихтенберга поражают своей необычностью в силу ярко выраженного ассоциативного образа мышления. Поэтому можно утверждать, что они парадоксальны в своей сущности и представляют собой одно из проявлений общей тенденции его стиля — путем парадокса вскрыть реальные жизненные противоречия. Это — умение взглянуть оригинально на давно известные вещи. И когда он призывал, как философ, «высказывать свое

собственное мнение о самых обыденных вещах», «в каждой вещи стремиться увидеть, то, что еще никто не видел и о чем никто не думал» (*J 1248*), то его парадоксальные тропы были художественным воплощением этой неутомимой жажды познания писателя — ученого.

Тропы и образы в афоризме вообще, и в афоризме Лихтенберга в особенности, характеризуются еще одним качеством. Несмотря на их наглядность и конкретность, они выступают не самостоятельно, как, например, в поэтическом произведении, а подчинены отвлеченной мысли; они как бы иллюстрируют ее. Поэтому образная система Лихтенберга имеет ярко выраженную интеллектуальную, рационалистическую окраску. Это сравнения, метафоры и метонимии мысли, понятия.

Нередко они следуют за более или менее абстрактным рассуждением или предваряют его. Здесь связь с содержанием выступает особенно ясно. Вот один из многих типичных примеров: «Ныне разум поднимается над царством темных, но теплых чувств, как вершины Альп над облаками. Там они видят солнце более чистым и ясным, но там они холодны и бесплодны. Разум кичится своей высотой» (*L 404*).

Эту особенность остроумного афоризма Лихтенберга подметил Гете и видел в этом интеллектуализме выражение своеобразия немецкого характера.

В рецензии на «Дон Жуана» Байрона Гете указывал, что английский язык по своей природе представляет больше лексических и иных возможностей для извлечения сатирических и комических эффектов: «Немецкий же комизм преимущественно в мысли. Богатство Лихтенберга вызывает удивление, в его распоряжении был целый мир знаний и отношений, для того, чтобы тасовать их, как карты, и по желанию плутовски разыгрывать» [21].

Широкое использование парадокса, точность и интеллектуальный характер образа, преимущественно логический характер эпитета позволяют сделать вывод об отчетливо выраженном рационализме стиля Лихтенберга в целом.

Разновидностью этого «комизма мысли» является у Лихтенберга и расширение значения слова. И здесь проявляется рационалистический стиль писателя. Слово, имеющее не только текст, но и подтекст, делает высказывание глубоким и избавляет автора от многословия, и, как метафора и метонимия, активизирует мышление читателя. Так, в парадоксальном высказывании — «Я собственно отправился в Англию, чтобы научиться писать по-немецки» (*E 143*) — выражение «по-немецки» имеет, конечно, не узкий буквальный смысл, а употреблено в значении «писать в язвительно-сатирическом, обличительном духе».

[21] И. В. Гете. Собр. соч., т. X, стр. 617.

Продолжая сравнение афоризмов Лихтенберга и Гете, нетрудно заметить, что Лихтенберг в форме выражения острей, активней Гете, с которым его сближает преимущественно логический, определяющий характер эпитета. Однако в отличие от Лихтенберга Гете лишь изредка прибегает к остроумию, парадоксу.

Последний если и встречается у Гете, то в сравнении с парадоксом Лихтенберга ослаблен. Тропы в афоризме Гете почти отсутствуют или используются весьма сдержанно. Красота максимы Гете в глубине мысли и простоте. Сдержанность Гете не случайна. Иронической, сатирической тенденции в афоризмах Лихтенберга у Гете противостоит ярко выраженное *позитивное,* утверждающее начало даже там, где он осуждает. Примечателен в этом отношении один из его афоризмов: «Когда я хочу услышать мнение другого человека, оно должно быть позитивным, проблематичного хватает и у меня самого»[22]. В содержании и стиле афоризмов Гете проявляется практический склад натуры и мировоззрения великого писателя, идеалом которого была *деятельная,* гармонически развитая личность. Активному формированию ее и служат его изречения.

Таким образом оба писателя стремятся к одной просветительской цели, но идут разными путями.

Сопоставление стиля Лихтенберга и Гете позволяет выяснить некоторые отличия просветительского афоризма XVIII в. от классического афоризма XVII в., в частности, от афоризма Ларошфуко. Автор «Максим и размышлений» со всем присущим XVII в. духом рационалистического объективного анализа безжалостно и до известной степени бесстрастно констатирует пороки своего времени и уже тем самым осуждает их. Лихтенберг не удовлетворяется этим. Он активно, различными сатирическими средствами высказывает к ним свое отношение. Больше того, афоризмы Лихтенберга и Гете содержат почти всегда позитивный, чисто просветительский акцент, грубо говоря, известный дидактизм, отсутствующий у Ларошфуко.

Лихтенберг поучает, наставляет, беседуя с читателем более эмоционально, чем Гете. Отсюда нередко вопросительная или восклицательная интонации, также отсутствующие у Ларошфуко, широкое использование модальных форм или оборотов, короче, *побудительная* интонация, а порой открытый призыв — обращение или девиз. Не издав своих записей, Лихтенберг в глубине души постоянно вел разговор с читателями и считал, что «почти невозможно написать что-нибудь хорошее, не представляя себе при этом кого-нибудь, иногда даже целую группу людей, к которым обращаешься с речью» (*L 614*). По

[22] J. W. Goethe. Maximen und Reflexionen. Leipzig, 1953, S. 84, № 499.

страстности речи он порой напоминает Зейме, автора «Апокрифов». Активный характер афоризмов Лихтенберга необходимо особенно подчеркнуть, ибо некоторые работы буржуазных ученых, которые лишают творчество писателя радикального общественного содержания, определяют афоризмы как глубоко субъективную форму исследования внутреннего «я», беседу с самим собой, «не преследующую никаких целей» [23]. Страстность Лихтенберга сказывается и в известном субъективизме его афоризмов. Этот субъективизм, как указывалось, имеет у писателя свои причины, но в нем безусловно чувствуется и темперамент, убежденность борца-просветителя.

Поэтому так часто встречаются у Лихтенберга и личные формулы — «я полагаю...», «я думаю...». Ряд его изречений возникает как обобщение какого-то конкретного *личного* наблюдения жизненного факта, человека, или же это внезапный результат мысли при чтении книги и пр.

Ларошфуко всегда строго объективен и постоянно стремится к обобщению. Личные формулы у него отсутствуют, напротив, постоянно встречаются слова обобщающего характера: «мы», «люди», «человек» и пр. В силу этого афоризмы Ларошфуко часто более лаконичны. Страстность Лихтенберга, его позитивные устремления и желание осмеять явления влекут за собой, напротив, некоторую *пространность* записи. Это своего рода диалог с самим собой или настойчивое стремление поделиться мыслями с читателем, убедить его. Поэтому просветительский афоризм у Гете и, особенно, у Лихтенберга уже значительно отличается от классической формы афоризма. Он тяготеет к *свободной записи мысли, идеи* [24], предвосхищая тем самым в дальнейшем, в XIX в. фрагменты романтиков, мысли и идеи Гейне, афоризмы Шопенгауэра. Поэтому и по форме эти заметки весьма разнообразны — от краткого девиза, *лаконичной записи* внезапной мысли или образа, отточенного изречения до более обстоятельного фрагментарного размышления или наблюдения.

Наряду с парадоксом, оригинальными тропами, расширением значения слова важным средством сатиры Лихтенберга является ирония. Она органически присуща его стилю, ибо, по меткому выражению Фр. Шлегеля: «Ирония есть форма парадоксального» [25]... «...В иронии, — писал немецкий романтик, — все должно быть шуткой и все

---

[23] R. Trachsler. Lichtenbergs Aphorismen. Zürich, 1956, S. 49, 21.

[24] Некоторые издатели сборников афоризмов Лихтенберга называют его записи «мыслями». См.: G. Chr. Lichtenberg. Gedanken, hrg. v. W. Jagow. Weimar, 1950.

[25] Fr. Schlegel. Schriften und Fragmente. Stuttgart, 1956, S. 84.

должно быть всерьез; все — простодушно откровенным, и все — глубоко притворным»[26].

Ирония Лихтенберга весьма разнообразна — от легкой сатирической насмешки до сарказма, напоминающего «Апокрифы» Зейме: «Я хотел бы когда-нибудь написать историю человеческой живодерни. Я полагаю, что мало искусств в мире столь рано достигли полного совершенства, как именно это, и ни одно из них не является столь распространенным» (*Ged. 81*).

И все же между изречениями обоих писателей есть существенное различие.

Подавляющее большинство афоризмов Лихтенберга отличается остроумием, тонкой иронией, напоминающей порой манеру Свифта. Подобно последнему он считал «лучшим видом иронии — тот, когда защищают дело, которое невозможно защитить, пускают в ход доводы, полные сатирической горечи, при этом часто приводят цитаты и объясняют их» (*KA 12*). Лихтенберг почти всегда острит, никогда не выходя из себя. Напротив, у Зейме ирония большей частью едкая, это сарказм в его, так сказать, чистом виде. Его афоризмы не осмеивают, а гневно бичуют. Короче, в афоризме Лихтенберга всегда больше иронического смеха, в афоризме Зейме — гнева. Тон речи Зейме серьезней тона Лихтенберга, он прямей и экспрессивней его.

* * *

Исторически Лихтенберг несомненно является ближайшим продолжателем дела Лессинга. Его роднит с ним резко оппозиционное отношение к немецким феодальным порядкам, ярко выраженный рационализм, материалистические тенденции и религиозное свободомыслие. Он близок Лессингу и своей борьбой за реалистическое и активное искусство, за национальную немецкую литературу, ему близка лессинговская неутомимая жажда познания и отвращение ко всякому метафизическому умозрению и догматизму, ему свойственны лессинговская ясность и острота стиля, полемическая страстность, и такое же влечение, как и у Лессинга, к формам свободной философской публицистики[27].

Однако Лихтенберг — младший современник Лессинга, творящий в эпоху французской революции и дальнейшего углубления противоречий феодального строя.

---

[26] Fr. Schlegel. Schriften und Fragmente, S. 86.

[27] О связи стиля Лихтенберга со стилем Лессинга см.: Г. М. Фридлендер. Лессинг. М., 1957, стр. 184.

Это вносит новые черты в его творчество: элементы того радикализма, который роднит его отчасти и с революционными демократами — Форстером, Зейме[28]. Неслучайно он так преклонялся перед Лессингом и был известное время соратником Форстера. Еще Герцен прозорливо отметил глубокое духовное родство этих трех писателей, когда писал о Форстере: «жизнь полная выше гениальной односторонности. Форстер никак не мог сдружиться... с жизнью немецких ученых, он истинную симпатию нашел в одном Лихтенберге. Они были прямые продолжатели Лессинга»[29].

Таким образом содержание и стиль афоризмов показывают, что Лихтенберг связан тесными и многообразными нитями с современной ему немецкой литературой. Это опровергает распространенное в буржуазной науке мнение о Лихтенберге как странном исключении, писателе, стоящем в стороне (Außenseiter) от общего потока немецкого просвещения[30].

Но Лихтенберг был вынужден вести замкнутую жизнь кабинетного ученого в условиях провинциального Геттингена. Хотя его отличали живой интерес к политическим вопросам, практический уклон мировоззрения, он все же не смог подняться на идейную высоту революционной демократии. Он остановился где-то на полпути. Его постигла участь многих немецких писателей, побежденных немецким убожеством.

Понимая историческую трагедию Лихтенберга, передовые читатели ценят в нем наследника традиций великого Лессинга, блестящего сатирика и смелого, оригинального мыслителя, творчество которого проникнуто жаждой практической деятельности на благо единой и демократической Германии.

* * *

Настоящая книга является сборником избранных афоризмов Георга Кристофа Лихтенберга.

При отборе афоризмов учитывалось, разумеется, их идейно-эстетическое значение и тот интерес, который они могут вызвать у современного советского читателя. Однако поскольку афористические

[28] Примечательно, что Лихтенберг с сочувствием отозвался о стихотворении Зейме «Элегия на празднике в Варшаве», заклеймившем раздел Польши. Одобрял он и книгу друга Зейме — Г. Меркеля о бедственном положении крепостного люда в Лифляндии, книгу, испытавшую влияние идей Радищева. См. *L. 23.*

[29] А. И Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. II. М., Изд-во АН СССР, стр. 330.

[30] Даже в изданных недавно в ГДР «Erläuterungen zur deutschen Literatur Aufklärung» (B., 1958) творчество Лихтенберга характеризуется как творчество «отчужденного одиночки» (Einzelgänger, S. 580).

записи Лихтенберга подчас перегружены устаревшим и второстепенным материалом самого разнообразного свойства, известная часть афоризмов приводится в сокращенном виде [31].

Большинство немецких изданий афоризмов построено по тематическому принципу, который не позволяет установить время их создания. От этих сборников выгодно отличается критическое издание афоризмов под редакцией А. Лейтцмана, которое воспроизводит записи в строго хронологическом порядке. Однако в этом случае трудно представить взгляды писателя по отдельным вопросам, так как различные записи следуют подряд по мере их возникновения. Поэтому в данной книге выдержан хронолого-тематический принцип, по которому построены некоторые лучшие последние издания ГДР. Это дает возможность представить себе мировоззрение Лихтенберга в целом и вместе с тем проследить его идейное развитие.

---

[31] Почти все немецкие издания избранных афоризмов справедливо исключают громоздкий материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Для составления сборника основным источником послужило научно-критическое издание афоризмов под редакцией Альберта Лейтцмана — G. Chr. Lichtenberg. Aphorismen hrg. v. A. Leitzmann. B., 1902—1908. Нумерация большинства афоризмов дается по Лейтцману: буквы латинского алфавита обозначают тетрадь рукописи, цифра — порядковый номер изречения в тетради.

Тетрадь «*A*» содержит записи, относящиеся к 1765—1770 гг.; «*B*»: июнь 1768—август 1771; (дополнения к первым двум тетрадям — тетрадь «*KA*»); «*C*»: сентябрь 1772 — август 1773; «*D*»: август 1773 — август 1775; «*E*»: июль 1775 — декабрь 1775; «*F*»: апрель 1776 — январь 1779; (дополнение к тетради «*F*» — тетрадь «*RA*»); «*J*»: январь 1789 — апрель 1793; «*L*»: октябрь 1796 — февраль 1799.

Рукописи тетрадей «*G*» и «*H*» (февраль 1779 — декабрь 1788), а также часть тетради «*K*» (1793—1796) в издании Лейтцмана отсутствуют, так как они были утрачены. Возможно, их уничтожили родственники и издатели наследства писателя, потому что (как имеются основания предполагать) эти тетради содержали весьма острый политический материал, относящийся к бурному предреволюционному десятилетию и к периоду высшего подъема французской революции. Сыновья Лихтенберга, издатели его собраний сочинений в 1844 г., очевидно еще располагали рукописями этих тетрадей, так как опубликовали часть этих изречений. Поэтому для данного сборника были также использованы издания: G. Chr. Lichtenberg. Vermischte Schriften. Göttingen, 1844—1853 in 6 Bd. (цитируется сокращенно — «Schr.»); G. Chr. Lichtenberg. Vermischte Schriften. Göttingen, 1800—1806, in 9 Bd. (цитируется сокращенно — «Schr. in 9 Bd.»). Римская цифра указывает том, арабская — страницу.

Помимо этих основных изданий несколько изречений взяты из книг: «Aus Lichtenbergs Nachlaß», hrg. v. A. Leitzmann. Weimar, 1899 (цитируется сокращенно — «Nachl.»); G. Chr. Lichtenberg. Gedanken, hrg. v. W. Jagow. Weimar, 1950 (цитируется сокращенно — «Ged.») и журнала «Göttingischer Taschenkalender für das Jahr 1791».

Политика

[1] *Ландау* — город в западной Германии, в земле Рейн-Пфальц.

[2] *Талер* — старинная немецкая серебряная монета. Первоначально чеканилась в Богемии, в Иоахимстале (XVI в.). Впоследствии в Германии «талерами» начали называться многие монеты различного достоинства.

[3] *Луидор* — старинная французская золотая монета. Впервые отчеканена при короле Людовике XIII.

[4] *Corpus juris*, точней, corpus juris civilis — кодекс гражданского права, составленный при византийском императоре Юстиниане (VI в.). Имел широкое рас-

пространение во всех странах феодальной Европы. В основе этого кодекса лежит римское гражданское право, охраняющее частную собственность.

Отрывок направлен против Ионаса Кункеля (ум. 1768) — невежественного букиниста и антиквара в Геттингене, который являлся неоднократным объектом сатиры Лихтенберга. Последний написал после его смерти шуточный некролог и собирался сатирически изложить его биографию. Данное изречение представляет пародийное наставление этого невежественного букиниста своему наследнику, в котором он рекомендует ему оценивать книги по их внешнему виду. Однако, как это видно из текста, ирония Лихтенберга двойственна и содержит также явный политический выпад против правосудия в Германии.

[5] *Карл VI* — германский император (1711—1740).

[6] *Sa majesté très Voltairienne* (франц.) — «Его весьма вольтерьянское величество». Иронический намек на лицемерное вольнодумство Фридриха II, короля Пруссии, солдафона и деспота, желавшего прослыть «королем-философом». Некоторое время он поддерживал отношения с энциклопедистами, в том числе и с Вольтером.

[7] ...*Мы не создали даже общенационального проклятия.* Это изречение представляет примечание из статьи Ю. Мёзера «Предложение о создании компании по торговле хлебом на Везере» (1770). Möser J. Sämtliche Werke, Bd. I. B., 1842, S. 386. Мёзер Юстус (1720—1794) — немецкий публицист и историк, экономические и политические взгляды которого были весьма противоречивы и отражали в конечном счете отсталость немецкого бюргерства. Враг феодального деспотизма и бюрократии, он, однако, идеализировал средневековую крестьянскую общину, цеховое ремесло, мечтая в то же время о таможенном объединении Германии. Главные его труды — «История Оснабрюка» («Osnabrückische Geschichte», 1768); «Патриотические фантазии» («Patriotische Phantasien», 1775—1786).

[8] *Земский мир* (Landfriede) — попытки ограничения и запрещения феодальных междоусобиц в Германии на определенный срок. Попытки эти предпринимались время от времени германским императором, имперским сеймом, союзами городов, однако по существу остались безуспешными.

[9] ...*«хлебом насущным» для сотен людей* — иронический намек на молитву «Отче наш»: «...Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

[10] ...*и кромсал все то, чему угрожала виселица* — по-видимому, намек на смелые места в рукописях писателя, которые могли быть запрещены цензурой.

[11] ...*я нацарапаю это на стене щипцами...* — намек на Иогана Якоба Мозера (1701—1785), профессора права Тюбингенского университета. В 1758 г. за смелую защиту прав сословий герцог Вюртембергский приказал бросить Мозера в крепость, где он томился шесть лет без суда и следствия. В строгом одиночном заключении, лишенный права писать, он писал на стене щипцами для снятия свечного нагара.

[12] ...*так же «горды, мужественны и верны», как и мы, немцы...* — иронический выпад против немецкого национализма, утверждавшего, что «гордость» (Stolz), «мужество» (Tapferkeit) и особенно «верность» (Treue) — добродетели, присущие якобы только немецкому народу. Впоследствии над этими «добродетелями» немецкого национализма будет издеваться Генрих Гейне, осмеивая покорность немецкого народа своим господам:

Как липа и дуб, мы верны и горды,
Мы тем и горды, что дубово-тверды.
В стране дубов и лип едва ли
Потомков Брута вы встречали.

(«К успокоению», перевод В. Левика)

[13] *Метафизические хитросплетения* — т. е. философские хитросплетения.
[14] *Тайберн* — место казни преступников в Тауэре, лондонской крепости, служившей в XVIII в. тюрьмой.
[15] *Миддлсекс* — графство в Англии, куда входил в XVIII в. и Лондон.
[16] *Мавры* (греч., буквально «темнокожие») — европейское наименование североафриканских арабов-мусульман. В североафриканских государствах (Алжир, Марокко и др.) были распространены в прошлом пиратство и работорговля.
[17] *...Места, где правит Георг* — Георг III, король Англии и курфюрст ганноверский (1738—1820).
[18] *...которое благословил Мюнхгаузен.*— Мюнхгаузен Герлах Адольф (1688—1770), ганноверский министр, основатель Геттингенского университета (1737) и первый его куратор. Лихтенберг был профессором Геттингенского университета.
[19] *Лорд Джордж Жермен,* граф Гилфорд Фридрих Норт (1732—1792) — премьер-министр Англии (1770—1782), член партии вигов, ярый противник независимости североамериканских колоний. В период его правления началась война американского народа за независимость.
[20] *Война в колониях.* Война американского народа против Англии, за независимость.
[21] *...они должны бы подать на них жалобу, по примеру вюртембержцев.* Во время правления Карла-Евгения (1737—1793), жестокого и расточительного герцога Вюртембергского, собрание сословий вело против него длительную двадцатилетнюю борьбу и подало жалобу на него в имперский совет в Вене.
[22] *Так же как высшее право...* В афоризме Лихтенберг обыгрывает крылатое латинское изречение, возникшее еще в средние века: summum jus — summa injuria,— «высшее право — высшая несправедливость».
[23] *Эдикт о цензуре* — имеется в виду изданный 19 декабря 1788 г. прусским министром Вельнером, отъявленным мракобесом, указ о строжайшей цензуре, целью которого было поставить под надзор церкви всю духовную жизнь Пруссии и воспрепятствовать тем самым распространению революционных идей, в особенности идей энциклопедистов.
[24] *биографию прусского короля* — имеется в виду прусский король Фридрих II (1712—1786). См. прим. 6 на стр. 187.
[25] *Мерсье Луи Себастьян* (1740—1814) — французский просветитель, последователь Руссо.
[26] *Рейналь Гийом* (1713—1796) — французский историк, деятель просвещения.
[27] *...cogito ergo sum* (лат.) — «Я мыслю, следовательно, я существую». Основное положение родоначальника рационализма нового времени, французского философа Рене Декарта (1597—1650). Философия Декарта оказала влияние на культ Разума просветителей XVIII в., идеи которых подготовили французскую революцию.
[28] *à la Bastille!* (франц.) — «На Бастилию!» — призыв французских революционеров, ринувшихся 14 июля 1789 г. на штурм Бастилии, парижской крепости-тюрьмы, являвшейся символом феодального абсолютизма. Призывы к восстанию раздавались накануне штурма в саду дворца Пале-Рояль (Palais Royal), где происходили революционные митинги.
В изречении Лихтенберга слышится и оттенок горечи. Писатель сознает невозможность для его соотечественников совершить этот решительный «скачок» от передовой теории к революционной практике.
[29] *Сити* — центральная часть Лондона, в которой сосредоточены торговые компании, биржи, банки. В XVIII в. купцы и торговцы Сити образовывали различные корпорации.

[30] *pro rege* с *pro grege* (лат.). здесь: защиту правителя с защитой народа. В изречении содержится намек на идею народоправства, народного суверенитета, развитую Ж. Ж. Руссо в его «Общественном договоре».

[31] *О первых двух людях...* — имеется в виду библейский рассказ о сотворении Адама и Евы.

[32] *Кто-то должен теперь попробовать сочинить что-нибудь и о двух последних* — горькая ирония Лихтенберга. Писатель имеет в виду угнетенный и бедный люд, «последнего человека», с точки зрения господствующих классов, и, увы, действительно «последних людей» по своему ужасному положению.

[33] *С тех пор, как он получил пощечину...*— в немецком тексте игра слов: «начальство, власти» (Obrigkeit) и «пощечина» (Ohrfeige). В русском переводе, чтобы сохранить эту игру слов, используются до некоторой степени адекватные выражения — «пощечина» — «правительство».

[34] *Прекрасно говорит Гердер...* это высказывание Гердера см. в кн.: J. G. Herder. Sämtliche Werke. Bd. 13. Suphan, S. 381.

[35] *Кохинхина* — название, данное колонизаторами южной части Вьетнама.

[36] *Борн Игнац, фон* (1742—1791) — австрийский геолог и минералог, известный своей антиклерикальной сатирой «Монахология» (1783).

[37] *...и против Польши.* Имеется в виду второй раздел Польши (март 1793), осуществленный Пруссией и Россией.

[38] *«Всеобщая литературная газета»* — газета, издававшаяся с 1785 г. в г. Иене.

[39] *Калабрия* — южная область Италии, где часто происходили землетрясения.

[40] *Я прочитал прекрасное замечание в одной из статей «Шлезвигского журнала»...* «Шлезвигский журнал» — один из радикальных журналов той эпохи. Возник он из «Брауншвейгского журнала», который издавался в 1790—1791 гг. известным демократическим журналистом И. Г. Кампе. Из-за преследований правительства, нападок реакционной прессы, давления цензуры издание журнала было перенесено в 1792 г. в г. Альтону (Шлезвиг), который принадлежал тогда Дании.

Здесь царила несколько бо́льшая свобода слова. Журнал начал выходить под иным названием — «Новый Брауншвейгский журнал», а с 1793 г.— «Шлезвигский журнал, бывший Брауншвейгский». В конце 1793 г. он прекратил свое существование. Одним из самых видных сотрудников журнала был убежденный сторонник французской революции Якоб Мовильон. Однако казнь Людовика XVI и якобинский террор вызвали колебания даже среди сотрудников этого радикального журнала, что, по-видимому, и отразилось в статье, упоминаемой Лихтенбергом. Эта анонимная статья была помещена в журнале за 1793 г. № 1 и озаглавлена: «Различно ли нравственное содержание одного и того же поступка, совершаемого господами и людьми из низших классов общества?» Изречение Лихтенберга — почти точная цитата из статьи (стр. 472—473).

[41] *По поводу современной анархии во Франции и разногласий в национальном Конвенте...*— по-видимому, имеется в виду борьба якобинцев и жирондистов в Конвенте в связи с принятием 4 мая 1793 г. так называемого первого максимума — твердых цен на зерно. Этот декрет, принятый Конвентом под давлением народа и при поддержке якобинцев, был направлен против спекуляции зерном буржуазией и вызвал бешеное сопротивление депутатов-жирондистов. После принятия декрета жирондисты начали усиленно развивать контрреволюционную деятельность в провинции, вступили в заговор с роялистами, осуществили контрреволюционный переворот в Лионе, подготовили восстание в Марселе и Тулоне. Несколько ранее, в марте 1793 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж в Вандее, подготовленный эмигрантами-роялистами.

[42] *Ни одна борьба...* Речь идет о французской революции.

[43] *...чем прежде так гордилась Испания...* Испанские короли XVI—XVII вв., имевшие большие колонии в Америке, гордились тем, что в их империи никогда не заходило солнце.

[44] *В настоящее время гробом господним французской монархии...* — имеются в виду походы контрреволюционной коалиции против Франции. Лихтенберг иронически сравнивает эти походы с крестовыми походами за овладение «гробом господним» в Иерусалиме. Париж, где в ходе революции была похоронена монархия,— новый «гроб господень» для аристократии и духовенства XVIII в.

[45] *Люди ожидают так много от Америки...* Изречение относится, по-видимому, ко времени борьбы американского народа за независимость.

[46] *...три класса.* Здесь перефразировка и переосмысливание известного выражения *ora et labora* (лат.) — религиозного предписания: «молись и трудись». Лихтенберг иронически варьирует его.

1 класс: *neque ora neque labora* — «не молись и не трудись», т. е. дворянство;
2 класс: *ora et non labora* — «молись, но не трудись», т. е. духовенство;
3 класс: *ora et labora* — «молись и трудись», т. е. бюргерство и простой народ, которые, по мнению Лихтенберга, и являются единственно полезным классом общества.

[47] *Меркель Гарлиб Хельвиг* (1769—1850) — немецкий писатель, родившийся и живший долгое время в Лифляндии, автор книг «Латыши в Лифляндии на исходе философского столетия», «История латышей» (1797), в которых резко выступил против бедственного положения крепостного люда и угнетения латышского народа остзейскими юнкерами. В книге сказалось влияние идей Радищева. Меркель был другом выдающегося немецкого публициста и поэта, революционера-демократа Иоганна Готфрида Зейме (1763—1810), который высоко ценил книгу Меркеля и под ее влиянием написал ряд смелых произведений («Элегия на празднике в Варшаве» и др.).

Изречение Лихтенберга содержит явный политический намек и имеет в виду образ жизни и нравы немецкого дворянства. Интерес к книге Меркеля примечателен для характеристики мировоззрения Лихтенберга, некоторых связей его с радикальной линией немецкого просвещения.

[48] *«Политический зодиак, или Знамения времени» Гуэргельмера.* Действительным автором книги является немецкий якобинец, публицист и сатирик Андреас Георг Фридрих Ребман (1768—1824), который из-за постоянных преследований вынужден был пользоваться псевдонимами, а впоследствии эмигрировать во Францию.

[49] *Окна просвещения... обложены тяжелым налогом.* В эпоху феодализма в Германии с окон взимался налог, потому что количество окон в доме было показателем зажиточности налогоплательщика.

[50] *Когда-то крестили колокола...* — В прошлом, согласно давнему обычаю, вновь отлитые колокола в Германии крестили и называли их каким-нибудь женским именем (по-немецки колокол — слово женского рода).

[51] *Великолепное замечание...* Речь идет об острой антидворянской сатире Эмануэля Фодере «О зобе и кретинизме. Для врачей и философов». Перевод с французского. Берлин, 1796.

[52] *Германия отнеслась к нехристианской Франции...* В изречении имеются в виду два крупных поражения антифранцузской контрреволюционной коалиции, в которую входили Пруссия, Австрия и другие германские государства.

В 1795 г. по Базельскому миру Пруссия лишилась владений на левом берегу Рейна, оккупированном французами, а в 1797 г. по мирному договору в Кампоформио Австрия уступила Франции Бельгию, признала образование зависимой от Франции Цизальпинской республики (сев. Италия) и согласилась

содействовать закреплению за Францией левого берега Рейна. Выражение «нехристианская Франция» содержит намек на антикатолические «культ Разума» и «культ Верховного существа», установленные во Франции в период якобинской диктатуры и Директории.

[53] *Француз сражается, эмигрант идет сражаться.* Имеются в виду французские революционные войска, победоносно сражавшиеся с армией контрреволюционной коалиции, состоявшей большей частью из французских аристократов-эмигрантов.

[54] *Жерминальское пиво.* Жерминаль — весенний месяц республиканского революционного календаря (21 марта — 19—20 апреля).

[55] *Флореальские котята.* Флореаль — также весенний месяц этого календаря (с 20—21 апреля — 19—20 мая).

[56] *Свобода прессы и кофейных мельниц.* В Пруссии и в некоторых других немецких государствах в конце XVIII в. была введена монополия на продажу кофе и обработку кофейного зерна. Лихтенберг иронизирует: для немецкого ограниченного обывателя отмена кофейной монополии равносильна борьбе за свободу слова.

[57] *Бонапарт превратил Ломбардию в ломбард.* Лихтенберг осуждает итальянский поход Наполеона, знаменовавший превращение прогрессивных революционных войн в завоевательные. Отвоеванная Бонапартом у Австрии Ломбардия была превращена в Транспаданскую республику, а в июле 1797 г. ее присоединили к Циспаданской республике, которая вскоре была преобразована в Цизальпинскую республику. Наполеон свободно распоряжался Ломбардией, обложил население высокой контрибуцией, а французские войска грабили богатства Италии.

[58] *...некоторые тома in quarto. In quarto* — книга в $^1/_4$ печатного листа; *in folio* — книга в размер печатного листа. Изречение пародирует официальное сообщение о возведении в дворянское достоинство или в какой-нибудь чин.

[59] *Ça ira, ca-ira, Каир.* В каламбуре Лихтенберг осмеивает постепенное превращение революционных войн Франции (революционная песня Ça ira! — «Дело пойдет на лад!») в завоевательные войны (египетский поход Наполеона).

Философия. Наука

[1] *Довод против материалистов, выдвинутый господином Унцером...* В еженедельнике «Врач», издававшемся в Гамбурге (1759—1764) Унцером, была помещена статья (т. IV), подробно развивавшая аргументы против механистического материализма. Ее заключение (стр. 288) перекликается с мыслями Лихтенберга: «Если дело обстоит именно так, то как же могло Оффре де Ламетри прийти в голову, что человек в целом, животное в целом, является исключительно машиной, и его сознание — машина? Как же может старик считаться тем же, чем он был в юности, если с той поры уже не осталось в нем ни одной части организма, не претерпевшей изменений? И как могут изменившиеся части старческого организма считаться тем, что прежде состояло из совершенно иных частей?»

[2] *Фонтенель Бернар ле Бовье* (1657—1757) — французский писатель и ученый, предшественник раннего французского просвещения, скептик и вольнодумец, защитник опытного знания.

[3] *Катилина Луций Сергий* (108—62 г. до н. э.) — римский сенатор, заговор которого против римской республики в 63 г. до н. э. раскрыл Цицерон.

[4] *Полгульдена.* Гульден — старинная немецкая монета, первоначально золотая, впоследствии серебряная.

[5] *Professor philosophiae extraordinariae* (лат). — профессор экстраординарной философии. Каламбур построен на перестановке слов, указывающих должность: «экстраординарный профессор философии».

[6] *Мать говорит это...* Изречение иронически направлено против догматизма, устоявшихся неверных мнений.

[7] *Будущее должно быть заложено в настоящем...* Мысль свидетельствует о влиянии на Лихтенберга плодотворных диалектических идей философии Лейбница, с которой он был основательно знаком. Изречение Лихтенберга перекликается с так называемым «законом непрерывности» (lex continui — *лат.*), который Лейбниц формулировал следующим образом: «Все во вселенной находится в такой связи, что настоящее всегда скрывает в своих недрах будущее, и всякое данное состояние объяснимо естественным образом только из непосредственно предшествовавшего ему» (Leibnitz G. W. Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie, Bd. II, 1906, S. 75).

[8] *...как Сенека о кометах.* Римский писатель Сенека (I в. н. э.) в своей книге «Естественнонаучные вопросы» (кн. 7) одним из первых высказал предположение, что кометы — явление небесное и утверждал, что со временем люди научатся их предсказывать так же, как и затмения.

[9] *О превращении воды в вино...* Имеется в виду чудо, якобы совершенное Христом во время брачного празднества в Кане Галилейской. В этом изречении Лихтенберг противопоставляет чуду возможность подобного превращения научными средствами.

[10] *Так осмеют нас... наши родичи — и ангел, и обезьяна.* Лихтенберг неоднократно высказывал мысли о природном родстве человека и обезьяны. См., например, *B 103*, стр. 32.

[11] *Искать, в чем родственны две вещи...* Эта и ряд подобных идей (см. *F 146*, стр. 45; *F 474*, стр. 47) — также свидетельства влияния на Лихтенберга диалектики Лейбница, который, правда, «через теологию» (Ленин) приходил к обнаружению связи единичного со всеобщим.

[12] *...когда самая большая мудрость заключалась в сознании, что ты ничего не знаешь.* Имеется в виду изречение философско-скептического характера, приписываемое Сократу.— «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

[13] *...или каждое из них, так сказать, заполняет всякий раз весь мозг? А если оно занимает только отдельные малые его доли, то одинаковы ли они у всех людей?* В этом и некоторых других афоризмах Лихтенберга (см. *E 456*, стр. 44; *E 493*, стр. 44 и др.) отчетливо сказывается влияние английского философа-материалиста Дэвида Хартли (1705—1757) и, возможно, французских сенсуалистов — Этьена де Кондильяка (1715—1780), Жюльена Оффре Ламетри (1709—1751), которые совместно с Хартли явились основоположниками так называемой ассоциативной психологии, пытавшейся объяснить материалистически процесс мышления. Труды этих философов были хорошо известны Лихтенбергу, он неоднократно ссылается на них.

Согласно учению Хартли, изложенному в его основном сочинении «Размышления о человеке, его строении, долге и упованиях» (1749), психическая деятельность человека есть результат воздействия внешних объектов на наши органы чувств. Под влиянием этих объектов возникают вибрации, колебательные движения мельчайших частиц нервов и мозгового вещества. Эти вибрации, в свою очередь, вызывают ощущения, лежащие в основе всех наших идей, даже самых сложных. Разнообразие этих идей зависит от интенсивности, скорости и амп-

литуды вибраций, а также и от *локализации их в мозгу*. Различные вибрации могут воздействовать друг на друга, сочетаться друг с другом, благодаря чему возникают представления-ассоциации.

В данном изречении звучат сомнения писателя, чувствуется, что он затрудняется объяснить сложные психические процессы лишь *локализацией* идей.

[14] *Их мошенников мы знаем лучше...*— иронический намек на низкий уровень немецкой науки того времени и чрезмерное преклонение перед иностранной — английской и французской — культурой среди немецких ученых, отлично, по-видимому, осведомленных в уголовной хронике иностранных газет и в иностранных авантюрных романах.

[15] *...некоторые английские философы поворачиваются спиной к природе и верят в то, чего не ощущают...*— по-видимому, намек на субъективный идеализм епископа Беркли (1684—1753), который не раз объявлял материализм абсурдным учением и считал, что отрицание материи не принесет никакого ущерба человеческому роду, который даже не заметит отсутствия материи.

[16] *Битти Джеймс* (1735—1803) — шотландский философ, критиковавший субъективный идеализм Юма в «Опыте о природе и непреложности истины» (1770).

[17] *deus ex machina* (лат.) — «бог из машины». Так назывался в театре древних греков и римлян особый драматургический прием внезапного появления в конце пьесы бога спускавшегося на сцену на особом приспособлении и разрешавшего чисто схематически неразрешимые для автора и героев драмы противоречия. Этот фантастический исход не вытекал из логики развития действия.

[18] *...где можно обойтись ассоциацией и механистическими причинами.* Несмотря на то, что Лихтенберг сомневался в механистическом материализме и критиковал его, тем не менее и он, подобно многим своим современникам, все же не смог освободиться до конца от его влияния. В данном афоризме он рассматривает психическую деятельность в духе учения Хартли, которое применило идеи механистического естествознания к психологии. Однако положительное значение этого высказывания состоит в борьбе Лихтенберга против идеализма в философии.

[19] *...это все же лучше, чем изготовлять напыщенные свободолюбивые оды...*— намек на творчество поэтов «бури и натиска», отвлеченный, выспренний пафос которых осуждал Лихтенберг.

[20] *principium indiscernibilium* (лат., точней: *principium identitatis indiscernibilium*) — принцип неразличимого тождества. Принцип этот сформулирован философом Лейбницем. Согласно его учению, мир состоит из мельчайших частиц — монад, но не материальных, а духовных сущностей, которые индивидуальны и отличаются одна от другой. По мнению философа, в природе нет двух одинаковых существ или явлений. Если бы какая-нибудь монада имела одинаковое внутреннее содержание с другой, то они слились бы в одну и были бы неразличимы. Принцип неразличимости в «расширенном смысле» Лихтенберг толкует диалектически: все находится в непрерывном изменении и поэтому ничто не остается тождественным самому себе.

[21] *Если душа проста, к чему такая тонкая структура мозга? Организм — машина...* Изречение выражает сомнения Лихтенберга в принципах механистического материализма, например, Ламетри, отрицавшего сложную специфику органической материи и объяснявшего сознание лишь законами механики (Ж. О. Ламетри. «Человек — машина», 1747 г.).

[22] *Наша психология в конце концов придет к утонченному материализму...* Изречение направлено как против механистического материализма, так и против идеализма, отрицающего материальную основу мышления.

[23] *Танатология* — неологизм комического характера, созданный Лихтенбергом. Танатос — бог смерти в мифологии древних греков. Неологизм по созвучию напоминает слово «теология». Выражение «доктор танатологии» направлено против духовенства и религиозных аскетических догм.

[24] *Асимптота* (греч.) — В математике прямая линия, к которой неограниченно приближаются точки некоторой кривой по мере того, как эти точки удаляются в бесконечность. По мнению Лихтенберга, психология должна быть поставлена на материалистическую почву; однако сознание — *особый* вид высокоорганизованной материи. Это — кривая, точки которой «в бесконечности», т. е. в конечном итоге приближаются к асимптоте — материи, но не совпадают полностью с ней. Сознание не может быть полностью отождествлено с материей.

[25] *Я не думаю, чтобы состояние, когда ходили на четвереньках...* Эти мысли перекликаются с письмом Вольтера к Руссо по поводу трактата «Рассуждение о науках и искусствах»: «...когда читаешь Ваше сочинение, то загораешься желанием ползать на четвереньках». Подобно Вольтеру, Лихтенберг видел в идеализации патриархального состояния у Руссо возврат к дикости, к животному состоянию человека (см. также изречение *J 874,* стр. 56—57). Убежденный сторонник прогресса, он не разделял консервативной утопии Руссо и полагал, как и Вольтер в позднем периоде своего творчества, например, в философской повести «Простак» (1767), что человек будущего должен соединить в себе непосредственность чувств и нравственную чистоту патриархального общества с цивилизованным состоянием общества современного.

[26] *Non vitae, sed scholae discimus* (лат.) — «Учимся не для жизни, а для школы». Это ироническое изречение римского писателя Сенеки находится в его «Письмах» (106, 11) и образовано в противоположность известному латинскому афоризму: «*Non scholae, sed vitae discimus*» — «Учимся не для школы, а для жизни».

[27] *Полибий* — греческий историк (ок. 201—120 г. до н. э.), автор «Всеобщей истории». Лихтенберг, очевидно, читал Полибия в английском переводе.

[28] *Четырем силлогизмам.* Имеются в виду четыре основные фигуры силлогизма, дедуктивного умозаключения формальной логики. В данном случае «четыре силлогизма» — метафора, выражающая верность разуму в противоположность вере.

[29] *Сочинение, похороненное в университетской церкви,* в церковном склепе.

[30] *Торийская услужливость.* Тори — английская консервативная партия, представлявшая интересы дворян-землевладельцев и финансовой буржуазии, постоянно сопротивлявшаяся политическим реформам. Однако под влиянием поражения в войне с Америкой тори вынуждены были пойти навстречу промышленной и торговой буржуазии.

Под торийской услужливостью Лихтенберг имеет в виду компромиссный характер политики так называемых «новых тори» во главе с Уильямом Питтом (Младшим).

[31] *...но затмение солнца в полнолуние...*— намек на чудо, о котором рассказывается в евангелии: после распятия Христа произошло затмение солнца, длившееся три часа.

[32] *очищенный спинозизм.* Голландский материалист Спиноза (1632—1677), признавая существование объективной материальной субстанции, еще не мог отказаться от традиционной для средневековья религиозной терминологии и называл субстанцию «богом». «Очищенный спинозизм», т. е. материализм, очищенный от религиозной терминологии.

[33] *Кантианская философия может создавать царства, какие ей угодно, но... ей придется признать, что нашим представлениям соответствует нечто в окружающем мире.*

Согласно Канту, мир, окружающий человека, объективно существует, но он непознаваем. Поэтому наши знания о нем есть лишь представления рассудка, путем которого мы облекаем мир в логическую форму. По мысли Лихтенберга, кантианская философия должна стать на материалистические позиции и видеть в категориях рассудка, например, в причинности, отражение реальных объективных явлений, «если она не хочет заниматься старыми общеизвестными пустяками», т. е. продолжать считать мир непознаваемым, видеть в идеях, представлениях человека лишь результат его субъективного опыта, как это еще до Канта стремились доказать Беркли и Юм. Лихтенберг вскрывает непоследовательность, дуализм философии Канта.

[34] *Придворный лютеранин, придворный спинозист и собутыльник.* Ирония над известной частью немецких ученых, пресмыкавшихся перед знатью и стремившихся приспособить религиозное и философское вольнодумство к потребностям дворов и своим собственным.

[35] *Non cogitant, ergo non sunt* (лат.) — не мыслят, следовательно не существуют. Известное изречение Декарта, перефразированное Лихтенбергом. См. прим. 27 к *J 363*, стр. 188.

[36] *Главным вопросом философии Канта...* Изречение вызвано, по-видимому, размышлением Лихтенберга над рецензией немецкого философского писателя И. Г. Федера о переводе на немецкий язык произведений Юма. В рецензии, помещенной в журнале «Геттингенские ученые известия» (1790, стр. 1441), Федер отмечает близость понятия причинности у Канта субъективному идеализму Юма.

[37] *...«Критики» Канта.* Имеется в виду основное сочинение Канта «Критика чистого разума» (1781).

[38] *...философия еще сама себя сожрет. Метафизика уже частично это сделала.* Метафизикой в прошлом называлась часть идеалистической философии, исследовавшая высшие начала всего сущего, недоступные чувственному, опытному познанию, например, понятия бога, субстанции, души и пр. Эти понятия исследовались чисто умозрительно. И уже Кант, видный исследователь идеалистической метафизики, в «Критике чистого разума» пришел к выводу о невозможности доказательства существования бога, души и нанес тем самым серьезный удар метафизике. Лихтенберг надеется, что успехи науки и материализма вызовут внутренний крах и всей идеалистической философии в целом.

[39] *...разных милых историй о содомии, обмане из-за права первородства* — язвительные намеки на Библию. Города Содом и Гоморра были разрушены богом за то, что жители их отличались распутством («Бытие», гл. XVIII, XXI).

В книге «Бытия» (гл. XXV, стр. 27—34) рассказывается о том, как Иаков, сын Исаака, обманом отнял у своего голодного брата Исава право на первородство, а тем самым и на наследство.

[40] *...чтобы мы воспитывали себя в нем.* Лихтенберг намекает на учение Канта о нравственности, изложенное им в «Критике практического разума» (1788) и в «Религии в пределах только разума» (1793). Опровергнув идею существования бога в «Критике чистого разума», Кант в двух других упомянутых сочинениях доказывал, что если теоретически существование бога и невозможно доказать, то *практически* он должен существовать, ибо вера в бога — гарантия нравственного поведения человека. В душу человека бог вложил великий нравственный закон («категорический императив»), согласно которому человек должен преодолевать свои чувственные побуждения и следовать нравственному долгу, поступать всегда так, как если бы принципы, которыми руководствуется человек, сделались обязательными для всего общества.

Однако учение Канта о нравственности, хотя и было выражением прогрессивных устремлений немецкой буржуазии, страдало отвлеченностью, формальностью и было подвергнуто критике К. Марксом.

[41] *Мир по ту сторону шлифованных стекол...* Имеется в виду телескоп. Лихтенберг занимался астрономией, и проблемы строения вселенной интересовали его постоянно.

[42] *Не без основания смеются над попыткой того человека...* Имеется в виду немецкая народная сказка о придурковатых жителях Швабии (Вюртемберга).

[43] *...слово божие, указывающее, как лучше мыслить и более уверенно исследовать природу.* Подобно другим немецким материалистам, Лихтенберг еще следует традиции, делает уступки идеализму и склонен считать, что слово — «дар божий». Однако он дан человеку не столько для того, чтобы доказывать бытие бога, сколько для того, «чтобы лучше мыслить и более уверенно исследовать природу», т. е. познавать ее материалистические законы. В этом изречении чувствуется влияние деизма Локка, Вольтера, которые еще полагали, что способность мышления и ощущения заложена в материю богом.

[44] *Novum organum* (лат.) — «Новый органон». Френсис Бэкон (1561—1626) — английский материалист эпохи Возрождения, основное сочинение которого «Новый органон» (1620). Бэкон усматривал единственный путь к знанию в чувственном опыте.

[45] *...является с точки зрения высоких принципов Канта делом нравственно сомнительным.* Согласно нравственному учению Канта человек должен подчинять свои чувственные влечения нравственному закону. Этика Канта является отвлеченной, глубоко формальной. Поэтому чувственные влечения, по Канту, легальны, т. е. допустимы, но не вполне моральны. Лихтенберг, сторонник этики французских энциклопедистов (особенно учения Гельвеция), выступает против насилия над естественными человеческими влечениями и потребностями.

[46] *Sinking fund* (англ.) — фонд погашения. Финансовый термин, означающий особый фонд погашения выданных банком ссуд.

[47] *Минерва* — богиня мудрости у древних римлян (у греков Афина). Священной птицей богини считалась сова. «Жрецы Минервы» — философы.

[48] *...естественные вещи: «естественные» дети, естественная религия, естественная добродетель.* В немецком тексте афоризма содержится непереводимая на русский язык игра слов: выражение *«естественные дети»* (natürliche Kinder) означает собственно «внебрачные дети». В среде просветителей XVIII в. было популярным учение о «естественном состоянии» и «естественном человеке», особенно развитое Руссо. Под естественным состоянием он понимал возврат человека к патриархальному прошлому, к его первобытной нравственной чистоте и тесной связи с природой. Это было чисто умозрительное, антиисторическое представление о человеке и, по словам Энгельса, не что иное как «идеализированное царство буржуазии» *. Лихтенберг — один из поздних просветителей, в творчестве которого отразился и этап начинающегося кризиса просветительских идей, уже справедливо сомневался в этом учении, усматривая в нем много «неестественного».

[49] *...кого убеждают в его существовании теоретические или моральные его доказательства...* В богословии и идеалистической философии существует несколько доказательств существования бога. *Теоретическое* (космологическое) доказательство: поскольку мир существует, необходимо предположить и его творца. *Моральное* доказательство, развитое Кантом в «Критике практического разу-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 358.

ма»: бог существует в силу морального императива, который заложен в нашей душе; бог в «моральном миропорядке» есть залог справедливости и грядущей награды за исполнение долга, в земной жизни обычно не вознаграждаемого.

[50] *Консистория* (лат.) — церковно-административный орган, исполняющий функции надзора над религиозностью и нравами подданных.

[51] *Слово «несравненно» свидетельствует о том, что может стать на свете со словами.* Так как Лихтенбергу свойственны элементы диалектического подхода к миру, то он считает, что все явления объективной действительности взаимосвязаны друг с другом, все возможно и необходимо сопоставлять и сравнивать, так как «все находится во всем» (*F 146*). Поэтому он не может понять выражения — «несравненно», и считает его логической бессмыслицей.

[52] *Персий Авл Флакк* (34—62 г. н. э.) — римский сатирик.

[53] *Magister artium* (лат.) — учитель искусств. Так Персий называет желудок в прологе к своим сатирам (стих 10).

[54] *Философия Канта, изложенная без кантовских выражений в практических сочинениях, безусловно, имела бы успех.* Лихтенберг осуждает сложный стиль изложения Канта (ср. *J 453*, стр. 55), но приветствует признание Кантом объективной, реальной действительности. Эта идея, по мнению Лихтенберга, склонявшегося к материализму, полезна в «практических сочинениях» и имела бы успех, но «без кантовских выражений», т. е. без типичного для кантианского агностицизма понятия — «вещи в себе». Здесь Лихтенберг также критикует дуализм философии Канта.

[55] *Господину Канту принадлежит.* Лихтенберг глубоко оценивает Канта и справедливо видит заслугу философа в том, что тот обратил серьезное внимание на субъективную сторону человеческого познания, которая в значительной степени выпала из поля зрения французских материалистов. Однако исследовав способность познания, присущую ему активность и обнаружив противоречия в нем, Кант пришел к агностицизму.

[56] *Фихте, по-видимому, забыл...* Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий субъективный идеалист. Согласно его учению, мир, окружающий человека, есть лишь порождение сознания субъекта, мыслящего «я». Лихтенберг критикует Фихте: никакое мыслящее «я» не может помочь видеть близоруким без очков, глухим — слышать без слуховых трубочек, а калекам — ходить без костылей. Эти предметы должны существовать *реально*, а не в умозрении субъекта. Если быть последовательным, иронизирует Лихтенберг, то люди должны уподобиться полевым зверям и есть сырое мясо, ибо для того, чтобы пользоваться кухней, совершенно недостаточно создавать ее своим творческим «я», в воображении. Лихтенберг выдвигает реальную человеческую практику как верное доказательство существования объективного материального мира.

Религия

[1] *...если он появляется к нам в такую дурную погоду.* Намек на библейский эпизод: явление Иеговы Моисею на горе Синай при громе, молнии и густых облаках («Исход», гл. XX, стих 16).

[2] *...бутылку воды можно превратить в бутылку вина.* См. прим. 9 к *D 239*, стр. 192.

[3] *...одну личность превращают в три* — иронический намек на божественную троицу.

[4] *Пьяницу-попа... кто-то спросил...* Афоризм является пересказом короткого диалога из комедии английского драматурга Р. Б. Шеридана (1751—1816) — «Дуэнья» (акт III, карт. 6).

[5] *...вокруг головы рисуют ноль.* Иронический намек на нимб, условное изображение сияния (в виде круга) вокруг головы христианских святых.

[6] *Апис* — священный бык у древних египтян, а в эллинистическую эпоху и у греков. Апис считался земным воплощением бога Пта — бога изначальной творческой силы, покровителя ремесел и искусств и должен был быть обязательно черной масти с белым пятном на лбу. Избрание нового папы — «наместника Христа на земле» иронически сравнивается с языческим культом египтян.

[7] *Оракул* (лат.) — предсказание судьбы, которое давалось во многих знаменитых языческих святилищах; в переносном смысле — сами эти святилища и прорицавшие в них жрецы.

[8] *Талер* — см. прим. 2 к *B 133*, стр. 186.

[9] *Изида (Исида)* — богиня плодородия у древних египтян, культ которой стал впоследствии популярен и в греко-римском мире.

[10] *...«дерьмо дьявола»* (Teufelsdreck) — так называется по-немецки особый род древесной смолы, добываемой из корня зонтичных растений в Иране, Афганистане, Индии. Обладает весьма неприятным запахом. На Востоке употребляется как ценная пряность и считается «пищей богов». Афоризм ироничен. Подчеркивая относительность религиозных верований, Лихтенберг дискредитирует понятие божества.

[11] *...равноценно попыткам стоиков.* Стоицизм — философская школа, возникшая в III в. до н. э. в Афинах и весьма популярная в поздние века существования греко-римского рабовладельческого общества. Учение стоиков оказало влияние и на зарождавшееся в древности христианство, а одного из видных представителей римского стоицизма — Сенеку Ф. Энгельс назвал «дядей христианства». Сенека утверждал, что в мире царствует неумолимая судьба, неотвратимая необходимость. Истинный мудрец должен вести жизнь, согласную с законами природы, т. е. подчиняться необходимости и уметь подавлять свои страсти, покорно и стойко переносить все невзгоды. В этом случае он обретет истинное счастье, безмятежное состояние духа, так называемую апатию. Лихтенберг считает невозможным отказ от естественных земных влечений человека.

[12] *...странствуют, чтобы обманывать и обирать людей.* Намек на монахов.

[13] *Кампер Петрус* (1722—1789) — голландский анатом и путешественник.

[14] *Пещера Баумана* — известная сталактитовая пещера в Гарце, сталактиты которой образуют причудливые фигуры.

[15] *«Всеобщая немецкая библиотека»* — журнал, издававшийся с 1765 по 1792 г. весьма умеренным берлинским просветителем Николаи.

[16] *Шпандау* — город в 12 *км* к западу от Берлина, известный своей крепостью-тюрьмой.

[17] *...иезуиты которого — богословы.* Подобно иезуитам, орден которых был основан в XVI в. для борьбы против Реформации и поддержания авторитета римского папы, богословы в новое время являются также защитниками религии и бога — «неизвестного папы». По мнению Лихтенберга, бог — «это олицетворение непонятного» (*L 737*). Подобно иезуитам, богословы пользуются для этого самыми отвратительными средствами — шпионажем, лицемерием и пр.

[18] *Теософия* (греч.— божественная мудрость) — религиозное мистическое учение, стремящееся доказать возможность общения с божеством и потусторонним миром путем особого умозрения и магических приемов.

[19] *Астрология* — лженаука, претендовавшая на предсказание событий и человеческих судеб по расположению звезд на небе.

[20] *Новозеландец: а вы, попы,— богоеды.* Ответ туземца католическому миссионеру язвителен: по христианскому обряду, верующие, вкушая хлеб и вино, вкушают тело и кровь Христа.

[21] *Шульце Иоганн Генрих* (1739—1823), прозванный «проповедником с косичкой», один из смелых умов того времени, неоднократно обвиненный в атеизме и преследовавшийся светскими и духовными властями. Основные произведения Шульце вышли анонимно: «Опыт введения в учение о нравственности для всех людей без различия религий» (1783); «Философские размышления о теологии и религии вообще и иудейской в частности» (1784), «О религии, деизме, просвещении и свободе совести» (1788). В своих сочинениях Шульце отрицал свободу воли и возможность познания бога, защищал детерминизм, считал мораль независимой от религии.

[22] *Физикотеология могла бы заняться... игрой в конечные причины.* Ирония над религиозной телеологией — учением о целесообразности созданного богом мира. Согласно этому учению, все имеет свои причины в мудрости божества. Афоризм направлен против расовой нетерпимости.

[23] *Гейденрейх Карл Генрих* (1764—1801), профессор философии в Лейпцигском университете, автор «Писем об атеизме» (1796). Был отстранен от преподавания за вольнодумство.

[24] *Вместо монархии бога у нас теперь феодальная система.* Имеются в виду различные религии — католичество, лютеранство, кальвинизм, ислам и пр., которые враждуют между собой, подобно вассалам в феодальном государстве. Афоризм осуждает религиозный фанатизм.

[25] *Если наше богословие будет продолжать превращаться все более и более в «богозаконие»..*, т. е. если религия все более будет превращаться в нравственное учение, лишенное абсурдов и суеверий христианства, то Новый завет, евангелие, устареет (ср. *L* 273, стр. 78). Подобно другим просветителям, Лихтенберг приходил к атеизму через деизм, отстаивая «естественную религию», основанную на принципах Разума.

[26] *Люттих* — в XVIII в. город в Нидерландах, в настоящее время г. Льеж (Бельгия).

Психология Этика

[1] *Севедж* — английский поэт, умерший в долговой тюрьме.

[2] *Гюнтер Иоганн Кристиан* (1695—1723) — выдающийся лирический поэт раннего немецкого просвещения, краткая жизнь которого сложилась необычайно трагически в условиях феодальной действительности.

[3] *Апокалипсис, или Откровение Иоанна Богослова* — одна из книг Нового завета, содержащая мистические пророчества о конце мира.

[4] *...для этого, возможно, нужен был большой нос* — ирония Лихтенберга, так как, по его мнению, для объяснения Евангелия разум не требуется, а необходимо особого рода «чутье», «нюх» верующего, не имеющий ничего общего со здравым смыслом.

[5] *...вопрос на конкурсе.* В XVIII в. академии и ученые общества часто объявляли конкурсы на сочинения. Научная проблема предлагалась в форме вопроса.

[6] *Бертольд Шварц* (род. в начале XIV в.) — изобретатель пороха.

[7] *Минувшая скорбь приятна в воспоминании...* В афоризме отчетливо сказывается влияние сенсуалистической этики Гельвеция, с произведениями которого Лихтенберг был хорошо знаком. См. также *D* 131, стр. 37; *D* 400, стр. 39.

[8] *Мендельсон Моисей* (1729—1786) — берлинский просветитель, друг Лессинга, по происхождению еврей. Лафатер в 1769 г. в открытом письме к Мендельсону потребовал от него либо опровергнуть доказательства существования бога в книге французского теолога Боннэ «Философские исследования христианских доказательств», либо принять христианство.

[9] *...хорошего прусского роста.* Мендельсон был горбат. Ироническое замечание относится не к Мендельсону, а к прусской армии, в которую вербовщики стремились вербовать (большей частью насильно) людей высокого роста.

[10] *Диоген* (412—323 до н. э.) — древнегреческий философ-киник, проповедовавший опрощение, преодоление страстей, равнодушие к богатству и земным благам. Прославился своим крайне невзыскательным образом жизни.

[11] *...или пользуется всеми тремя способами, как немец* — шутка по адресу соотечественников, неумеренно подражавших иностранцам.

[12] *Улиетеа* — один из островов Товарищества, открытый Джемсом Куком в Тихом океане. Случай, о котором рассказывает Лихтенберг, описан Куком в его дневнике (20 июля 1769); Лихтенберг использовал в качестве источника книгу Hakesworth. Geschichte der Seereisen und Entdeckungen im Südmeer. Bd. II, B., 1774, S. 252.

[13] *Тот факт, что люди делают все из личного интереса, полезно знать философу. Однако он не должен действовать по этому принципу, а, напротив, сообразовываться с обычаями света...*— мысль, перекликающаяся с учением французских материалистов о «разумном эгоизме», правильно понятом личном интересе как основе счастья человека и общества.

Это сочетание интересов личности и общества, по мнению Лихтенберга-деиста,— результат действия «первопричины», божества, создавшего мир.

[14] *...подобно тридцати двум направлениям ветров на компасе.* Большие корабельные компасы имеют более точную шкалу для определения стран света (до 32 делений), так называемую «розу ветров», например, норд-норд-вест, зюд-ост-ост и т. д.

[15] *По-моему, эта теория представляет в психологии...* По-видимому, имеется в виду физиогномика Лафатера. Лафатер Иоган Каспар (1741—1801) — немецко-швейцарский писатель, известный в XVIII в. своими «Физиогномическими фрагментами» (1772—1778). В них он доказывал возможность определения черт характера и интеллектуальных способностей людей по рельефу лица и строению черепа и претендовал на роль основателя новой науки. Особенной популярностью пользовались идеи Лафатера в среде писателей литературного движения «бури и натиска» (штюрмеров), для которого был характерен культ выдающейся, гениальной личности («бурного гения»). Некоторое время Лафатером увлекался и юный Гете.

Однако все рассуждения Лафатера совершенно произвольны, не имеют никакого научного значения и проникнуты к тому же мистицизмом. При изучении человеческой физиономии он стремился разгадать, насколько в ней отражается «божественное начало», и полагал, что степень физиогномического чутья определяется способностью к восприятию христианских идей. Лихтенберг был одним из самых первых рьяных врагов антинаучных измышлений Лафатера и едко осмеял его физиогномику во многих изречениях и блестящих памфлетах («О физиогномике и физиогномах. В поощрение гуманности и изучения человека», «Фрагмент о хвостах»).

[16] *После того, как создана теория...* Речь идет о физиогномических теориях Лафатера.

[17] *«Виды на вечность»* — религиозно-мистическое сочинение Лафатера (1768—1773).

[18] *Терци* — известный в XVIII в. английский канатный плясун.

[19] *...«конфирмация» нового рода.* Конфирмация (*лат.*— утверждение) — у протестантов и католиков проверка религиозных знаний у юношей и девушек, а также обряд приобщения их к церкви. Писатель иронизирует. Так как по рельефу лица и строению черепа Лафатер пытался определять черты характера человека, то «новая», физиогномическая конфирмация сможет обнаруживать будущих преступников и распоряжаться даже человеческой жизнью.

[20] *Аутодафе* (исп.) — сожжение еретиков испанской инквизицией.

[21] *...но не носы, насколько мне известно.* Намек на «Физиогномические фрагменты» Лафатера, в которых автор утверждал, что в форме носа Гете особенно сказывается гениальность, продуктивность и вкус поэта.

[22] *Геродот извиняется, что он должен называть варварские имена...* Геродот (V в. до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории», в которой описаны греко-персидские войны и сообщаются ценные сведения о народах древнего Египта, Скифии и других стран. Древние греки и римляне называли все народы, не относившиеся к греко-римскому миру, «варварами». К этим народам, являвшимся источником пополнения рабов в результате войн и завоеваний, древние относились с известным пренебрежением, свойственным идеологии рабовладельцев. Лихтенберг, который не склонен был вообще чрезмерно идеализировать древность, осуждает в афоризме национальную нетерпимость.

[3] *Выводить общие правила относительно внешнего облика гениев по бюстам великих греков...* Снова намек на теории Лафатера.

[24] *...с помощью философии и цивилизованного разума утонченных людей усовершенствовать слепые, естественные порывы варвара...*— см. прим. 25 к *F 578*, стр. 194.

[25] «*Британский Меркурий*» — английская газета в XVIII в.

[26] *Питт Уильям* (Младший) (1759—1806) — министр финансов, а затем премьер-министр Англии, лидер партии тори. См. прим. 30 к *RA 16*, стр. 194.

[27] *Просвещение всех сословий состоит...* см. прим. 13 к *D 318*, стр. 200.

[28] *Каждый готов поумнеть благодаря понесенному ущербу...* Афоризм обыгрывает пословицу: «Durch Schaden wird man klug» («Убытки ум дают»).

[29] *Чего нет в сердце, то на языке...* Афоризм перефразирует известное библейское изречение: «От избытка сердца глаголят уста». С переводом Библии Лютером на немецкий язык это изречение становится пословицей: «Wes das Herz voll ist, des gehet der Mund über».

[30] *Шамфор Себастьян Рок Никола* (1741—1794) — французский драматург, критик и писатель, известный своими остроумными «Максимами, мыслями».

[31] *В настоящее время имеется так много гениев...*— иронический выпад против поэтов «бури и натиска». К их культу «гениальной личности» Лихтенберг относился отрицательно. См. прим. 9 к *D 364*, стр. 202.

[32] *Челлини Бенвенуто (1500—1571)* — золотых дел мастер и скульптор эпохи итальянского Возрождения. В изречении имеется в виду его автобиография «Жизнь Бенвенуто Челлини».

Изречение Лихтенберга является не цитатой, а вольным переложением места из книги в переводе Гете: «Правда, обычно говорят: ты, наконец, научишься и в следующий раз будешь умней; но я нахожу это выражение неверным, ибо то, что с нами приключается, происходит всегда в такой форме, которую мы не могли бы себе и вообразить» (J. W. Goethe. Sämtliche Werke. Weimarer Ausgabe, Bd. 44, S. 58).

Лихтенберг с интересом читал книгу Челлини в переводе Гете. Она публиковалась частями в журнале «Оры», издававшемся Шиллером.

[33] *...почти то же, что и стихотворение без «л».* См. прим. 34 к *F 381*, стр. 204

[34] *...из того, чему учит Кант.* См. прим. 45 к *J 1048*, стр. 196.

Эстетика. Литература

[1] *Хоум Генри* (1696—1782) — английский философ-просветитель, который в своих «Элементах критицизма» (1762—1765) развивал сенсуалистическую теорию вкуса и рассматривал искусство как подражание природе.

[2] *При том положении в мире, которое имеется в настоящее время...* — намек на французскую революцию.

[3] *нужно немножко пораспутничать и как бы откармливать свой гений дурными нравами.* Имеются в виду «бурные гении», представители литературного направления «бури и натиска». Их поведение, являвшееся протестом против нравственных устоев дворянства и филистерства, граничило у некоторых с моральным нигилизмом.

[4] *...Однако оно настолько заржавело от предрассудков, от слов, которым не соответствуют понятия...* Критика догматизма в науке и искусстве у Лихтенберга перекликается с подобной же критикой Гете в «Фаусте»:

Ученик.

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель.

Прекрасно, но о том не надо так крушиться:
Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять
В словах нельзя ни йоты изменять.

(Ч. I, сц. 4, кабинет Фауста.
Пер. *Н. Холодковского).*

[5] *Геллерт Христиан Фюрхтеготт* (1714—1769) — немецкий писатель эпохи Просвещения. Его «Басни и рассказы» (1746—1748), написанные живым и доступным широким массам языком, пользовались в XVIII в. большой популярностью.

[6] *Королек* — красивая, но не певчая птица.

[7] *...потому что им кажется нелепым подобные вещи публиковать* — намек на писателей «бури и натиска». Лихтенберг резко отвергал слабые стороны этого движения: гипертрофированную сентиментальность, культ «гения», расплывчатость мысли, пустой энтузиазм и пр.

[8] *То, что нужно было сделать... по-шекспировски...* Имеется в виду увлечение творчеством Шекспира в среде «бурных гениев», которому они стремились подражать, ведя борьбу за реалистическое и национальное искусство. На высокое значение Шекспира впервые в XVIII в. в Германии указал еще Лессинг в «Литературных письмах» и «Гамбургской драматургии», затем Гердер в статье «О Шекспире», а впоследствии Гете, Ленц и др. Однако далеко не у всех штюрмеров усвоение реалистических традиций Шекспира было органичным. Нередко оно вырождалось в поверхностную шекспироманию.

[9] *...хочет быть совершенно оригинальным.* Намек на характерный для «бури и натиска» культ «оригинального гения» (Originalgenie) — свободной, выдающейся личности, для которой в искусстве не существует ограничивающих правил. Она неповторима и творит по внутреннему природному вдохновению. На возникновение этого культа оказало влияние сочинение английского сентименталиста

Э. Юнга «Предположения об оригинальных сочинениях» (1759). Являясь своеобразной формой борьбы за раскрепощение личности, против искусства классицизма, этот культ приводил порой у штюрмеров к оправданию индивидуализма, эстетическому произволу. В этом изречении Лихтенберг имеет в виду зависимость произведений «бурных гениев» от английского и французского сентиментализма, их шекспироманию.

[10] *Я немецкая девушка.* Начальные слова и рефрен из оды немецкого поэта Клопштока (1724—1803) «Отечественная песня». См. прим. 12 к *D 647*, стр. 187.

[11] *Многих из наших оригинальных гениев...* Сатирический выпад против писателей «бури и натиска».

[12] *Вам следовало бы когда-нибудь поглядеть на английских ученых.* Как просветитель, Лихтенберг не проводил резкого различия между наукой и литературой. Поэтому понятия «ученый» и «писатель» у него весьма близки.

[13] *Вестминстерское аббатство* — готический собор св. Петра в Лондоне, являющийся усыпальницей королей и великих людей Англии.

[14] *Позолоченная пилюля, меч и весы* — метафорические образы, характеризующие стиль, средства художественной выразительности писателя-ученого: «позолоченная пилюля» и «меч» — насмешка и убийственная ирония; «весы» — научное рассуждение, анализ.

[15] *...период ...с длинными завитками* — по-немецки: Alongen-Periode. Слово представляет сатирический неологизм, образованный Лихтенбергом по аналогии со словом — Alongen-Perücke — парик с длинными локонами, который носили в XVII и в первой половине XVIII в.

Так иронически характеризует Лихтенберг тяжелый канцелярский немецкий язык XVIII в. с его длинной цепью придаточных предложений.

[16] *Винкельман Иоганн Иоахим* (1717—1768) — известный немецкий искусствовед-просветитель, автор «Истории искусств древности» (1764), оказавшей большое влияние на формирование просветительского классицизма во Франции и Германии. Справедливо связывая высокий расцвет искусств в Греции и Риме с политической свободой, высоко оценивая эстетическое значение античного искусства, Винкельман вместе с тем стремился истолковать его эстетический идеал как некую вечную, абсолютную норму прекрасного.

Определение Винкельманом сущности этого идеала — «благородная простота и умиротворенное величие» — носит слишком абстрактный характер. Против антиисторизма Винкельмана и созерцательного истолкования им прекрасного выступали Лессинг, Гердер, Лихтенберг.

[17] *Шефтсбери Энтони Эшли Купер* (1671—1713), английский философ-моралист: так же, как позднее Винкельман, судил об античном искусстве антиисторически («Письма джентльмена к молодому человеку, учащемуся в университете», 1706—1710).

[18] *Аполлон из Ватикана* — известная античная статуя, находящаяся в музее Ватиканского дворца в Риме, так называемый Аполлон Бельведерский.

[19] *...видел Демокрита.* Речь идет о бюсте или статуе древнегреческого философа Демокрита. Так как древнего достоверного изображения Демокрита нет, Лихтенберг говорит, следовательно, о произведении, принадлежащем скульптору новейшего времени.

[20] *Калигула Гай Цезарь* (37—41 гг. н. э.) — римский император.

[21] *Троян Марк Ульпий* (98—117 гг. н. э.) — римский император. Речь идет об античных статуях императоров.

[22] *...чувствительные энтузиасты,* т. е. писатели и поэты, принадлежащие к направлению «бури и натиска».

[23] *«Гец фон Берлихинген»* — пьеса юного Гете, яркое произведение «бури и натиска», написанное в манере Шекспира.

[24] *Дрюри Лейн* — театр в Лондоне, в котором во времена Лихтенберга выступал блестящий исполнитель шекспировских ролей Гаррик.

[25] *...как исполнение немецкой студенческой песни...* В немецком тексте упоминается старинная студенческая песня — «Landesvater», которая исполнялась в студенческих корпорациях во время особого обряда: корпоранты накалывали свои корпорантские шапочки одну за другой на рапиру. Песня получила название по начальным словам: «Landesvater, Schutz und Rater...» («Государь, защитник и советчик»...).

[26] *Собор св. Петра* — знаменитый католический собор в Риме, построенный Микельанджело (XVI в.).

[27] *Аполлон* — бог поэзии и музыки.

[28] *Делать прямо противоположное чему-либо...* Намек на оригинальничанье «бурных гениев».

[29] *серафически-немецкий.* В узком смысле насмешка относится к языку сентиментального поэта Клопштока, в особенности к его поэме «Мессиада», которая воспевает Христа, мессию (спасителя), необычайно выспренним, туманным языком религиозного экстаза. В широком смысле эта насмешка относится ко всей чрезмерно экзальтированной литературе «бури и натиска».

[30] *«Найденыш»* — точней, «История Тома Джонса, найденыша», роман английского реалиста Генри Филдинга (1707—1754).

[31] *...следуют совету Горация...* — имеется в виду стих Горация из его произведения «Послание к Писонам», где он рекомендует поэтам: «храни [произведение] девять лет» (nonum prematur in annum, стих 388).

[32] *Furor Wertherinus* (лат.) — вертеровское безумие. В романе Гете «Страдания молодого Вертера» (1774), типичном произведении «бури и натиска», сентиментальный герой кончает жизнь самоубийством. Роман пользовался огромным успехом среди молодежи того времени, но оказал также и дурное влияние, вызвав настоящую «вертеровскую лихорадку», волну самоубийств. С этой точки зрения Лихтенберг не одобрял романа Гете (см. также *F 350*, стр. 123—124).

[33] *...сердце с мошонкой.* Сатирическая насмешка над чувствительностью писателей-штюрмеров, с преувеличенным пафосом писавших на любовные темы (см. также *F 334*, стр. 91).

[34] *Брокес Бартольд Хинрих* (1680—1747), поэт и переводчик раннего немецкого просвещения, связанный с пиэтизмом. В немецком тексте афоризма указывается на то, что Брокес сочинял стихи без буквы «*p*» столь необходимой, по мнению Лихтенберга, так как без нее невозможно попросить хлеба (Brot) и воды (Wasser). Для того, чтобы сохранить остроумный смысл высказывания, в русском переводе используется адекватное словосочетание — «хлеб и соль».

[35] *...четырех частей света.* Имеются в виду Европа, Азия, Америка и Африка. Австралия, открытая Дж. Куком в 70-х годах XVIII в., была мало исследована и долгое время не считалась частью света.

[36] *in effigie* (лат.) — повесить чье-либо изображение, как бы предавая казни его оригинал — старинный колдовский прием. Здесь иронически имеется в виду портрет писателя в начале его книги или собрания сочинений.

[37] *Мы пишем для своих современников, а не для древних греков...* Лихтенберг ценил античную культуру, но не разделял чрезмерного преклонения перед ней, ее идеализации, как это было свойственно Винкельману, а в 90-е годы — Гете и Шиллеру. Данное изречение свидетельствует об элементах исторического подхода у Лихтенберга к явлениям искусства. «Утонченность» современной культуры, по его мнению, такое же естественное явление для «более зрелого» общества, как «простота» для древних.

[38] *Ланге Иоганн Иоахим* (1670—1744) — богослов, автор мистико-философских и пиэтистских сочинений, в которых проповедовал внутреннее благочестие в противовес лютеранской ортодоксии. Однако очень скоро он стал отъявленным фанатиком и способствовал изгнанию последователя Лейбница, философа Вольфа, из Галле. «Латинские беседы» Ланге — слащаво-мистические, примитивные наставления в вере.

[39] *Гаррисон Джон* (1693—1776) — английский изобретатель-самоучка, усовершенствовавший морские корабельные часы и прославившийся изготовлением точных хронометров.

[40] *Многое, не поддающееся выражению...* — намек на расплывчатость стиля и пустоту содержания в произведениях некоторых штюрмеров.

[41] См. прим. 21 к *F 724*, стр. 201.

[42] *Федер Иоганн Генрих* (1740—1821) — немецкий философский писатель, просветитель.

[43] *Мейнерс Кристоф* (1747—1810) — профессор философии в Геттингене.

[44] *Гарве Кристиан* (1742—1798) — немецкий философ и естествоиспытатель.

[45] *...если кто-нибудь говорит с тобой в восторженном тоне прорицателя...* — вновь выпад против штюрмеров.

[46] *...попадают в гении с таким же правом...* — намек на писателей «бури и натиска».

[47] *Янус* — бог мира и войны у древних римлян. Во время войны двери храма Януса были открыты, в период мира закрывались.

[48] *Тацит Корнелий* (прибл. 55—117 н. э.) — римский историк, автор «Истории» и «Анналов».

[49] *Стерн Лоренс* (1713—1768) — выдающийся английский писатель-сентименталист.

[50] *Бэкон Джон* (1740—1799) — английский скульптор.

[51] *Пель-Мель* — улица в западной части Лондона, где расположены многие аристократические клубы.

[52] *Венера Медицейская* — знаменитая античная статуя богини красоты, хранящаяся в музее Уффици во Флоренции.

[53] *У одного бывает неверное правописание...* — намек на споры о реформе немецкого правописания, которые велись в Германии в XVIII в. В 1779 г. Клопшток опубликовал статью «О немецком правописании», в которой отстаивал строго фонетический принцип в орфографии. Статья Клопштока вызвала возражения Гердера, Лессинга, Глейма и других немецких писателей. В современной немецкой орфографии наряду с фонетическим принципом сохраняется также и принцип исторический.

[54] *Буало Никола* (1636—1711) — французский сатирический поэт периода классицизма, автор стихотворного трактата «Поэтическое искусство» (1674), представляющего программу французского классицизма.

[55] *...найти для первого такие стопы, чтобы он поспел за вторым.* В немецком тексте игра слов: Füße означает «ноги», а также «стихотворные стопы».

[56] *Лукреций* (I в. до н. э.) — римский поэт-материалист, ярко изложивший учение о природе в поэме «О природе вещей».

[57] *Кто-то при чтении «Мессиады»...* Намек на туманность, неясность содержания поэмы и однообразие выспреннего тона.

[58] *...обладает стилем, похожим на метиса* — намек на подражание иностранным образцам со стороны некоторых немецких писателей, на отсутствие у них оригинального национального стиля.

[59] *...то, что я выдумал за Хогарта.* Хогарт Уильям (1697—1764) — английский живописец, график, теоретик искусства, один из самых значительных реалистов XVIII в. Серию его гравюр творчески прокомментировал Лихтенберг. См. об этом подробней в статье, стр. 159—160.

[60] *Психолит* — неологизм Лихтенберга, образованный из двух греческих слов: «психэ́» — душа, «ли́тос» — ка́мень.

[61] *Жан Поль Рихтер* (1763—1825) — немецкий демократический писатель-сатирик, остро критиковавший дворянство и захолустный быт немецкого мещанства. Стиль Рихтера весьма своеобразен и нередко тяжел: множество отступлений, произвольные переходы от одной темы к другой, причудливые метафоры, сложный синтаксис, неясные намеки, вычурное остроумие и пр. Впоследствии стиль его критиковал Гейне, а у нас Белинский.

Остроумная шутка

[1] *...говорил устами одержимых...* Намек на плохой латинский язык попов и монахов.

[2] *Маргейт* — город на юго-восточном побережье Англии, в 35 км от Лондона, известный морской курорт.

[3] *Иена и Гоморра* — ср. Содом и Гоморра, прим. 39 к *J 874*, стр. 195. Очевидно, намек на грубость и распущенность студенческих нравов в Иене.

[4] *Гальвани Луиджи* (1737—1798) — известный итальянский физик, открывший явление электричества в животном организме. Свои опыты Гальвани производил на лягушках, наблюдая сокращения мышц при соприкосновении их с металлами.

[5] *Руки — это волшебные палочки, постоянно нащупывающие металл.* Согласно древнему немецкому поверью существуют волшебные палочки, точнее веточки, определяющие место, где зарыт клад.

[6] *...группа Лаокоона* — известная скульптурная группа, принадлежащая родосским ваятелям III—I вв. до н. э. Она изображает троянского жреца Лаокоона и его двух сыновей, которых душат две гигантские змеи.

[7] *Гекзаметр* — шестистопный стих. *Пентаметр* — пятистопный стих. Гекзаметр в сочетании с пентаметром образуют обычно строфу — элегическое двустишие. Пентаметр, как более короткий стих, следует за гекзаметром и заключает двустишие.

[8] *...распоротое дамское платье* — очевидно, намек на кринолин — платье с огромной юбкой.

[9] *...он уже выставил трехцветный нос.* В немецком тексте игра слов: dreifarbige Nase — намек на трехцветное французское революционное знамя (нем. Trikolore).

Лихтенберг о себе

[1] *Кардинал де Ретц,* Франсуа Поль де Гонди (1613—1679) — парижский архиепископ, французский политический деятель периода фронды, автор мемуаров.

[2] *Гейнберг* — гора в окрестностях Геттингена.

[3] *Эпикур* (341—270 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. К. Лихтенберг. Афоризмы (перевод *Г. С. Слободкина*)

Политика 5
Философия. Наука 30
Религия 67
Психология. Этика 82
Эстетика. Литература 108
Остроумная шутка 141
Лихтенберг о себе 146

ПРИЛОЖЕНИЯ

Г. С. Слободкин. Георг Кристоф Лихтенберг и его «Афоризмы» 155
Примечания 186
Политика 186
Философия. Наука 191
Религия 197
Психология. Этика 199
Эстетика. Литература 202
Остроумная шутка 206
Лихтенберг о себе 206

Георг Кристоф Лихтенберг
Афоризмы

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства *М. Е. Грабарь-Пассек*
Художник *Л. Г. Ларский*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*

Сдано в набор 11/IX 1963 г.
Подписано к печати 6/XII 1963 г. Формат $70\times90^{1}/_{16}$.
Печ. л. 13. Усл. л. 128.
Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 22 000 экз.
Изд. № 1896. Тип. зак. № 2728.

Цена 85 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
51	13 св.	и полнолуние	в полнолуние
57	14 св.	сторошу	сторону

Г. К. Лихтенберг. Афоризмы

Г. К. ЛИХТЕНБЕРГ

Афоризмы

Г. К. ЛИХТЕНБЕРГ · Афоризмы

85 коп.

Г. К. ЛИХТЕНБЕРГ

Г. К. ЛИХТЕНБЕРГ

Афоризмы